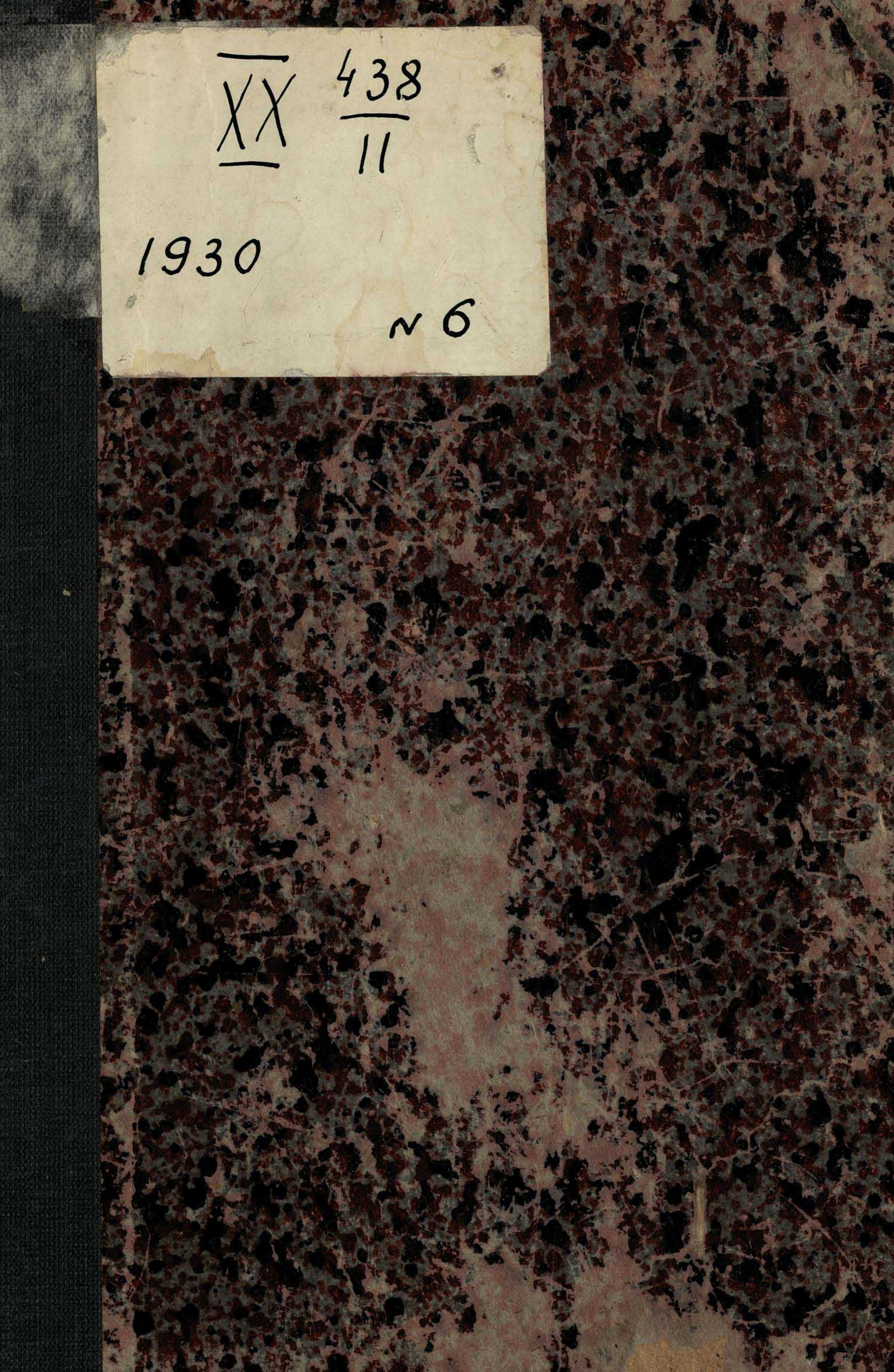
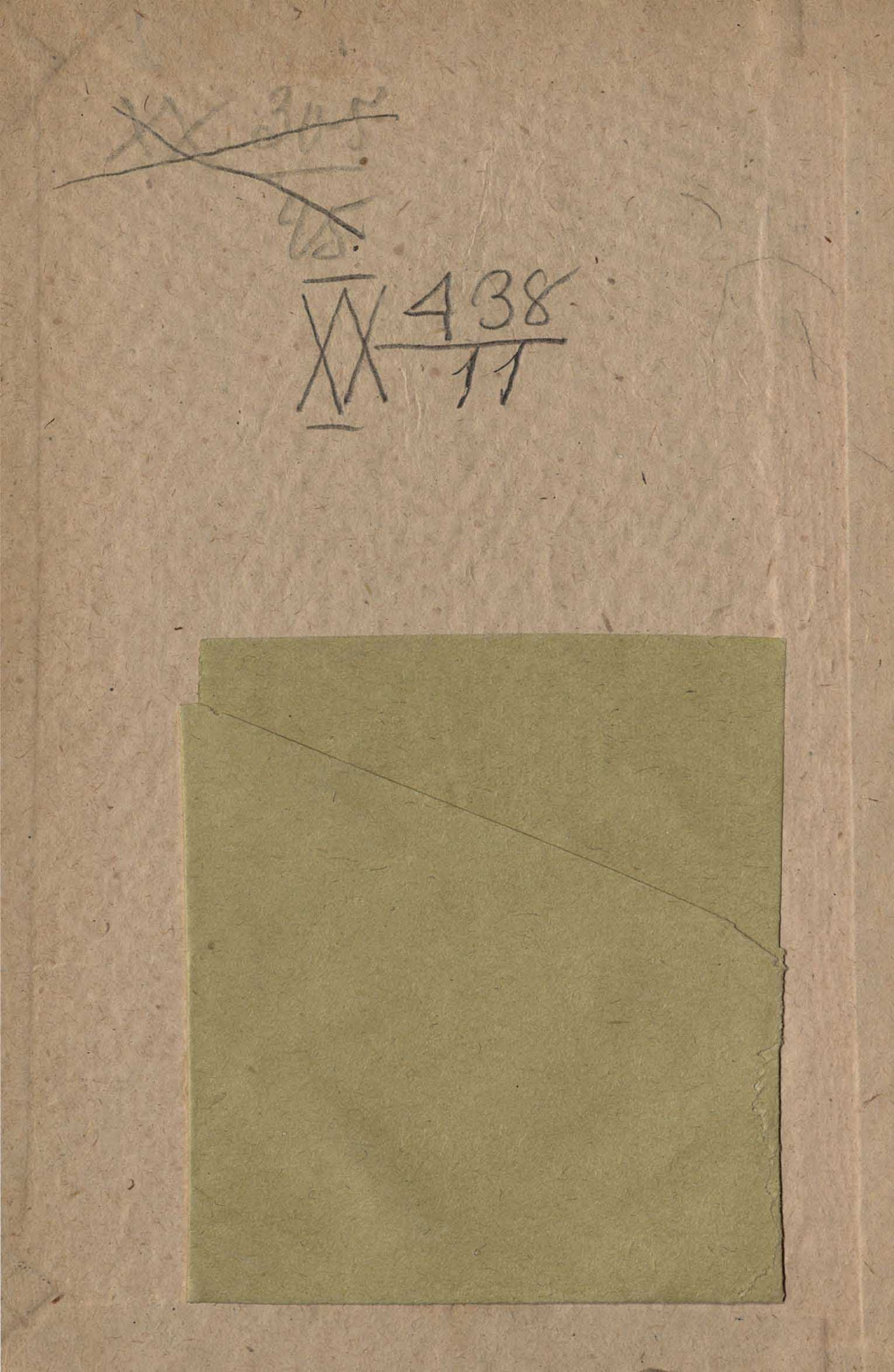
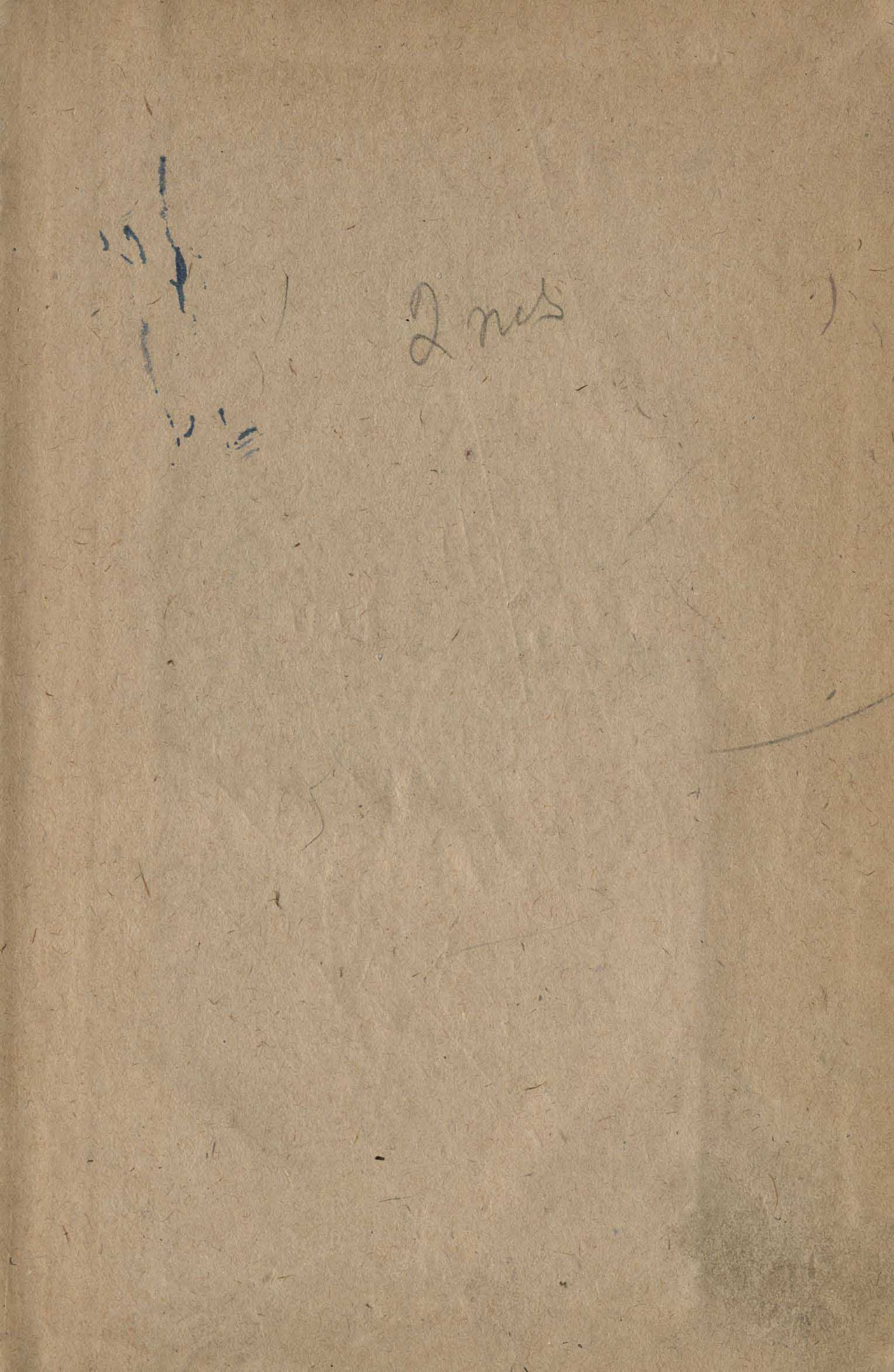

XX 438/11

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ВКП(б)

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

№ 6 (39)

1930

ПРАВДА

ИСКРА

ВПЕРЕД

ЗВЕЗДА

ПРОЛЕТАРИЙ

ДЕЛО ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

19 „ЛЕНИНГРАД" 31

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ВКП(б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

СБОРНИК

№ 6 (39)

1930 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ГАЗЕТА»
ЛЕНИНГРАД — 1930

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

Ленинградский Областлит № 72324. Зак. № 6629. Тираж 3000.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 6 (39) — «Красной летописи» — 1930 г.

Стр.

I. Статьи:

II. Библиография:

Стр.

Б. РЕЦЕНЗИИ.

В. СПИСКИ КНИГ.

В 1905—06 ГОДАХ

ПАРТИЙНЫЕ ГРУППИРОВКИ И „ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНТЕРЕСОВ“ КРУПНОГО КАПИТАЛА В 1905—06 ГОДАХ.

В 1912 году русским техническим обществом была предпринята анкета о представительных организациях торгово-промышленного класса. Результатом анкеты явилась книга А. О. Гушки под таким же заглавием [1]. В этой книге Гушка (Ерманский) пытался доказать, что российский крупный капитал к моменту составления его труда вышел из состояния политического порабощения и стал «желанным гостем и сотрудником, достойным помощником, государственной власти» «занимая видное место и по установившемуся обычаю, и по закону, по писанному праву, при том не со вчерашнего дня».

В том же 1912 году В. И. Ленин в журнале «Просвещение»[2] дал достойную отповедь этой попытке ревизии марксистской точки зрения в изучении исторической роли буржуазии вообще и ее крупно-промышленной части в частности. Попытку Гушки опровергнуть «традиционный предрассудок, будто торгово-промышленный класс в России пребывает в распыленном состоянии, будто он занимает положение приниженного, бесправного класса», Ленин квалифицировал как «беспредельное опошление марксизма». Ленин указывал,

«что буржуазия экономически двигается вперед, что отдельные частные права буржуазии расширяются, что растет организация ее в класс, что увеличивается ее роль в политической жизни. Но именно потому, что эти изменения происходят, становится еще глубже проти-

---

[1] А. О. Гушка — «Представительные организации торгово-промышленного класса», СПБ, 1912 г.

[2] Собр. соч., т. XII, стр. 125 и след.

воречие между сохранением 99/100 политической власти в руках абсолютизма и помещиков—с одной стороны и экономическим усилением буржуазии — с другой».

Показав, что анкета Гушки «подтверждает» «политическое порабощение» буржуазии, Ленин вскрывает и другую ошибку Гушки относительно «роли 1905 года», на которой последний специально останавливается в своей книге. Эта ошибка, повторенная в «Нашей заре» тем же автором, под псевдонимом Ерманского, сводится к тому, что один из наиболее последовательных ликвидаторов говорит об «уходе начальства», вызывавшем сокращение «активности представительства перед органами правительственной власти» крупно-капиталистических организаций. «Организации капитала были оттерты на задний план широкой волной народного движения», — пишет Гушка-Ерманский. Ленин беспощадно вскрывает убогую путанницу этого автора. На вопрос, каким образом наибольший подъем общественного движения совпал с отходом на задний план буржуазных организаций, Ленин дает следующий ответ:

«Это могло случиться потому, что только полное извращение понятия «буржуазная революция» приводит к взгляду, будто эта последняя ослабевает, когда отшатывается буржуазия. Это должно было случиться потому, что главной движущей силой буржуазной революции в России являются пролетариат и крестьянство, при колеблющемся положении буржуазии. Будучи политически порабощенной помещиками и абсолютизмом, буржуазия с другой стороны занимает контрреволюционное положение при усилении рабочего движения. Отсюда ее колебания, ее отступление на «задний план». Она и против старого порядка и за него. Она готова помогать ему против рабочих, но она вполне способна «устроиться» и даже усилить и расширить свое господство без всяких помещиков и без всяких остатков старого политического режима»

Тот факт, что крупная буржуазия была «оттерта на задний план», что она даже занимала «весьма определенную контрреволюционную позицию», еще более подтверждает факт «политического порабощения» русской буржуазии. В задачу настоящей статьи входит: фактами, добытыми из открытых ныне для исследования архивов, представить картину действительного поведения русского крупного капитала в революции 1905 года. Мы попытаемся проследить, как на некоторое время крупный капитал облекается в либерально-оппозиционные доспехи, как

затем он все резче определяет свое контрреволюционное положение в расстановке классовых сил, наконец как он вовсе отказывается от большой политики, чтобы пробыть вплоть до годов войны и второй революции в роли «лакея Кит-Китыча».

I.

В охватившей с ноября 1904 г. все слои русского общества волне политических банкетов и либеральных записок позднее всех выступил крупно-промышленный капитал. Понадобились январская 1905 года забастовка и «кровавое воскресенье», чтобы сорвать печать молчания с уст крупного капитала. Январские события, показавшие всему обществу, что русский пролетариат вырос в силу и может властно потребовать осуществления своих классовых интересов, заставили бюрократические верхи подумать о мерах предупреждения новых выступлений рабочих. Если созданная для этой цели комиссия под председательством министра финансов графа В. Н. Коковцова знаменовала собой вынужденное отступление реакции и развязывала руки легальной оппозиции, то в частности для крупного капитала она являлась фактором, заставившим его подумать о дальнейших формах сожительства с бюрократическим режимом. Первые дни января, показавшие даже слепым, что происходящие события есть не «волнения», а революция,— направляли взоры всех слоев русского общества в сторону оформления своего политического credo. Буквально на другой же день после кровавого воскресенья молчавшая до тех пор крупная буржуазия заговорила. Упомянутая выше комиссия Коковцова явилась одним их главнейших моментов, способствовавшим политическому прозрению торгово-промышленной буржуазии. Если с точки зрения бюрократии комиссия эта являлась ничем иным как попыткой путем обсуждения ряда законопроектов по рабочему вопросу отвлечь внимание пролетариата от политических лозунгов, то для капитала она представляла угрозу его предпринимательскому status quo. В начальный период 1905 года задача этого слоя буржуазии сводится к попыткам доказать правительству и всему обществу, что выступление пролетариата есть следствие не экономического его положения на фабриках и заводах, а обще-полити-

ческого угнетения и бесправия. Все буржуазные записки этого первого периода полны такого рода заявлениями. Так в записке [1] московских фабрикантов и заводчиков, зачитанной в январе в помещении Совещательной конторы железозаводчиков, говорится:

«Настоящие рабочие волнения, хотя и построены на экономической почве, в то же время являются крупным политическим движением, связанным с общим настроением. Движение это давно уже подготовлялось самой жизнью и естественной потребностью... добиваться свободы для открытого выражении своих мыслей путем слова и печати, в собраниях и на сходках единомышленников, или лиц, которых связывает общий интерес»

«Странно конечно, — говорится далее, было бы отрицать, что и экономическое положение рабочего сословия в России не требует никаких перемен, что и оно не выходит одним из факторов, вызывающих в нем недовольство. Но не следует забывать, что в правовом государстве, где признано равенство всех перед законом и где личность рабочего как и всякого гражданина, ничем не стеснена в своей деятельности, имеются законные пути борьбы, ведущие к улучшению быта рабочих масс и к урегулированию конфликтов между трудом и капиталом, помимо участия вооруженных сил и без необходимости расстреливать мирных безоружных жителей».

Если эта одна из ранних записок, как мы видим, довольно мягко стелет, то рабочему на выдвигаемых ею, в 8 пунктах, требованиях спать оказалось бы даже в случае полного их осуществления столь же жестко, как и раньше. Записка в «требовательной» части представляет собой насыщенный раствор свобод, свободы штрейкбрехерства, свободы найма на условиях, какие покажутся удобными капиталисту, и т. д. Другая записка варшавских заводчиков [2] заявляет:

«Общая забастовка, какая распространилась по всему краю, выражаясь в отказе работать и в предъявлении рабочими требований социального и экономического характера, — не может считаться последствием только определенного отношения работодателя к рабочему, но является в значительной степени результатом причин, находящихся вне сферы влияния работодателя».

Записка группы фабрикантов и заводчиков Центрального района [3] идет еще дальше. Тут мы находим следующее заявление:

[1] «Право», 1905 г., № 4, стр. 260 и след.

[2] Там же, № 7, стр. 504.

[3] Там же, № 8, стр. 588 и след.

«Забастовки рабочих, являясь обыкновенно по самому существу своему средством борьбы рабочих с работодателями, указывают исключительно на экономические нужды рабочего класса и вызываются либо желанием рабочих улучшить свое положение, либо мерами работодателей, могущими его ухудшить. Наблюдая последние забастовки, мы не видим в них ни того, ни другого условия».

Резко критикуя политику Коковцова, записка считает единственно правильным путем не путь экономических уступок, а путь дарования гражданских свобод. Той же линии держатся опубликованные в «Красной летописи»[1] записки Совещательной конторы железозаводчиков и Петербургского о-ва для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности. В этой серии записок лейт-мотив—это гражданские свободы.

«В России нет ни твердо обеспеченного правопорядка, ни гражданской свободы, и в этом лежит главная причина тех неурядиц, которые приходится переживать нашей промышленности», — заявляет записка конторы железозаводчиков и уральских промышленников и заводчиков[1].

«Русское законодательство, — говорится в ней, — совершенно не отвечает жизненным и насущным нуждам промышленности, это истекает из двух причин: из существующего порядка проектирования и рассмотрения законов и отсталости их от запросов жизни».

Постепенно в записках такого рода все чаще начинает упоминаться «народное представительство». Еще записка московских фабрикантов и заводчиков говорит о том, что

«искони русский народ обсуждал свои дела открыто и свободно на площадях, в собраниях, земской думе, земском соборе, пока постепенно это насущное право у него не было отнято и пока сам народ не был закрепощен»[2].

Однако в представлении буржуазии парламентский идеал очень убог. Там, где мы в это время встречаемся с упоминанием о «народном представительстве», крупный капитал хлопочет главным образом о привлечении в него представителей от «торгово-промышленных совещательных учреждений». Лишь позже ее идеология в этом вопросе получает некоторый разгон, когда все та-же комиссия Коковцова толкает крупный капитал на ряд совещаний по рабочему вопросу, сначала местных, а затем и «всероссийских».

[1] «Красная летопись», 1925 г., № 1/12.

[2] «Право», 1905 г., № 9, стр. 672 и след.

Эти же совещания явились возбудителем идеи «всероссийской» организации капитала. Первым крупным совещанием этого рода была комиссия по рабочему вопросу при Московском биржевом о-ве. По окончании ее работ в Москве 10/23 марта собралось «Совещание представителей промышленности разных районов» [1]. Для последующей политики крупно-промышленной буржуазии в 1905 году это совещание сыграло весьма немаловажную роль. Не говоря уже о том, что здесь были заложены основы дальнейшей предпринимательской тактики крупного капитала, рассмотрение которой не входит в задачу настоящей статьи, именно здесь впервые В. В. Жуковским был поднят вопрос о всероссийском объединении крупной буржуазии. По первоначальной его мысли, высказанной на частном совещании такая организация должна была представлять собой «бюро для подготовки замечаний по законопроектам о рабочих». Но уже на официальном заседании 11/24 марта Жуковский выдвинул идею «постоянной организации к объединению промышленности», которая упала на благодарную почву. Тут же была выбрана организационная комиссия во главе с уральским представителем В. И. Ковалевским. Уже на этом съезде явно сказалось значительное повышение политических интересов промышленников. Так представитель Петербурга М. Н. Триполитов на предварительном частном совещании

«подчеркнул, что прежде всего все внимание должно быть отдано кардинальному вопросу — представительного правления, прочие же вопросы могут быть отложены».

В. И. Ковалевский,

«присоединяясь к предыдущему мнению, сообщил предположение широких кругов о форме представительства, основанного на всеобщем избирательном праве».

Однако хотя этому вопросу и было посвящено 3-е вечернее заседание совещания-съезда, но большинство повидимому больше интересовалось вопросами предпринимательской тактики, как против пролетариата, так и против Коковцовских проектов.

---

[1] Сведения о нем заимствуем из дела № 147 о-ва заводчиков и фабрикантов.

«Совещание все же направило в результате обсуждения участия представителей капитала в совещании по предмету рескрипта 18-го февраля», депутацию к Булыгину, о чем мы находим сведения в журнале «Право» за 1905 г., в № 12.

Депутация в составе московского мануфактуриста-фабриканта С. Т. Морозова, нефтепромышленника Э. Л. Нобеля и Н. С. Авдакова, председателя Совета съездов горнопромышленников Юга России, представлявших три крупнейших промышленных центра России: Петербург, Москву и Юг России, подала А. Г. Булыгину записку, утвержденную московским совещанием за подписью 27 представителей «разных (кроме Лодзинского) районов». В записке указывалось на то, что «правильность и успешность» работ Булыгинского совещания возможна лишь при участии представителей от «главнейших групп населения», из которых промышленность

> «при современном ее развитии занимает весьма важное место в народно-хозяйственной жизни нашего отечества и оказывает большое влияние не только на финансовые силы и кредитоспособность государства, но и на склад общественных отношений в стране».

Политическое убожество выставленных промышленниками требований еще более подчеркивается отмежеванием себя от земств и городов, которые не могут быть «компетентны в выражении нужд промышленности различных районов Российской империи». В общем все требования записки сводятся

> «к участию в совещании представителей промышленности в таком числе, которое соответствовало бы ее важному значению в жизни России».
> «Представителями от промышленности, — говорится в записке, — в совещании должны явиться выборные лица от совещательных учреждений».

Булыгин заверил промышленников, что их ходатайства будут выполнены. Ведь промышленники не выходили за пределы конституционного бюрократического прожектерства.

Еще более характерным показателем слабой в эту пору политической активности, если так позволительно будет назвать охарактеризованные выступления крупного капитала в 1905 году, является «организационная комиссия» В. И. Ковалевского. В дальнейшей судьбе проектированного на мартовском совещании В. В. Жуковским всероссийского объединения капитала можно

заметить совпадения повышения кривой политической активности промышленников, с окрашиванием проектов этой организации в цвет политической организации, и падения той же кривой, с окрашиванием тех же проектов в цвет «чисто экономического» «представительного» учреждения. Наиболее ранний проект Ковалевского [1] принадлежит к этим последним. И надо думать, — неуспех его нужно отнести не за счет того, что в министерстве финансов его положили под сукно (как позднее утверждал лидер железозаводчиков М. Ф. Норпе), а именно за счет того, что вскоре же после второго совещания в Москве 10/23 — 11/24 июня кривая политической активности пошла вверх. Во всяком случае этот первый проект будущего совета съездов представителей промышленности и торговли, носивший название «Положения об общих съездах представителей промышленности», был с незначительными изменениями принят и действительно было постановлено передать его на утверждение министерства финансов. Прежде, чем остановиться на нем приведем однако в подтверждение нашей гипотезы о его плачевной судьбе, характеризующей политические настроения буржуазии в момент его обсуждения и утверждения, принятый тем же совещанием проект телеграммы на имя министра финансов по вопросу о представительстве промышленности в Гос. думе. Как увидим, он не идет дальше «требований» Булыгину. Вот текст этой телеграммы [2] министру финансов, принятый на съезде 10/23 — 11/24 июня:

«Собравшиеся при Московской бирже представители промышленности различных районов России покорнейше просят ваше высокопревосходительство повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора их нижеследующее всеподданнейшее ходатайство:

Промышленность, как рынок для сбыта произведений сельского хозяйства, как средство для удовлетворения разнообразных потребностей населений, как источник заработков для народа, как обильный рессурс государственных и земских доходов и как один из важнейших устоев экономической мощи и кредита государства, должна быть признана одною из главнейших основ народного и государственного хозяйства. В будущем народном представительстве интересы земледелия, при вся-

[1] См. в деле № 147 о-ва заводчиков и фабрикантов ЛЦИА 2-е отд., экономич. секция.

[2] См. там же.

кой системе выборов, найдут достаточно сильное выражение соответственно значению этой отрасли народной производительности. Нужды торговли могут найти свое представительство и защиту в лице избранников от городов. Государственная мудрость и справедливость требуют, чтобы и промышленность, деятельными силами которой являются капитал, знание и труд, получила право на свое представительство соответственно вышеуказанному значению ее в экономической жизни народа и государства. При проектированной однако системе выборов почти нет никакой надежды, чтобы промышленники вошли в состав Государственной думы. Равным образом не войдут и представители от рабочих, как обособленной группы населения, так как они вовсе не привлекаются к выборам, следовательно ими не будут освещены и выражены нужды рабочего класса.

Такое исключение промышленности может иметь самые пагубные последствия не только для нее самой, но и для правильного освещения и разрешения сложных вопросов народного хозяйства, которое необходимо направить на путь коренного обновления и интенсивной деятельности. Широкое, плодотворное и прочное развитие производительности труда, хозяйственное благосостояние населения могут быть результатом лишь правомерной, строго продуманной экономической политики, согласованной с потребностями и интересами всех отраслей хозяйственной деятельности народа. Россия так бедна, так нуждается в широком развитии своих производительных сил, промышленность же слишком мощный и внушительный фактор в деле создания народного богатства и определения уклада бытовых отношений, чтобы можно было лишить ее активного и непосредственного участия в выработке экономической программы и в разработке хозяйственных вопросов в Государственной думе. Поэтому, как по соображениям общегосударственного характера, так и в интересах самой промышленности, представители последней просят ваше высокопревосходительство ходатайствовать перед его императорским величеством о том, чтобы промышленности было обеспечено соответственное представительство в будущей Государственной думе путем непосредственного избрания выразителей нужд и интересов хотя бы от важнейших районов и отраслей промышленности. По отношению к промышленникам такое избрание могло бы быть произведено существующими совещательными по промышленности учреждениями».

Возвращаясь к проекту Ковалевского, мы прежде всего должны отметить, что за образец, которому составители проекта хотели подражать, был взят возникший в Гейдельберге в 1861 г. съезд представителей немецких торговых палат. Что больше всего привлекало вероятно составителей рассматриваемых нами «Положений», так это закон 1897 года, по которому ни один закон, касающийся промышленности, торговли и транспорта не

мог быть внесен в рейхстаг, без предварительного рассмотрения его торговыми палатами. По тому же закону до заключения торгового договора германское правительство обязывалось запросить мнение торговых палат. Однако нужно сказать, что в проекте «Положений» цель и права съездов гораздо более скромные. В уставе они определены следующим образом:

«1. Для выяснения и разработки выдвигаемых промышленной жизнью России вопросов в области законодательства, торгово-промышленной политики и общественно-экономических отношений, а равно для объединения и представительства общих интересов всей промышленности и проведения общих мероприятий, созываются на основании настоящего «Положения» общие съезды представителей от местных совещательных по делам промышленности учреждений.

2. Съездам предоставляется: а) ходатайствовать перед правительством в общих интересах промышленности, б) сноситься с общественными учреждениями, в) устраивать конкурсы, выставки, музеи, школы, вечерние и воскресные курсы для рабочих, испытательные станции, лаборатории, г) организовать собрания статистических сведений, издавать по вопросам промышленности сочинения и периодические органы.

3. Съезды пользуются всеми правами юридического лица, имеют право приобретать движимое и недвижимое имущество, имеют печать».

Первоначальный состав предполагавшихся съездов мы находим тут же в «Положениях»: биржевые комитеты, московское отделение Совета торговли и мануфактур, состоящие в ведении министерства земледелия и государственных имуществ горнопромышленные съезды, СПБ о-во для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, съезды бакинских нефтепромышленников, съезды металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов, съезды сахарозаводчиков, мукомолов, союзы писчебумажных фабрикантов и пивоваренных заводчиков и Совещательная контора железозаводчиков. В дальнейшем пополнение должно было итти по постановлению съездов.

«Промышленное сознание, промышленная программа не могут быть развиты путем одних теоретических умствований, — читаем мы в объяснительной записке к проекту, — они достигаются путем совместного идейного труда на почве практических вопросов, жизнью выдвигаемых и жизнью же разрешаемых. Вот почему для промышленного сознания необходимо тесное единение и живое общение промышленных деятелей. Если же оно необходимо вообще, то тем насущнее проявляется эта необходимость в настоящее время широких устроительных задач».

Достаточно присмотреться внимательнее к этой фразе и сразу станет понятен смысл создания такой организации. Здесь мы имеем дело с проектом широкого сожительства с царской бюрократией. За это говорит в достаточной мере и «деловой» тон этой части объяснительной записки. Совещанием 10/23—11/24 июня заканчивается «представительная» оппозиция крупного капитала. С этого времени начинается усиленная работа над созданием торгово-промышленной партии.

II.

Во второй половине июня, когда земско-городская либеральная оппозиция приближалась к оформлению в ка-детскую партию, в среде крупного капитала возникала мысль о создании партии, объединяющей на одной политической платформе торговлю и промышленность во всероссийском масштабе. О возникновении этой идеи мы узнаем из письма М. Ф. Норпе (председатель Совещательной конторы железозаводчиков) [1] — одного из участников организационной комиссии Ковалевского. Это письмо говорит о том, что в заседании 21 июня ст. ст. в помещении конторы железозаводчиков собранием группы промышленников было избрано Бюро, в которое вошли: А. А. Вольский, граф А. А. Бобринский, Ф. Е. Енакиев, В. И. Ковалевский и М. Ф. Норпе. Этому Бюро было поручено разработать политическую программу торговцев и промышленников. Письмо это является приглашением на заседание 25 июня ст. ст. для обсуждения этой программы. В архиве О-ва фабрикантов и заводчиков, откуда мы заимствуем большинство излагаемых нами фактов, мы не находим никаких сведений об указанном заседании. Но зато там же находим следующий любопытный документ: [2]

«Москва, 27 июня 1905 года. Кроме прибывших из СПБ (А. А. Вольского, В. И. Ковалевского. М. Ф. Норпе, А. И. Ратькова-Рожнова) на совещании присутствовали: гг. Вагурин, Вишняков, Горбунов, Коновалов Г. Крестовников, Лосев, Найденов, Н. Прохоров, П. Рябушинский, Сапожников.

[1] Дело № 147 О-ва заводчиков и фабрикантов.

[2] В том же деле № 147.

Постановлено единогласно:

1. Признать необходимым созвать возможно скорее съезд представителей промышленности и торговли для объединения на определенной программе политического и экономического содержания и для избрания бюро в виду организации и подготовительных действий по выборам представителей в народное собрание.

2. Просить совещательные учреждения по торговле и промышленности избрать таких представителей.

3. Местом и сроком собрания назначить Москву (4 июля).

4. Просить А. А. Вольского приготовить: а) программу вопросов и б) платформу, на которой могли бы объединиться торговля и промышленность.

5. До съезда обсудить выработанные программу и платформу, для чего просить приехать петербуржцев в Москву за сутки (3 июля).

6. Признать необходимым выяснить программу и намерения земских и городских деятелей».

Интересно отметить, что инициатива в созыве состоявшегося 4/17 июля политического съезда исходила из буржуазных кругов крупной тяжелой индустрии. Главными деятелями-инициаторами съезда являлись представители металлургической промышленности Петербургского района Норпе и Вольский, Урала — Ковалевский и Южной горной промышленности — Енакиев. Политическая программа, выдвинутая на съезде 4/17 июля, была составлена ими, как мы видели, еще до совещания 27 июня ст. ст. К сожалению мы не имеем о нем никаких подробностей, но сопоставляя нижеприводимые сведения о съезде 4/17 июля со сведениями о его подготовке, надо полагать, что инициаторы съезда считались заранее с возможной неудачей занятой ими платформы. В одном из писем Норпе [1] например писал:

«Эфрона крайне желательно иметь представителем в Москве, затем подумайте, кого бы можно наметить представителями от пивоваренного и бумажного союзов. Если мы получим подходящих людей, то Петербург представит серьезную единицу».

Из этого письма не трудно заметить, что в представлении Норпе «Петербург» был какой то обособленной группой промышленников. «Петербург» — это крупная тяжелая индустрия, более всех других отраслей промышленности затронутая не-

[1] Дело № 147 О-ва заводчиков и фабрикантов.

удачной войной и революцией. В обстановке кризиса 1905 года именно ей больше, чем какой-либо другой отрасли промышленности, необходимо было освободиться от правительственной опеки, стеснявшей ее тягу к синдицированию.

Ход занятий съезда [1] показал, что опасения петербургской группы промышленников были основательны. На съезде присутствовали представители 23 организаций. А именно: Московского, Бакинского, Казанского, Нижегородского, Пермского, Ростовского на-Дону, Рыбинского и Саратовского биржевых комитетов, Елецкого биржевого о-ва, Московских скотопромышленной и мясной и хлебной бирж, Калашниковской хлебной биржи в Петербурге, Харьковской каменно-угольной биржи, Иваново-Вознесенского и Костромского комитетов торговли и мануфактур, Всероссийского о-ва сахарозаводчиков, совещательных контор железнодорожников и золото- и платинопромышленников, Петербургского общества фабрикантов, Советов съездов горнопромышленников Юга России, Кавказских марганцепромышленников, Северных и Прибалтийских металлозаводчиков и Уральских горнопромышленников. Съезд был созван на-спех, и далеко не все существовавшие к тому времени «представительные» организации крупного капитала были на нем представлены.

Состав представительства на съезде позволяет заподозрить нарочитую спешность его созыва: хорошо представлены круги, по самому своему характеру долженствовавшие сочувствовать тем, кто были инициаторами съезда. На эту нарочитость указывают имеющиеся в отчетах о заседаниях извиняющие неполноту представительства ссылки на спешность. Вряд ли понадобилась она, если бы не нужно было прикрыть ею необходимость внушительного числа сторонников «Петербурга». В первую голову на съезде были зачитаны две представленные программы. В этих программах, легших в основу принятых съездом постановлений, выдвигалась необходимость организации не только промышленности, но промышленности и торговли.

[1] Сведения о нем заимствуем из отчетов, имеющихся в упоминаемом деле О-ва заводчиков и фабрикантов, и дела № 32 Союза писчебумажных фабрикантов.

Предлагалось избрать бюро применительно к выработанному ранее Ковалевским проекту съездов и поручить этому бюро заняться окончательной организацией представительства торгово-промышленных интересов, а также подготовкой практических действий в деле выборов представителей в Государственную думу. Бюро должно было заняться составлением плана избирательной кампании в Госуд. думу, устройством местных бюро для этой цели и установлением связи между отдельными крупно капиталистическими организациями. Политическая платформа съезда, осуждая «насильственно-революционное осуществление участия народа в государственном управлении», высказывалась за 2-палатную систему, из которых одна должна была избираться «всеобщей» двухстепенной подачей голосов, а другая—«районами и учреждениями». Постановления съезда, также как и первоначальные проекты, высказываются против законосовещательной Гос. думы, как немогущей никого удовлетворить. Наконец постановления говорят о необходимости гражданских свобод, которые в первоначальном проекте программы (Совещательной конторы железозаводчиков), более подробно изложенном, сводятся к развязыванию промышленности от государственной опеки. В программе выдвигается принцип «освобождения народной производительности от стеснений», наряду с необходимостью «планомерного покровительства всем отраслям национального труда».

Но главным вопросом на съезде все же был вопрос об отношении к Булыгинской Гос. думе, при чем мнение съезда раскололось. Большинство высказалось приведенным выше образом, меньшинство же считало, что Булыгинский проект «хотя в некоторых частностях и не вполне удовлетворительный, в общем, при настоящем развитии народа, единственно возможный к осуществлению». На втором заседании, 5/18 июля, вопрос о том, должна ли иметь дума «решающий (законодательный) голос»—был подвергнут голосованию, которое дало следующие результаты: 1 учреждение за совещательный голос (Московский биржевой комитет), 1 учреждение воздержалось от голосования, оставив за собой свободу действий (Елецкое биржевое общество), 2 учреждения отсутствовали (Иваново-Вознесенское биржевое общество и Московская мясная биржа), 2 учреждения

уклонились от голосования (Казань и Кострома). Все остальные были за решающий голос.

Намеченному спором о правах Булыгинской Гос. думы расколу в среде крупного капитала, выявившему две ясно обозначившиеся фракции промышленной буржуазии, помог внешний привходящий факт. На том же заседании и было объявлено, что московский генерал-губернатор «вследствие того, что съезд в своих занятиях вышел из программы», «не находит возможным допустить дальнейшие занятия съезда в помещении Московской биржи» Несмотря на посылку делегации из двух участников съезда, Сапожникова и Лосева, московский губернатор не пошел дальше разрешения продолжать занятия «при условии, что политические вопросы не будут обсуждаться». Протестующие промышленники просили Московский биржевой комитет «еще раз обсудить, считает ли он удобным и согласным со своим достоинством удалять из своего помещения им же созванных представителей русской промышленности и торговли». Они справедливо ссылались на то, что доведенная до сведения губернатора программа съезда содержала исключительно политический вопрос (отношение к Булыгинскому проекту и к программе Земств и Городов). Одновременно они указывали, что

«закрытие полицейскими и насильственными мерами не могло бы быть поставлено в вину Московскому биржевому комитету, но добровольный отказ от гостеприимства вряд-ли усилит значение Московского биржевого комитета в среде русской промышленности и торговли».

Но полицейское вторжение губернатора было собственно говоря на руку правой части Московского биржевого комитета и дальнейшие занятия съезда проходили уже в доме П. П. Рябушинского. В этих получастных заседаниях «после оживленного обсуждения действий МБК», которое решено было занести в протокол, «не делая никаких постановлений по этому поводу», съезд перешел к голосованию вопроса об избирательном праве. Это голосование дало следующие результаты:

1. За всеобщее избирательное право	16	учреждений
За избрание по группам	3	»
За избрание по группам в качестве переходной формы к всеобщей подаче голосов	3	»
2. За 2-степенную подачу голосов	16	»
За прямую	3	»
Воздержались от голосования	3	»

На другой день, 6/19 июля, съезд направил депутацию на съезд земских деятелей. Депутация не была принята последним по выставленным им следующим мотивам: земский съезд до посещения его делегацией вынес постановление принимать приветствия от других общественных групп только в письменной форме. Делегаты крупного капитала

«не считали удобным ни излагать приветствия письменно, ни ожидать результата голосования (об исключении из общего правила для них. *В. Р.*), и ушли, послав председателю бюро земского съезда заявление, что они просят считать свое посещение как бы не имевшим место».

Основные пункты постановления съезда мы уже приводили. Съезд закончился выборами бюро. В бюро вошли: А. А. Ауэрбах, граф А. А. Бобринский, Я. П. Беляев, Г. И. Веге, А. С. Вишняков, В. И. Воронин, А. А. Вольский, А. Ф. Волков, С. П. Глезмер, Ю. П. Гужон, Ф. Е. Енакиев, Я. С. Житков, Е. Ц. Кавос, В. И. Ковалевский, А. И. Коновалов, Э. Л. Нобель, М. Ф. Норпе, М. Г. Паппе, В. В. Постников, П. П. Рябушинский, М. Н. Триполитов, К. П. Федоров, С. И. Четвериков и Н. Н. Щепкин.

Съезд 4/17—6/19 июля явился наивысшей точкой оппозиции крупного капитала в 1905 году. Если прежде всего здесь столкнулись интересы стремившейся к европеизации тяжелой индустрии с интересами московских мануфактуристов типа Г. А. Крестовникова, то в дальнейшем в результате съезда наметился некоторый раскол в среде самой легкой индустрии. 27 июля ст. ст. 1905 г. в «Русских ведомостях» было помещено письмо «Выборных Московского биржевого о-ва»: Сергея Четверикова. Павла Рябушинского, Ивана Морозова и других. В этом письме левая часть московских фабрикантов заявляла о своем несогласии с мнением подавляющего большинства Московского биржевого комитета в вопросе о Булыгинской Гос. думе. Впоследствии группа Крестовникова явилась ядром «торгово-промышленной партии», а группа Рябушинского — «умеренно-прогрессивной». Взятая довольно высоко Совещательной конторой железозаводчиков нота капиталистической оппозиции сорвалась на съезде 4/17 июля. Отодвинув на задний план работу по созданию чисто «представительной» организации, эта оппозиция не привела к созданию единой партии крупного капитала,

Последующие попытки создания торгово-промышленных партий, явившиеся следствием с одной стороны дальнейшего развития псевдо-конституционных мероприятий правительства, с другой, все более усиливающегося под напором революционного пролетариата стремления крупного капитала к попятному движению в объятия контрреволюции, были уже попытками местного (отдельных буржуазных групп) объединения для выборов в Гос. думу.

Параллельно с ними идут работы бюро избранного на 4-м съезде. Здесь идея создания политической партии постепенно вырождается в форму конструирования Всероссийской «представительной» организации. Прежде, чем перейти к рассмотрению этого попятного движения крупного капитала, приведем два любопытных документа, подводящих итог разногласиям, возникшим в среде капитала на июльском съезде. Вот они:

1. Всеподданнейшая записка министра финансов[1].

«Председатель Московского биржевого комитета доносит мне, что в виду возникшего в среде земских и городских обществ направления относительно предстоящих преобразований, несогласного с началами, указанными в высочайшем вашего императорского величества рескрипте на имя министра внутренних дел от 18 февраля с. г., а равно вследствие подобного же направления собиравшихся в июне с. г. в Нижнем-Новгороде представителей поволжских хлебных бирж, Московским биржевым комитетом приглашены были 4-го сего июля представители торгово-промышленных учреждений разных районов для ознакомления их о воззрении по этому вопросу Московского биржевого о-ва. Совещание это не могло однако достигнуть надлежащих результатов в виду несоответствия значительной части его состава цели, для которой оно предназначено.

В виду этого Московский биржевой комитет просит меня представить вашему императорскому величеству, что Московское биржевое о-во остается при твердом сознании, что сохранение единства и мощи России возможно только при верховном водительстве самодержавной власти и что в постановлении своем от 14 июля оно ходатайствовало перед вашим императорским величеством лишь о предоставлении промышленности участия в законосовещательном учреждении, имеющим быть образованным в соответствии с началами высочайшего рескрипта 18 февраля.

Об изложенном приемлю долг всеподданнейше доложить.

Министр финансов

22 июля 1905 г.» Статс-секретарь *Коковцов*.

[1] «Всеподданнейшие доклады министра финансов» за 1905 г. (Архив общей канцелярии министерства финансов).

2. Обращение к м-ру финансов собрания 60 заводчиков[1] собранного Нобелем для доклада о съезде 4/17 июля.

(Председательствовал Г. И. Веге).

«С.-Петербургские фабриканты и заводчики, приглашенные 19-го июля в Общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности для заслушания доклада о результатах Московского съезда 4 — 6 сего месяца, единогласно постановили:

1) Довести до сведения г. министра финансов, что собравшиеся с.-петербургские фабриканты и заводчики считают своею обязанностью заявить что предполагаемая к созыву Государственная дума с совещательным голосом никого не удовлетворит и существующих волнений не успокоит тем более, что значительная часть населения, в том числе и фабрично-заводские рабочие не попадут в число избирателей, и самое народное представительство без решающего голоса сводится к комиссии экспертов.

2) Поручить избранным в Московское бюро представителям гг. Беляеву, Веге и Норпе подать сие постановление по назначению.

Председательствовавший в собрании *Г. Веге*».

Докладная записка была передана уполномоченными Общества директору канцелярии министра А. И. Путилову 20 июля ст. ст.

Любопытно, что последний (хронологически более ранний) документ имеет свою, не лишенную бытового интереса, историю. Он не только не был доложен царю, но министерство финансов предприняло расследование,

«кто именно из фабрикантов и заводчиков вотировал сие постановление и вообще—при каких обстоятельствах оно последовало», а министр финансов «остался крайне недоволен заявлением г. г. фабрикантов и заводчиков, тем более, что оно попало в печать»[2].

III.

По недостатку материалов мы не можем подробно остановиться на всех тех партиях, которые начинают как грибы расти после 6/19 августа и в особенности после 17/30 октября. Мы лишь кратко остановимся на главнейших 4 крупно-капиталистических партийных группировках, впоследствии с усилением реакции растворившихся в Союзе 17 октября, ставшем постепенно монопольным выразителем интересов крупных по-

[1] В деле № 147 О-ва заводчиков и фабрикантов.

[2] Справка эта заимствуется нами из журналов Совета о-ва заводчиков и фабрикантов.

мещиков и капиталистов. Правда уже в 1905 году в факте «союза конституционно-монархических партий» мы имеем по существу начало этого растворения, но тем не менее для настроений крупного капитала в 1905 году характернее стремление создать «чисто капиталистическую партию» (выражение одного из лидеров прогрессивно-экономической партии)[1], которое вылилось в ряд худосочных партийных образований крупного промышленного и торгового капитала. Следующие образования подобного рода мы намерены разобрать в дальнейшем: 1) прогрессивно-экономическая партия, 2) Всероссийский торгово-промышленный союз, 3) торгово-промышленная партия и 4) умеренно-прогрессивная партия.

Для первой из них мы имеем полный набор ее материалов, составляющий около десятка дел в архиве «О-ва фабрикантов и заводчиков». Что же касается остальных, мы воспользуемся публиковавшимися ими материалами (отчасти имеющимися в том же архиве)[2], приведенными в наиболее полном из множества изданий подобного рода — сборнике, составленном В. Ивановичем под названием: «Российские партии, союзы и лиги» (СПБ, 1906 г.).

Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении материалам, из перечисленных выше партий наиболее ранней по времени своего возникновения является прогрессивно-экономическая. Вскоре после 6/19 августа присяжный составитель всяческих проектов для Петербургского о-ва для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности А. Е. Винтергальтер обратился в указанное о-во с письмом[3], в котором выставлял необходимость организации самостоятельной промышленной партии. «О-во для содействия», игравшее в 1905 году одну из первых ролей в ряду «представительных» организаций капитала в Петербурге, если в начале и не очень энергично, все же поддержало это предложение.

---

[1] См. дело № 154 О-ва заводчиков и фабрикантов.

[2] В деле № 158 того же архива.

[3] Дело № 153 О-ва заводчиков и фабрикантов.

Впоследствии Винтергальтер вышел из прогрессивно-экономической партии для того, чтобы «стать пассивным членом более демократической партии».

Не последнюю роль должно быть сыграл здесь совет С. Ю. Витте, данный им депутации о-ва объединиться всем промышленникам, для проведения своих кандидатов и защиты своих интересов [1]. Во всяком случае уже в конце сентября газеты заговорили об образовании партии промышленников, а 17/30 октября в день объявления манифеста о «свободах» происходило уже первое общее собрание партии. Программа этой партии [2] под девизом «Свобода, знание и труд» дает слабое представление о действительной контрреволюционной сущности ее. Она составлена в либеральных тонах, причем помимо требований гражданских свобод и распространения «на всех граждан» «права участия в избрании народных представителей» содержит довольно пространный перечень мероприятий по рабочему вопросу. Среди последних наибольшим лицемерием отличается требование «предоставления рабочим свободы союзов, собраний, стачек и забастовок». Гораздо более соответствующую действительной сущности партии характеристику содержит выступление ее лидера М. Н. Триполитова на втором общем собрании партии 31 октября ст. ст. [3] Он говорил:

«Вопрос о необходимости объединения широких деловых кругов под политическим знаменем — вопрос настоятельный. Дело в том, что **вопросы еще недавно числившиеся академическими, в настоящее время сделались практическими** [4] и приобрели необыкновенную остроту и жгучесть. **Таким вопросом является рабочий вопрос.** Он надвинулся как бы неожиданно, но приобрел силу урагана, пронесся по всей стране и всех естественно напугал, так как трудно определить те последствия, которые может повлечь за собой это рабочее движение. Как вам известно, это рабочее движение неразрывно связано с социализмом и вам также отлично известно, что **социализм является естественным врагом**, противником **того строя, который установился в начале XIX ст.**, который держался продолжительное время, благодаря которому процветали не только торговля и промышленность, но и вся наука и искусство».

---

[1] См. журнал заседаний Совета о-ва от 10/23 октября (Архив о-ва заводчиков и фабрикантов, дело № 118).

[2] Приведена у В. Ивановича «Российские партии, союзы и лиги» сборник), СПБ, 1906 г., а также в деле № 153 О-ва фабрикантов и заводчиков.

[3] Цитируем по стенографическому отчету заседания из дела № 153 О-ва фабрикантов и заводчиков.

[4] Подчеркнуто здесь и дальше нами. *В. Р.*

Переходя к вопросу, к какой бы партии могли присоединиться промышленники, он заявил:

«Если рассмотрим те главные партии, которые теперь образовались, то увидим, что социал-демократической партии принадлежит первая скрипка. Программа ее известна.

Странно было бы расчитывать, что представители капитализма могли бы с этой партией так или иначе итти рука об руку. Многие думают, что может вернуться то патриархальное отношение, которое было между рабочими и промышленниками, но это предположение также наивно, как и то предположение, что между помещиками и крестьянами могут установиться те отношения, которые были между помещиками и крепостными. С этой партией у нас не может быть ничего общего. Есть другие партии, как например конституционно-демократическая партия городских и земских деятелей. Эта партия, как будто, нам ближе. Приходилось слышать, что с ней можно слиться, что мы можем найти там место. Я думаю, что это очень трудно. Достаточно обратить внимание на ее основные требования и стремления, чтобы притти к заключению, что здесь не может быть союза».

Процитировав выступления П. Н. Милюкова на сентябрьском съезде, где последний провозглашал ка-детов «почти» социалистами, Триполитов продолжал:

«Я думаю, что если бы вы попробовали к ней присоединиться, то получился бы также неблагоприятный результат, вы не были бы товарищами, а подчиненными. Я прихожу к заключению, что единственный выход — организация самостоятельной партии, которая могла бы соединиться впоследствии с той или другой партией, но соединиться как равная с равной, не заискивая, не подделываясь в своих требованиях к требованиям другой партии».

«Цель партии определяется ее составом», — заметил он дальше.

Мы с ним совершенно согласны. Партия была образована будущим обществом фабрикантов и заводчиков, организатором локаутов, черных списков и тому подобных форм борьбы с рабочим классом. Запевалами этой организации в 1905 году были петербургские металлозаводчики. Этим прекрасно объясняется и то, что прогрессивно-экономическая партия была в вопросах общей политики наиболее либеральной, среди других подобных партий, да кстати и то, что она одна из первых признала важность программы экономической политики. Прогрессивно-экономическую партию можно считать партией тяжелой индустрии, постепенно сдающей свои передовые в рядах крупного капи-

тала позиции. Тяжелая индустрия, показавшая себя в июле наиболее оппозиционной частью капитала, в дальнейшем далеко отходит от вопросов политики. В эпоху реакции она все более становится октябристской опорой престола. Однако в среде так называемых «торгово-промышленных партий» конца 1905 года—начала 1906 года она была пожалуй самой деятельной и относительно наиболее левой. Партия имела свой клуб «Саардамский плотник», с января по май издавала свою газету «Новый путь», расходившуюся в 13.000 экземпляров, между прочим настолько плохо поставленную, что раздавались жалобы даже со стороны субсидировавших ее промышленников, наконец устраивала публичные лекции [1].

Если прогрессивно-экономическая партия представляла собой буржуазную партию тяжелой индустрии, группирующуюся вокруг петербургского центра, то партией петербургского торгового капитала был значительно позднее, под прямым влиянием октябрьских событий, возникший «Всероссийский торгово-промышленный союз». Мотивы образования этого союза формулировались его инициаторами в № 1 «Вестника Всероссийского торгово-промышленного союза» [2] следующим образом:

«Первые учредители союза опасались, что между провозглашенными 17 октября 1905 г. четырьмя свободами и образованием Гос. думы могут быть предприняты такие законодательные и исполнительные меры бюрократического характера, и притом относящиеся к торговле и промышленности, которые не будут соответствовать действительным нуждам и потребностям этих отраслей государственной жизни и которые в корне разойдутся с началами общественной самодеятельности и самостоятельности (подчеркнуто нами. *В. Р.*). Необходимость объединения классовых интересов (подчеркнуто нами. *В. Р.*) стала столь очевидною, столь неотложною, что всякое промедление в создании такого общественного объединения было бы прямо преступным».

Здесь достаточно ясно выражены действительные побуждения, толкавшие к партийной организации петербургских торговцев. Потребность «объединения классовых интересов» бази-

---

[1] Сведения о клубе, газете и лекциях см. в делах №№ 151, 156, и 159 О-ва заводчиков и фабрикантов.

[2] Имеется в деле № 158 О-ва фабрикантов и заводчиков.

ровалась на тревоге перед угрозой ущемления торговых интересов дальнейшим развитием, вырванных революцией «реформ» и надеждой путем такого объединения явно контрреволюционного, нажить себе капитал в сферах политической и экономической. Любопытно, что этот Союз создавал себе партийную периферию среди легко поддававшихся черносотенной агитации кругов приказчиков и ремесленников. Не лишена остроумия ссылка (в той же передовице № 1 союзного «Вестника») на лелеемую каждым приказчиком мечту самому выйти в «люди».

«При таких условиях, — говорится там же, — рознь между нами и служащими, если она случается, должна быть признана печальным недоразумением, а не непреложно необходимым фактом».

Другое дело рабочие.

«Так как наш союз не только торговый, но и промышленный, то нам необходимо считаться с мнением представителей крупной фабрично-заводской и мелкой кустарной промышленности».

Это «мнение» в слегка завуалированном виде сводится к тому,

«что нигде в мире не имеется организации хозяев и их рабочих, представителей физического труда на началах полной взаимности и равенства сторон».

Интересно, что союз с самого начала отказался от «социальной программы», т. е. программы в области аграрного и рабочего вопроса. Вывесить лицемерную рекламу по примеру прогрессивно-экономической партии Союз не решился, очевидно опасаясь потерять, если не непосредственного участника, то союзника в лице партийных группировок крупного торгового и промышленного капитала Москвы. Открыть же карты представлялось слишком рискованным перед самыми выборами, ибо не подлежит сомнению, что у торговых тузов «социальная программа» вышла бы такой, которая на выборах оставила бы их в блестящей изолированности. Если последняя имела место и без опубликования «социальной программы», то это были обстоятельства времени, опубликование же было бы просто тактической глупостью и Калашниковские политики повидимому это учли. Что касается политической и экономической программ Союза, то они сводились к следующему:

Политическая программа[1] требовала:

«1) Защиты единой неделимой империи с конституционным монархом.

2) Немедленного введения в основные законы империи всех четырех свобод и неприкосновенности личности, провозглашенных манифестом 17 октября 1905 г.

3) Немедленного, при первом же заседании Гос. думы, предоставления ей права законодательного почина и решающего голоса со включением этого права в основные законы империи.

4) Самоорганизация Государственной думы, как народной представительной формы, осуществляющей участие в этой думе всех русских граждан (характерно, что способ, каким это «участие» будет осуществляться, не указан. *В. Р*).

5) Кабинета или Совета министров, обязательно опирающегося на большинство думы, утверждаемого государем.

6) Самостоятельного возобновления каждой новой сессии Гос. думы в сроки, заранее ею определенные.

7) Включения в основные законы всеобщего равенства граждан, путем уничтожения всех сословных привилегий, при неприкосновенности приобретенных личных и имущественных прав, вне всякой зависимости от пересмотра действующего свода законов».

Ничего таким образом, кроме широковещательных фраз, политическая программа Союза не содержит.

Другое дело — «программа экономическая».

Она проникнута в общем тем же духом, что и подобная же часть программы прогрессивно-экономической партии. Так же, как и у последней, именно она является центральным пунктом, политическая же программа должна явиться подсобным придатком, выполняющим служебную роль.

Организовавшийся в ноябре 1905 г.[2] Союз интересен для нас и по системе своей организации, ибо очень близко подходит к тому «Союзу торгово-промышленных предприятий Российской империи», о проекте которого, разрабатывавшемся в это время Бюро Московского съезда, будет сказано нами ниже.

---

[1] Приведена у В. Ивановича («Российские партии, союзы и лиги»). См. также в деле № 158 О-ва заводчиков и фабрикантов, отдельные листовки и в «Вестнике» Союза.

[2] «О первом собрании Союза есть данные в № 1 союзного «Вестника» (дело № 158 Об-ва заводчиков и фабрикантов, а также в статье А. Мартынова в 3-м томе «Общественного движения в России в начале XX века», СПБ, 1914 г.).

По своим организационным формам Всероссийский торгово-промышленный союз представляет организацию — переходную от партийной к «представительной». Цели и задачи Союза в уставе [1] определены таким же образом, как обычно определяются они в уставах «представительных» организаций. По уставу Союз является

«сотрудничеством хозяев торгово-промышленных заведений и их служащих на пространстве всей империи, в целях развития отечественных торговли и промышленности, созданием нормальных условий частной и общественной предприимчивости, естественного их роста и прогресса и т. д.»

Среди его задач на первом месте стоит

«представительство этого «содружества» во всех общественных организациях, правительственных учреждениях, Государственной думе и международных торгово-промышленных сношениях и учреждениях».

Идеальным образцом, приблизиться к которому стремился Союз, был тот-же германский торговый съезд, который был идеалом проектированных бюро Ковалевского «съездов» и позднейших их проектов, приведших к организации Совета съездов представителей торговли и промышленности. Членами Союза могли быть все русскоподданные граждане, занимающиеся торгово-промышленной деятельностью, объединяющиеся в отделениях Союза, которые могли быть организованы во всех населенных пунктах России. Отдельные специальности должны были организоваться в самостоятельные группы. Местные отделы Союза собираются на съезды, которые и избирают центральный орган Союза — бюро. Таким образом в общих чертах мы имеем организацию, весьма схожую с позднейшей — «Всероссийской» «представительной» организацией. Надо полагать, что распадение Союза после неудач на выборах в 1-ю Гос. думу объясняется в значительной мере тем, что организация эта потеряла всякий смысл с созданием Совета Съездов представителей промышленности и торговли. Наиболее махровой, по своей контрреволюционности, крупно-капиталистической партией была партия правой части Московского биржевого о-ва, носившая

---

[1] См. там же.

Там же имеется и программа Союза.

название «Торгово-промышленной партии». В программе этой партии ярче, чем во всех прочих, сказывается действительное реакционное содержание политики крупного капитала. Приведем несколько характерных моментов из «дополнений» [1] к программе этой партии. Прежде всего программа требует безусловного содействия правительству, которое для партии представляется необходимым условием, в деле ограждения от посягательств «разных крайних партий на законный правопорядок».

Как программа, так и дополнения к ней, выдвигают необходимость «сохранения целости России», которая трактуется как сохранение угнетательской политики царизма. Выдвигая требование регулирования свобод, данных октябрьским манифестом, партия в дополнениях к программе разъясняет этот пункт следующим образом:

«Дарованные свободы несомненно должны быть и будут закреплены основными законами государства, но законами же должны быть определены границы между свободой и своеволием. Нам даны свободы, но законов, которые ограждали бы от злоупотреблений этими свободами, нет и они должны быть изданы».

Каковы должны быть эти законы, явствует из следующих рассуждений. О свободе слова дополнения говорят, что эта свобода, так же как и свобода печати, «не заключается в свободе лжи, клеветы, искажения истины», т. е. требуют восстановления цензуры. О свободе собраний и союзов дополнения говорят, что она «не может давать право на союз и собрание людей для целей, преступных или вредных для государства, народа, общества, отдельных лиц», т. е. провозглашается принцип свободы собраний для контрреволюционной буржуазии и отмена ее для революционного пролетариата и его партии. В рассуждениях о свободе личности явно сказывается «работодательское» хищничество, старающееся под флагом этой свободы потребовать гарантий не только от правительственных покушений на нее, но и «от своеволия частных лиц», подразумевая снятие рабочих забастовщиками с работы. В дополнениях к программе Крестовниковской партии гражданские свободы превращаются в цензуру, запрещение пролетарских и других револю-

[1] См. в упоминавшемся сборнике В. Ивановича.

ционных организаций—в свободу штрейкбрехерства. Что касается отношения к Государственной думе, то торгово-промышленная партия прямо заявляет, что дума должна заняться «созидательной деятельностью», отказавшись от всякой попытки развития отвоеванных народом у правительства реформ. Тем же духом махровой реакционности проникнуты все остальные пункты программы. Поскольку даже более левые круги крупного капитала скатились под влиянием октябрьско-ноябрьских событий в сторону самой крайней реакционности, правое ее крыло—московские мануфактуристы естественно должны были стать ближайшими соседями черносотенства.

Другая часть московского крупного капитала сорганизовала «умеренно-прогрессивную партию»[1]. Лидером ее был В. И. Горнунг, доверенный фирмы «В. Перлов» и хозяин собственного виноторгового предприятия. К этой программе примыкал П. Рябушинский и другие. Программа этой партии не носит черт специально «торгово-промышленной» партии. Так же, как и в программе прогрессивной экономической партии, мы здесь имеем всеобщее избирательное право. В аграрном вопросе разбираемая программа идет даже дальше программы прогрессивно-экономической партии, приближаясь к ка-детскому решению этого вопроса — «отчуждение за счет государства удельных, кабинетских, монастырских и частновладельческих земель». Что умеренно-прогрессивная партия была созданием крупной текстильной промышленности, выдает лишь та часть программы, которая говорит о рабочем вопросе. Здесь мы имеем протаскивание, наряду с рабочими реформами, узаконения работодательской политики локаутов и борьбы с 8-часовым рабочим днем, «ввиду мировой конкуренции». Во всяком случае программа умеренно-прогрессивной партии является любопытным показателем, что левой русского крупного капитала постепенно становится московская текстильная промышленность Рябушинского и присных, идущая в этом отношении на смену быстро правеющей тяжелой индустрии Петербурга.

Таков, в общих чертах, путь крупного капитала от бесплодного либеральничанья начала 1905 года к более или менее

[1] Сведения о ней можно найти в сборнике Ивановича, а также в делах №№ 154 и 158 О-ва заводчиков и фабрикантов.

ясно выраженной контрреволюционной самоорганизации. Мы не будем останавливаться на фактах совместной работы буржуазных партий с черносотенцами. Это потребовало бы специального исследования. Некоторые из таких фактов отмечены в 3-м томе меньшевистского 4-томника — «Общественное движение в России». Укажем лишь, что буржуазным партиям не чужды были попытки своеобразной буржуазной «зубатовщины». Так например С. С. Хрулев, лидер прогрессивно-экономической партии, предлагал бюро партии дать средства на столовую для рабочих, которая должна была быть обязательно «под знаменем партий», причем участие в этом деле черносотенцев, вроде В. Н. Степановой-Дезобри, считается им вполне приемлемым. С наступлением реакции буржуазия все чаще прибегает к такого рода политике. Но это, повторяем, несмотря на весь интерес темы, выходит уже за пределы нашей работы.

Итогом деятельности партий был провал их на выборах в 1-ю Гос. думу. Для характеристики этого провала приведем несколько цифр по Петрограду, рисующих его достаточно красочно[1]. Общее количество поданных голосов по Петрограду разбилось следующим образом (округленно):

Ка-деты получили	35.500 голосов
Конституционно-монархический блок	15.000 »

Выборщики, проведенные этими голосами, по профессиям распределялись следующим образом:

Профессора и преподаватели	32%	(51 ч.)
Юристы	19,2%	(31 ч.)
Инженеры	11%	(18 ч.)
Публицисты и литераторы	7,5%	(12 ч.)
Доктора	6,2%	(10 ч.)
Бюрократия	5%	(8 ч.)
Капитал, торговый и промышленный	4%	(6 ч.)
Ремесленники	3,2%	(5 ч.)
Крестьяне	2,6%	(4 ч.)
Рабочие	1,3%	(2 ч.)

Насколько велик был провал партий крупного капитала, показывает то, что на выборах они выступали не разрозненно, а бло-

[1] Цифры заимствуем из дела № 157 прогрессивно-экономической партии (Архив Общества заводчиков и фабрикантов).

кировались не только между собой, но и с партией правового порядка, а также с «Союзом 17 октября», к которому все более переходит роль партийного представительства крупного капитала, именно с этой поры. Впрочем, этот блок не был очень дружным, несмотря на заранее установленное распределение числа кандидатов (Всероссийский торгово-промышленный союз, Прогрессивно-экономическая партия и «Союз 17 октября» по 50 кандидатов, партия правового порядка — 10), в среде блока шли интриги и ссоры. Вот что мы читаем в одном из писем[1] в делах прогрессивно-экономической партии:

«Между прочим вчера вечером я (пишет И. А. Дурдин) слышал о заседании участковых комитетов в бюро «17 октября» и слухи по моему весьма неутешительные, особенно со стороны Торгово-промышленного союза. Г. Кремнев обособляется и будто бы даже выразился, что Союз не давал полномочий Я. П. Беляеву на слияние с Прогрессивно-экономической партией. При такой политике можно убить дело, принимая во внимание близость дня выборов. Вероятно вы все это уже знаете, а если не знаете, то примите к сведению».

Трудно точно датировать время распада всех рассмотренных выше партий крупного капитала, но что касается Прогрессивно-экономической партии, то известно, что уже на выборах во 2-ю Гос. думу она не выступала. После 3/16 июня 1907 г. ее лидер сделал следующее заявление[2], которое было напечатано в «Руси» 21 июля ст. ст. 1907 г.:

«Прогрессивная-экономическая партия, возникшая по инициативе большой группы петербургских фабрикантов еще до манифеста 17 октября и действовавшая при выборах в первую Гос. думу, после этих выборов приостановила свою деятельность. Было намерение легализировать эту партию, как постоянное политическое о-во, на основании закона 4-го марта 1906 г., но и это намерение временно оставлено. Таким образом если в настоящее время и действует какая-либо группа избирателей под именем прогрессивно-экономической партии, то эта партия не находится в преемственной связи с партией первых выборов, и во всяком случае общество фабрикантов никакого участия в подобной партии не принимает и даже о ее существовании не знает. Фабриканты не верят в возможность проведения в Гос. думу представителей промышленности при настоящем избирательном законе, как и при прежнем, и полагают, что если по государственным соображениям важно представитель-

[1] Дело № 157 О-ва заводчиков и фабрикантов.

[2] Вырезка из газеты, подшита в деле № 154 О-ва заводчиков и фабрикантов.

ство промышленности в Гос. думе, то такое представительство надо обеспечить особо в законе, как оно обеспечено для рабочих, которые получили в Думе по новому закону шесть верных мест» (подчеркнуто нами. *В. Р.*)[1].

IV[2].

На первом съезде Союза торговых и промышленных предприятий в январе 1906 г. М. Ф. Норпе утверждал, что после июльского съезда мысль о политической партии всей русской буржуазии была оставлена. Мы не имеем протоколов организационного бюро за время от июля 1905 г. по январь 1906 г., но судя по заявлению С. П. Глезмера, на одном из заседаний Прогрессивно-экономической партии, а также по тому, что в упоминавшемся сборнике В. Ивановича имеется «Программа, выработанная бюро Московского съезда представителей промышленности и торговли», видно, что первое время после июльского съезда бюро Норпе делались дальнейшие попытки создания единой крупнобуржуазной партии. Надо думать, что мысль о такой политической партии была оставлена позже, когда выяснилось с одной стороны различие платформ отдельных слоев крупной буржуазии, а с другой — правительством был сделан предостерегающий жест в сторону крупного капитала. На последнее указывает следующая коротенькая (без подписи) записка на бланке Совещательной конторы железозаводчиков, имеющаяся в одном из используемых нами дел О-ва заводчиков и фабрикантов:

---

[1] Еще раньше, на заседании 7/20 ноября 1906 г., Триполитов предложил О-ву заводчиков и фабрикантов отказаться от самостоятельной политической деятельности на выборах во 2-ю Гос. думу и подготовлять партию промышленников исподволь, ввиду обреченности на неудачу самостоятельных выступлений на выборах. Блок с «Союзом 17 октября» в это время он считал выгодным лишь последнему, к которому при слиянии переходят члены и средства промышленных партий. Но впоследствии, уже после июльского, в 1907 году, своего выступления, как известно, Триполитов сам примкнул к октябристам (Дело № 162 О-ва заводчиков и фабрикантов).

[2] Все сведения этой главы заимствуем из дела № 147 О-ва заводчиков и фабрикантов, — часть из них можно найти и в деле № 32 Союза писчебумажных фабрикантов.

«М. Ф. Норпе имеет честь сообщить, что сегодня, 18 августа, у него на квартире был обыск, вероятно как у председателя бюро съезда. Все бумаги бюро забраны».

Тем не менее в тех же делах О-ва заводчиков и фабрикантов мы имеем экземпляр вышеупомянутой программы бюро, которая, по свидетельству Глезмера, должна была быть всероссийской политической программой буржуазии, в отличие от весьма с ней схожей (почти тождественной) программы прогрессивно-экономической партии крупного капитала Петербурга Помечена программа 5/18 ноября 1905 г.

Мысль о всероссийской партии была оставлена вероятно именно в ноябре-декабре, что конечно не исключает возможности подготовки проекта Союза «представительного» характера. Для нас не столь интересен самый проект положения об этом Союзе, как мы уже отмечали весьма схожий с уставом Всероссийского торгово-промышленного союза петербурских биржевиков — торговцев, как объяснительная записка к нему, отвечающая на вопрос — «для чего нужен союз промышленных и торговых предприятий Российской империи?» В записке этой прежде всего отмечается, что современные ей события привели русскую промышленность в упадок, а с другой стороны при изменившемся государственном строе получает особое значение общественное мнение, к которому должны будут прислушиваться и правительство и Гос. дума. Между тем

«до настоящего времени почти все вопросы, касающиеся промышленности и торговли, обсуждались и решались в министерствах, без участия заинтересованных ими лиц и предприятий, и только по некоторым вопросам правительство созывало съезды».

«Местные промышленные организации» были полезны, по мнению записки, но, будучи разрозненны, «не достигали намеченного успеха». Отсутствие общей организации не позволяло, по мнению записки, установить такие отношения между трудом и капиталом, которые бы позволили избежать «безурядиц» 1905 года.

И вот,

«чтобы найти выход из этого положения, которое мрачно рисует перспективы будущего, необходимо промышленникам и торговцам итти рука об руку (вспомним, что это было решено еще на съезде

4/17 июля. *В. Р.*) и сообща обдумать, чем можно помочь горю, что нужно для блага страны в экономической жизни ее».

«Посредством своего органа (подчеркнуто в оригинале. *В. Р.*) должны прышленники и торговцы разъяснять и выяснять необходимость тех или иных мер, выработанных ими же, и вносить их на утверждение куда подлежит».

Тут опять мы встречаем традиционную ссылку на пример Германии. В результате записка подчеркивает, что достигнуть влияния, подобного влиянию «торгового съезда» в Германии, можно лишь посредством «сплоченной организации», а не той системы, которая предлагалась в это же время министерством торговли [1].

12/25 января 1906 г. собрался наконец съезд. На съезде присутствовало 116 лиц. После ряда докладов общего характера (среди них отметим доклад А. А. Вольского — «Представительство русской промышленности и торговли в настоящее время и основы представительства, необходимого в будущем», в своей заключительной части еще более определенно подчеркнувший необходимость объединения, ввиду слабых надежд на Гос. думу) съезд перешел к обсуждению проекта положения о союзе.

К. А. Ясюнинский от лица 26 московских фирм заявил, что предложенный съезду проект неудовлетворителен, ввиду сложности и громоздкости его организации, а главное ввиду его централизованности, предоставляющей бюро Союза слишком большие полномочия. Представитель «промышленников царства Польского» К. Ф. Чайковский, представитель Совета союзов металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов С. А. Эрдели и представитель Совета союзов горнопромышленников Урала А. Е. Богданович выступил с теми же, приблизительно заявлениями. Результатом этих заявлений была передача проекта

[1] Проект министерства, носивший название «Положения о выборных учреждениях торгово-промышленного класса», предлагал организацию торгово-промышленных палат, взамен существовавших биржевых комитетов. Разосланный всем буржуазным организациям, он не встретил среди них сочувствия с одной стороны потому, что многие из них собирался уничтожить, и во вторых отодвигал на вторую очередь вопрос о центральной организации, интересовавший, как видно из нашего изложения, руководящие круги крупного капитала в первую очередь.

комиссии, по окончании работ которой съезд постановил образовать новое бюро, составленное как из выбранных на съезде лиц, так и из представителей организаций, и поручил ему переработать устав, руководствуясь принципом автономии входящих во всероссийскую организацию представительных органов, наименьшей централизации дел и бюрократичности исполнительного органа, с правом однако в пределах установленных съездом полномочий действовать самостоятельно. Одновременно на Бюро было возложено обязательство разработать новое положение и созвать съезд до начала работ Гос. думы. 14/27 января первый и единственный съезд союза торгово-промышленных предприятий был закрыт.

В работах Бюро интересно отметить лишь то, что составление нового положения шло применительно представленному Московскими капиталистами проекту. Инициатива таким образом временно перешла к ним. 12/25 апреля открылись работы учредительного общеимперского съезда представителей промышленности и торговли. Мы не будем останавливаться на длинном перечне параграфов устава и вносившихся учредительным създом в них поправок. Отметим лишь то, что может представить непосредственный интерес для нашей темы. Что касается принятой организации «съездов», какой она явилась в результате заседаний 12/25 — 14/27 апреля 1906 г., то она представлялась в виде «очередных», периодически собираемых съездов [1]. В перерывах между работами съездов руководящим органом является Совет съездов, громоздкий орган, составленный из делегатов действительных и совещательных членов — (членами «действительными» считались «представительные» организации, «совещательными» — отдельные фирмы»), выделявшем в свою очередь из лиц, избранных на съезде, исполнительный орган — комитет Совета съездов представителей промышленности и торговли. Еще более ярко в объяснительной записке к проекту, предложенному учредительному съезду, так же как и во всех выступлениях по поводу этого проекта

---

[1] Съезды собирались ежегодно, вплоть до 1915 года, в 1916 и 1917 гг. съезда не было, но в 1917 году собралась конференция, которую только по чисто формальным мотивам решено было не считать съездом.

и его осуществления, подчеркивалась роль этого органа, как противовеса «аграрному» засилию в Гос. думе. Разочарование политикой влекло симпатии капиталистов к германскому идеалу и им казалось, что фактом образования организации они уже добились желанных результатов. Однако на самом деле Совет съездов не имел решающего политического влияния. В сфере же экономической политики, несмотря на значительное влияние, эта организация никогда не выходила из рамок совещательного учреждения.

* *
*

Подытожим теперь тот фактический материал, который приведен нами выше.

Крупный капитал, позже других выступивший в 1905 году на политической арене, под напором январского рабочего движения Коковцовской правительственной политики, в области рабочего вопроса выступает наконец через «представительные» организации. Как дальнейшие политические выступления, так и создание новых форм «представительства интересов», а также худосочных политических партий, являются в большей или меньшей степени деятельностью этих же «представительных» органов крупного капитала. Для нас важно конечно не то, что буржуазия использует наличные организационные формы, а то, что это доказывает совершенно обратное утверждению Гушки—Ерманского об уменьшении роли «представительных» организаций в 1905 году.

У Гушки, как мы видели, 1905 год соответствует наиболее слабому «представительству интересов», наоборот в результате 1905 года оно получает характер ставшего рядом с правительством буржуазного аппарата. Наше изложение, думается нам, доказало совершенно обратное. Не говоря уже об анти-рабочей предпринимательской политике и так называемых «работодательских» органах, возникших в 1905 году, деятельности которых мы не касались, но которые родились в недрах старых «представительных» организаций, эти последние более чем когда-либо в другое время, именно в 1905 году играют роль центра всех политических и иных выступлений крупной буржуазии. 1905 год есть несомненное усиление активности русской буржу-

азии вообще, и крупной в частности. Выразившееся в попытках освободиться от правительственной опеки и повернувшееся затем лицом к реакции это усиление сначала оппозиционно-либеральной, а затем контрреволюционной активности является лучшим доказательством слабости и порабощенности буржуазии. Если обстановка послевоенного и революционного кризиса толкнула буржуазию к либеральной оппозиции, то нарастание революционной волны повернуло ее вспять. И не потому повернула она вспять, что в результате 1905 года стала равноправным союзником полуфеодальной бюрократии, а потому, что враг слева был для нее несравненно опасней. Стремление крупного капитала сравняться по своему влиянию с крупным землевладением, его попытку создать «преддумие» Гушка принял за действительное осуществление.

Тот факт, что приход крупного капитала к политическому господству не состоялся, политически означал блокирование крупной буржуазии с крупным землевладением в «Союзе 17 октября». Экономически этот же факт оставлял крупный капитал в известной зависимости от казны. Роль «представительных» организаций в эпоху реакции не в том, что они диктовали правительству его экономическую политику, а в том, что, все более оформляя синдикатские тенденции капитала, они защищали ранее занятые политические и экономические позиции.

Роль их изменяется лишь с 1915 года, когда начинается действительный, а не измышленный процесс врастания буржуазного аппарата в государственный.

Этот процесс диалектически заканчивается в октябре 1917 года крахом буржуазно-государственных и хозяйственных форм и созданием новых форм государственного регулирования с новым революционным классовым содержанием.

В. Рейхардт.

ТЕКСТИЛЬЩИКИ В КОМИССИИ ШИДЛОВСКОГО.

В настоящее время имеется уже некоторая литература, посвященная истории «комиссии Шидловского», сыгравшей не малую роль в деле политического воспитания петербургского пролетариата в 1905 году [1].

Мы здесь попытаемся дополнить уже опубликованные факты некоторыми данными об участии в кампании выборов в эту комиссию рабочих текстильщиков, почерпнутыми отчасти из архивных материалов, частью же, если не указано других источников, из сопоставления «свидетельских показаний» нескольких участников этой кампании (В. Ф. Большакова, В. Е. Глубко, И. Я. Муромцева, В. Е. Привалова, А. П. Самурова, Н. Г. Титова, П. А. и В. А. Хрусталевых).

После 9/22 января царское правительство было поставлено перед неразрешимой для него задачей. Успокоение могло быть достигнуто только действительными уступками рабочему классу, а эти уступки могли быть сделаны только за счет капиталистов или же за его собственный, русского самодержавия, счет. Ни первого, ни особенно второго оно не хотело. Скорее пожалуй оно готово было решиться заставить немного раскошелиться толстосумов. Но, чуть прошел слух о том, что оно собирается приступить к разработке вопроса об «определении взаимных отношений фабрикантов и рабочих Петербурга», фабриканты забили тревогу. Их организация, «Общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности», добилась того, что их представители были при-

---

[1] Основное дано в статье В. И. Невского — «Выборы в комиссию сенатора Шидловского», помещенной в 3-й книге «Архива истории труда в России» за 1922 год (изд. Петроградского губпрофсовета) и в «Материалах и документах 1905 года», под общею редакцией М. Н. Покровского, (ГИЗ, 1926 г.) в томе, посвященном профессиональному движению и составленном А. Кацем и Ю. Милоновым).

глашены на совещание к министру финансов В. Н. Коковцову, которое состоялось 24 января ст. ст. Здесь Коковцов рассказал им о том, что правительство готовится в ближайший срок приступить к разработке законопроектов по рабочему вопросу, и выразил пожелание, чтобы фабриканты и заводчики сами, не ожидая начала законодательных работ, сделали серьезную попытку к выработке общих мер по отдельным частным требованиям рабочих.

Почувствовав опасность, которою грозили их карману предположенные законодательные меры, фабриканты свое недовольство общей политикой правительства выразили демонстративным, в тот же день, 24 января, призывом к членам своего общества об оказании помощи пострадавшим от расстрела 9/22 января рабочим и осиротевшим их семьям. А чтобы приготовиться к предстоявшему по поводу намеченных законопроектов спору, Общество обратилось 28 января ст. ст. к своим членам с циркуляром, в котором, указав, что «тревожные дни недавнего рабочего волнения, до сих пор еще не вполне затихшего, вызвали со стороны заинтересованных правительственных учреждений предположения к скорейшему решению вопроса о положении рабочих», пригласило их сообщить «подробные и по возможности достоверные сведения», необходимые Обществу, чтобы быть в курсе дела при решении предстоящих вопросов.

Не дожидаясь ответных сообщений на этот циркуляр, Общество составило и послало 31 января ст. ст. «Докладную записку С-Петербургских заводчиков и фабрикантов господину министру финансов». Указав, что они «как во время забастовки, так и теперь вели и ведут подробные переговоры с представителями рабочих о той части требований последних», которая относится к чисто домашним заводским делам», предприниматели жалуются, что при этом они «сильно затруднены отсутствием у рабочих, при существующей обстановке, правильной организации, а также невозможностью для рабочих законным образом собраться и обсудить свои нужды». В дальнейшем «докладная записка» заявляет, что ошибочным было бы в объяснении январских волнений отводить очень видную роль вопросам об экономическом положении рабочих, —

«даже от полного удовлетворения всех требований рабочих прочного успокоения все же ожидать нельзя, — говорится в «записке», — так как рабочее движение не возникло из общего сознания рабочих об экономических невзгодах, а возбуждено и поддерживается из окружающей среды. Изолировать рабочих нельзя и успокоить рабочих уступками также нельзя, пока окружающая среда находится в брожении».

Наконец «записка» ставит особенно болезненно (после неудавшейся попытки захвата дальневосточных рынков) ощущавшийся промышленниками вопрос о расширении внутреннего рынка, на пути развития и укрепления которого главнейшим препятствием лежало полицейское государство.

«Промышленное оживление конца 90-х годов,— жаловалась «записка»,— быстро сменилось общим кризисом и угнетенным состоянием, с полной очевидностью выяснившими, что промышленность не может процветать там, где народ бедствует, что здоровый рост промышленности зависит прежде всего и главнее всего от покупательной способности населения... Петербургские фабриканты также неоднократно делали представления министру финансов о тяжелом состоянии другой [раньше в «записке» говорилось о металлической промышленности] важной отрасли промышленности, а именно хлопчатобумажного производства, указывая на то, что покупательная способность населения видимо истощена и вынужденное [пошлиной на хлопок] высокое состояние цен на хлопчатобумажные изделия встречается с крайним ослаблением спроса. Петербургские мануфактуры работают в последние годы с ничтожною прибылью и даже в убыток, три из них в самое последнее время погибли».

В дальнейшем стали поступать ответы фабрикантов и заводчиков на вышеупомянутый циркуляр «Общества», подкрепляющие фактическими данными ламентации «докладной записки». В этих «по возможности достоверных» ответах фабриканты, сообщая в общих чертах об условиях работы на их предприятиях, указывали, какие убытки они потерпели за время январской забастовки, предоставляя своей боевой организации — «Обществу для содействия» и т. д. доказывать, что, понеся такие убытки, «промышленность» не в состоянии улучшить положение рабочих[1].

---

[1] В архиве фабрики «Работница» сохранилась копия такого ответа, посланного в общество фабрикантов администрацией «Джутовой мануфактуры Лебедева». Работа на этом предприятии продолжалась тогда обыкновенно 11½ часов, по субботам — 8½ часов, в предпраздничные дни — 9½ часов. Расчет за работу на фабрике производился поденно и сдельно, заработок уплачивался 1 и 15 числа каждого месяца.

С опозданием против общества фабрикантов месяца на полтора решило запастись необходимыми сведениями и С-Петербургское столичное по фабричным и горнозаводским делам присутствие. Только 5/18 марта старший фабричный инспектор С-Петербургской губернии разослал заведующим промышленными заведениями бланки вопросов (6 разных форм). Отчасти здесь повторялись вопросы, поставленные обществом фабрикантов (насчет убытков предприятия), отчасти же они охватывали более широкий круг отношений: какие требования были предъявлены от имени рабочих и какой был ответ администрации предприятия? Сведения о числе сверхурочных рабочих часов за 1904 год обязательных или необязательных, и проводились ли эти работы с оплатой или бесплатно? Сведения о среднем заработке поденном и о количестве рабочих часов по специальностям, полу и возрасту и т. д.

Не знаем, удосужились ли текстильные фабриканты в обстановке нарастающего возбуждения рабочих масс дать ответы на эти вопросы. Здесь предстоит еще большая работа обследования архивов фабричной инспекции, очень нужная работа, которая может дать нам достаточно широкую картину печального положения рабочих в текстильной промышленности тогдашнего Петербурга.

Как бы то ни было, разработка этих, собиравшихся через

Помимо суммы в 2.084 руб., уплаченной рабочим за 7 дней январской стачки, ответ указывает еще следующие статьи убытков фабрики, понесенных за эти дни:

1) пособие рабочим и их семействам, пострадавшим 9 января — 110 руб.,

2) общие и накладные расходы, как то: содержание правления и служащих, содержание конторы, отопление, освещение, налоги и прочие расходы, не считая погашения, отнесенные к дням простоя, сообразуясь с числом рабочих дней в году заведения — 2.660 руб.,

3) амортизация имущества за те же дни простоя — 1.428 руб.,

4) порча материалов вследствие перерыва работы на сумму — 1.000 руб.,

5) потеря в сумме оборота — 33.500 руб.

Вероятно эти данные об убытках фабриканта, как и обыковенно бывало при даче подобных сведений, были преувеличены, о чем можно судить хотя бы потому, что расход на отопление показан за неделю в 925 р. 40 к.

фабричную инспекцию у фабрикантов, анкетных сведений была расчитана на длительный срок. А между тем продолжавшееся в рабочей среде возбуждение требовало хотя бы видимости быстрых мер, направленных к успокоению рабочих действительными уступками. Поэтому рядом с анкетою у фабрикантов, которую для подготовки законопроектов по рабочему вопросу должна была провести учрежденная 28—31 января ст. ст. комиссия под председательством В. Н. Коковцова, правительство решило справиться с мнением рабочих.

С этой целью 29 января ст. ст. 1905 г. под председательством члена Государственного совета сенатора Н. В. Шидловского была образована еще одна особая комиссия — «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в С-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем». Комиссия эта должна была

«состоять из представителей всех заинтересованных ведомств, назначенных по соглашению председателя комиссии с подлежащими министрами, представителей промышленников, по выбору, и рабочих, по избранию самих рабочих».

Правительство расчитывало при этом, что ему удастся ослабить вызванные событиями 9/22 января революционные настроения пролетариата, рассеяв их хотя бы у умеренных элементов последнего, только что входивших в гапоновскую организацию.

В среде социал-демократов мнения насчет того, как отнестись к этой комиссии, разделились. Большевики с самого начала встретили ее с недоверием, сначала полагали, что ее следует бойкотировать, затем быстро решили использовать открывающуюся здесь возможность организовать массы на почве выборов в эту «комиссию государственных фокусов». Меньшевики колебались и, по выражению С. И. Гусева (в письме к В. И. Ленину), безнадежно путались в таком сравнительно простом вопросе, видя в этой комиссии возможный «народный трибунал», к которому со всей России будут обращаться рабочие с заявлениями о своих нуждах, и в то же время «агитационный центр», дающий лозунги текущей борьбы пролетариев всей страны.

Как сообщала корреспонденция в № 10 издававшегося в Женеве большевистского еженедельного «Вперед», Петербургский комитет (большевистский) РСДРП широко развернул предва-

рительную агитацию. Все агитаторы проводили один и тот же выработанный комитетом план — в кружках, районных и подрайонных собраниях — именно: выборы производить, выбирать рабочих (а не интеллигентов), но при выборах обязательно выставлять требования[1]. В случае неудовлетворения требований (хотя бы даже частных) срывать комиссию, полный бойкот всеобщая забастовка с выставлением политических и экономических требований, с призывами ко всему населению и т. д.

Что касается рабочей массы, то она, не дожидаясь разъяснений властей о порядке избрания депутатов в комиссию, приступила на фабриках к выбору своих представителей по боевой тогда формуле «4-хвостки» (т. е. всеобщего, прямого, равного и тайного голосования). При этом разумеется произошли местами пререкания (впрочем несерьезные) с фабричной администрацией. Так по сообщению «Вестника юга» (от 8/21 февраля 1905 г.) на мануфактуре К. Я. Паля (на Александро-Невской мануфактуре — ныне фабрика имени В. П. Ногина) рабочие прекратили работы 3/16 февраля в 8 часов утра, заявив администрации о желании приступить к выборам в комиссию Шидловского. Администрация предложила им собраться в помещении ткацкой мастерской, но они отказались, устроив выборы вне фабрики. Такие же самочинные выборы происходили еще на многих ткацких фабриках. Полиция начала арестовывать избранных, на что рабочие ответили забастовками, требуя освобождения

---

[1] Напечатанные 12/25 февраля в количестве 5—6 тысяч экз.— в прокламации ПК РСДРП — эти требования гласили:

1) освобождение арестованных товарищей;

2) неприкосновенность личности и жилища рабочих;

3) свобода собраний и сходок: а) для обсуждения требований, которые должны быть предъявлены в комиссию, б) для выборов из числа выборщиков депутатов в комиссию, причем до выборов должно быть общее собрание всех выборщиков, в) для предоставления рабочим отчета со стороны депутатов об их действиях в комиссии;

4) предоставление рабочим права заседать в комиссии с правом решающего голоса наравне с прочими ее членами;

5) свобода слова в комиссии;

6) публичность заседаний;

7) удаление из выборных собраний представителей Шидловского;

8) печатание в газетах подробного отчета о заседаниях.

своих выборщиков, попутно выдвигая и другие экономические и политические требования.

Вообще вспыхивавшие по разным поводам то на той, то на другой фабрике забастовки являлись общим фоном всей развертывавшейся в связи с выборами в комиссию Шидловского кампании[1]. Эта атмосфера возбуждения в рабочей среде и была причиной сравнительной уступчивости сенатора Шидловского во время выборов в комиссию.

Между тем появилось заявление сенатора Шидловского о порядке выборов. Конечно фабрикантам было дано право прямых выборов своих депутатов, тогда как рабочим предлагалось

---

[1] Заимствуем из дела № 4, ч. 1, т. 3, департамента полиции, 4-го делопроизводства,—«О волнениях и стачках среди рабочих по Петербургской губернии за 1905 год» следующие данные о февральских забастовках в 1905 г. на текстильных фабриках Петербурга:

4/17 февраля не приступали к работам Российской бумагопрядильной фабрики 800 чел., Невской ниточной мануфактуры 1.800 чел., Екатерингофской бумагопрядильни 700 чел.

6/19 февраля вновь забастовала бумагопрядильная фабрика Чешера.

7/20 февраля не работают Спасская и Петровская мануфактуры и вновь остановилась фабрика Паля. Кроме того забастовали бумагопрядильня Штиглица, Невская ниточная, Резвоостровская Воронина.

8/21 февраля не работает фабрика «Невка» (800 чел.), Новая бумагопрядильня (1.900 чел.), бумагопрядильная фабрика Кожевникова (680 ч.). Петровская и Спасская бумагопрядильные фабрики и фабрика Паля — рабочие собрались утром, но к работам не приступили и мирно разошлись.

9/22 февраля возобновили работу фабрика Паля, Спасская и Петровская мануфактуры. Приступило к работам 1-е отделение бумагопрядильни Штиглица, а 2-е отделение (около 1.000 чел.) продолжает забастовку, этим объявлен расчет. Объявление о расчете вывешено также на Невской ниточной мануфактуре и на фабрике Воронина. С 2 часов дня производился расчет на Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуре, где около 700 рабочих.

10/23 февраля на Екатерингофской мануфактуре работы не начинаются, хотя рабочие уже просят открыть фабрику. Администрация фабрики предполагает возобновить работу не ранее 15/28 февраля, якобы с целью проучить рабочих. Приступила к работе фабрика Воронина.

11/24 февраля начали работать рабочие Спасской и Петровской мануфактур, бастовавшие 2 дня. Вновь забастовала фабрика Паля.

15/28 февраля рабочие пришли на фабрику Чешера, стали на свои места, но работ не производят, ждут старшего инспектора, просят уплатить за забастовку. Чешер отказывается.

избрать только выборщиков, которые должны были из своей среды избрать депутатов в комиссию.

Вслед за тем 10/23 февраля по предприятиям были расклеены выдержки из этого заявления. В архиве фабрики «Работница» сохранилось большое, в виде афиши, на желтой бумаге «Объявление рабочим», подписанное старшим фабричным инспектором С.-Петербургской губернии. Оно гласило:

«По распоряжению г-на председателя высочайше утвержденной комиссии для выяснения причин недовольства в г. С.-Петербурге и его пригородах сим объявляется рабочим, что им предлагается выбрать из своей среды... [здесь в печатный текст от руки вписано (2-х) «двух»] выборщиков для избрания затем представителей от рабочих в вышеуказанную комиссию. Избрание выборщиков должно быть произведено согласно статьям 1—7 объявления, изданного г-ном председателем комиссии, а именно согласно нижеследующим правилам:

1. Право участвовать в выборах представляется рабочим всех промышленных заведений, имеющих не менее 100 рабочих.

Примечание. Мастера и их помощники, а равно и подмастерья, к участию в выборах не допускаются.

2. В выборах могут участвовать рабочие как мужского, так женского пола, кроме учеников, где таковые имеются.

3. Первоначально рабочие каждого промышленного предприятия избирают из своей среды выборщиков в установленном для каждого заведения числе (п. 4). Этими выборщиками будут затем избраны представители от рабочих в комиссию.

4) Рабочие промышленных заведений, имеющих от 100 до 500 рабочих, избирают одного выборщика; рабочие заведений, имеющих свыше 500 и до 1.000 рабочих,—двух выборщиков; рабочие заведений с числом рабочих свыше тысячи человек избирают по одному выборщику на каждых полных 500 чел.

5) Избрание выборщиков производится по отдельным промышленным заведениям тем способом, какой изберут сами рабочие.

16/29 февраля. Не приступали к работам фабрики Паля, Спасская, Петровская, Ново-бумагопрядильная и ткацкая, Кожевникова, Сампсониевская, Чешера, где ночная смена не работает, денная приступила к работам. На фабрике Штиглица около 900 чел. работают, остальные 2.000 не работают, а обсуждают, работать ли или нет.

17/30 февраля. Забастовала Охтенская бумагопрядильная (425 чел.). Объявлен расчет на Сампсониевской фабрике Мальцева, фабрике Шау, Ниточной мануфактуре «Невка» и фабрике Кожевникова. Приступили к работам Спасская и Петровская мануфактуры.

В выборщики могут быть избираемы в каждом заведении только рабочие того же заведения, достигшие 25-летнего возраста, мужского пола и не менее одного года работавшие в том же заведении.

6) Поддержание должного порядка на выборах возлагается на обязанность самих рабочих. В этих видах им предоставляется избирать из своей среды для руководства выборами одного или нескольких председателей.

7) Лица, принадлежащие к составу фабричной и заводской администрации, не присутствуют на выборах».

Следует отметить, что пункт 2-й этих правил вызвал протест текстильщиц. На самочинных своих выборах текстильщики местами в выборщики наметили и женщин. Так по свидетельству Никандра Михайлова (ныне кочегара на фабрике «Красное знамя») у Керстена на фабрике была избрана однофамилица его Анна Михайлова, в то время хорошая подпольщица [1].

Протест текстильщиц был напечатан тогда в «Биржевых ведомостях» [2]. По словам этой газеты, женщины, работавшие на более крупных петербургских мануфактурах, обратились к сенатору Шидловскому со следующим заявлением:

«Депутатки от женщин-работниц не допускаются в комиссию под вашим председательством. Такое решение представляется несправедливым. На фабриках и мануфактурах города Петербурга работницы преобладают. В прядильных и ткацких мастерских число женщин с каждым годом увеличивается, потому что мужчины переходят на заводы, где заработок выше.

Мы, женщины-работницы, несем более тяжелое бремя. Пользуясь нашей беспомощностью и бесправностью, нас больше притесняют наши-же товарищи, и нам меньше платят.

Когда было объявлено о вашей комиссии, наши сердца забились надеждой. Наконец наступает время, думали мы, когда петербургская работница может громко, на всю Россию и от имени всех своих сестер, русских работниц, заявить о тех притеснениях, обидах и оскорблениях,

---

[1] Впоследствии хозяин переманил ее на свою сторону, сделав ее старшею в отделе, и она, как преданная собака, стала тогда на страже хозяйских интересов. Во время революции 1917 г. рабочие хотели сбросить ее с лестницы».

[2] Протест этот был цитирован в газете «Вестник юга» (в номере от 23 февраля ст. ст. 1905 г.).

Текст его так же приведен в статье П. Ф. Куделли—«Работницы в 1905 году» в сборнике Ленинградского истпарта—«Работница в 1905 году в С.-Петербурге», изд. «Прибой», Л., 1926 г., стр. 10.

которых никогда не испытывал и о которых не может знать ни один работник-мужчина.

И вот, когда мы уже выбрали своих депутаток, нам объявили, что депутатами могут быть только мужчины.

Но мы надеемся, что это решение не окончательное. Ведь указ государя не выделяет женщин-работниц из всего рабочего класса».

Мы не знаем, сколько подписей было под этим заявлением. Весь тон его, рабский и почтительный, кутающий протест в форму надежды, «что это решение не окончательное», и защиту своего права ищущий в царском указе, заставляет предположить, что здесь наши текстильщицы попали под влияние каких-нибудь либеральных дам-феминисток (может быть из группы «Освобождение»). Самый выбор газеты, в которой было опубликовано это заявление, как будто подтверждает такое предположение. И все-таки заявление это заслуживает быть отмеченным в истории петербургского рабочего движения, как первое выступление текстильщиц в защиту уравнения женщины-работницы в правах с мужчиною-рабочим.

Возвращаясь к вышеприведенному «объявлению рабочим», нам следует еще остановиться на 7-м его пункте. Пункт этот позволил на многих из текстильных фабрик рабочим во время выборных собраний обсудить распространенные Петербургским (большевистским) комитетом РСДРП и Петербургскою (меньшевистскою) группою при ЦК РСДРП резолюции и требования. Он же позволил проникнуть в эти дни на фабрики партийным агитаторам, которые произносили речи перед выборами и на выборах. Петербургский комитет большевиков мобилизовал в эти дни из одной интеллигенции около 60 таких агитаторов, а кроме них выступали и рабочие. Выборы выборщиков были назначены на воскресенье 13 февраля, на некоторых фабриках они прошли накануне этого дня, на других их пришлось переложить на более поздний срок. На большинстве текстильных фабрик на этих избирательных собраниях рабочие только подтвердили свои первоначальные выборы.

Однако на фабрике Паля, где у Петербургского комитета (большевиков) почти совсем не было связей, все намеченные предварительно кандидаты были сняты.

Один из кандидатов, сторонник бойкота, Зайцев заявил при этом: «Я своих рабочих предавать не хочу». Другие отказыва-

лись ставить свои кандидатуры на баллотировку, опасаясь неизбежного, по их мнению, вслед за выборами ареста. Выборы пришлось перенести на другой день. На фабриках Максвеля (на Петровской и Спасской мануфактурах) выборы чуть было не были сорваны, потому что накануне управляющий разорвал требования, предъявленные рабочими: это вызвало сильное возмущение, рабочие забастовали и отказались от выборов. Выборы здесь так же были проведены на другой день.

На фабрике Кожевникова выступали социал-демократы А. П. Воробьев, З. А. Молотков, П. А. Тюшин и Бухтин и эсеры Василий Нилов и Павел Иванов.

Картину выборов нарисовал покойный Виктор Большаков, работавший в то время на Российской мануфактуре (ныне «Веретено»), следующим образом: «На конспиративном собрании с тов. Виталием было постановлено провести в представители от Российской мануфактуры В. Ф. Большакова. Собрание было в помещении, где пресс, где пряжу укладывали (там и всегда на этой фабрике собрания бывали: раздвинут ящики и разместятся как-нибудь). Здесь выступали ораторы—большевики и было много листков. Принята была большевистская резолюция относительно комиссии».

На собрании намечено было человек 5 кандидатов, а выбрать надо было двоих. Их поставили затем в щипальной всех в ряд, дали им каждому по тазу от кардмашин, и каждый рабочий должен был опустить свой номер в таз тому кандидату за которого хотел подать свой голос.

«Однако,—рассказывал Большаков,—наши ребята тоже не зевали они подобрали номерки у всех женщин, которые не знали, за кого голосовать, и притащили в мой таз».

И когда начался подсчет, то было очевидно, что пройдет именно Большаков, так как прядильщики почти все клали свои номера в его таз, да к тому же и мальчики понатаскали ему номеров. Вторым избранником оказался Никифор Гаврилыч Титов, старый кружковец, ставший в 1904 году гапоновцем, после снова вернувшийся в социал-демократическую организацию. После выборов помощник пристава и околодочный первым долгом справились, сколько времени работают избранные

выборщики на фабрике и не были ли под судом. Оказалось, все в порядке: и работают больше шести месяцев и в тюрьме не сидели.

На некоторые фабрики не удалось проникнуть социал-демократическим агитаторам (например на Никольскую, на Тюлевую фабрику и др.); на других оказались избранными случайные представители, иные из них даже побоялись явиться на собрания выборщиков; на третьих избранные выборщики не были утверждены администрацией, так как не удовлетворяли условиям. Так на Екатерингофской мануфактуре, выбрали от подручных и задних мальчиков Василия Андреевича Лемешева-младшего. Но ему было всего 22 года, и его сняли; тогда провели Петра Епифанова (зубатовца или гапоновца), но тот не явился на регистрацию, так что фабрика осталась без выборщика. Точно так же по молодости не был утвержден на Северной ткацкой—Николай или Федор Семенухин.

В общем в выборщиках в комиссию Шидловского от текстильщиков оказалось человек около шестидесяти. Иные из них еще раньше выдвинулись в рабочем движении, многие побывали в Гапоновской организации и даже играли в ней заметную роль, другие только на этих выборах получили свое политическое воспитание. Кое-кого из них можно было встретить и позднее, когда организовался союз, в рядах профсоюзного актива. Однако товарищей, способных стать во главе и руководить движением, текстильщики (да и не только они) в то время еще не были в состоянии выдвинуть.

«Вождь» выдвинулся со стороны, из рядов интеллигенции, при том идеологически не перешедшей на сторону пролетариата, а стремившейся использовать движение последнего в своих групповых интересах. Это был помощник присяжного поверенного Георгий Степанович Носарь, беспринципный авантюрист, в то время примыкавший к группе либералов-освобожденцев, пытавшейся завязать связи с рабочими с целью подчинения их своему влиянию. (В конце 1905 года Носарь перешел в ряды социал-демократов-меньшевиков, но не надолго).

С текстильщиками Носарь познакомился вскоре после 9/22 января, когда затянулась забастовка на фабрике Чешера, не пожелавшего уплатить рабочим за стачечные дни, и когда не-

сколько ткачей с Никольской фабрики (ныне она входит в комбинат «Красный маяк»), заслышав, что через Носаря можно достать денег для стачечников (в те дни интеллигенция делала сборы в пользу бастующих рабочих), разыскали его и обратились к нему за помощью. Он тогда действительно и передал им около 150 рублей [1], затем увлек их в хождение по министерским передним, чтобы через начальство как-нибудь повлиять на несговорчивого фабриканта, а когда это не удалось, взялся высудить для них у Чешера через мировой суд оплату за дни забастовки. Таким путем он стал популярным на фабрике и приобрел большое влияние на стачечный комитет [2].

Может быть не без его ведома и участия на избирательное собрание Никольской фабрики не были приглашены социал-демократические агитаторы. На собрании были впрочем приняты лозунги из социал-демократической прокламации (легшие, как и на других фабриках и заводах, в основу наказа выборщикам), но в выборщики были избраны пользовавшиеся влиянием на фабрике беспартийные: подмастерье Борис Иванов и ткачи Петр Алексеевич Хрусталев и Арсений Петрович Коротков. Борис Иванов, как подмастерье, не был утвержден, а Хрусталев и Коротков прошли без возражений.

По рассказу П. А. Хрусталева (подтвержденному и братом его, Василием Алексеевичем, бывшим в то время районным организатором Выборгского района РСДРП), Носарь попросил

---

[1] По всей вероятности это были деньги из суммы в 60.000 рублей, собранных в начале 1905 года на стачечников и находившихся в «Красном кресте» вместе с 25.000 рублями, пожертвованными Петербургской городской думой после событий 9/22 января.

В «Красном кресте» сидели либералы, пытавшиеся посредством этих денег овладеть революционным рабочим движением и завязавшие сношения с бывшими гапоновскими рабочими в Петербурге (см. речь П. П. Румянцева-Филиппова на 3-м съезде РСДРП—«Третий очередной съезд РСДРП 1905 года», полный текст протоколов, Центр. истпарт, ГИЗ, Москва, 1924 г., стр. 190).

Г. С. Носарь же, как мы указали выше, был либералом-освобожденцем.

[2] Корреспондент большевистского органа—«Вперед» (№ 8) сигнализировал тогда опасность ухода руководства рабочим движением из рук социал-демократии: «На-днях депутация от рабочих фабрики Чешера направилась к министру Коковцову. Во главе депутации либерал».

Хрусталева устроить предварительное совещание нескольких выборщиков. Под видом беседы собравшихся на чаепитие знамых это совещание состоялось в доме Герда на станции Удельной по Финляндской железной дороге. На нем присутствовало не более 15 человек выборщиков, при том не только текстильщиков, но и металлистов. Здесь, указав на неудачу попытки добиться у сенатора Шидловского разрешения рабочим поручать защиту своих интересов в комиссии интеллигентам, Носарь сделал предложение, чтобы его провели в комиссию Шидловского, доказывая, что опасно было бы оставить там без руководства слишком неопытных представителей массы, которые не сумели бы пожалуй разобраться в каверзно запутанных формулировках предложений и заключений сенаторских юристов. Присутствовавшие с предложением этим согласились и тогда Петр Хрусталев передал Носарю свои документы и мандат выборщика в комиссию.

Не мало труда и настойчивости понадобилось выборщикам чтобы добиться у Шидловского разрешения предварительно обсудить свои требования (здесь инициатива шла от металлистов, у которых было больше связей с Петербургским комитетом большевиков).

Получив наконец под угрозой отказа от участия в дальнейших выборах это разрешение, выборщики решили использовать для своих целей избирательные собрания в доме графини Паниной и в доме Нобеля, назначенные на 16/29 и 17/30 февраля [1].

Несмотря на то, что чиновники с самого начала старались разбить рабочих по производственным группам (текстильщики составляли первую группу, металлисты—четвертую, всего было 9 групп), на первое собрание все-таки все «вперлись» (по выражению В. Большакова) в театральный зал дома графини Паниной.

Это собрание затянулось до последнего вечера (во время перерывов подавался сладкий чай с бутербродами). Председатель-

---

[1] Показания наших свидетелей расходятся относительно того, в скольких собраниях участвовали текстильщики, одни говорят, что в двух, другие, что в трех, при чем последнее собрание состоялось по их словам под открытым небом.

ство здесь с самого начала перешло в руки Хрусталева-Носаря В первую очередь была проведена чистка: потребовали удалить полицию, и это было исполнено; затем потребовали удаления правой печати, это также удалось сделать, и два или три крайних правых журналиста были выпровождены из зала. После этого стали вырабатывать требования, которые от имени рабочего Петербурга должны были выставить депутаты в комиссии Шидловского. В основу этих требований естественно легли выдвинутые большевистским Петербургским комитетом РСДРП и меньшевистской Петербургской группой при ЦК РСДРП требования публично-правовых гарантий. Прибавлено было и на первое место поставлено выдвинутое еще 1/14 февраля рабочими Никольской мануфактуры Чешера под влиянием Носаря (вслед за группою гапоновцев с присяжным поверенным М. С. Маргулиесом во главе) требование[1] об открытии для собраний рабочих помещений 11 отделов бывшей Гапоновской организации, где и предлагалось тогда производить выборы:

«Только с открытием отделов мы, получив свободу собраний, сможем путем обмена мнений рабочими разных фабрик и заводов выработать и объединить все наши требования и только в отделах наши депутаты могут давать отчеты о работах в комиссии своим товарищам-избирателям».

Во-вторых, чтобы «правдиво и в полном объеме» представить в комиссии нужды рабочих, выборщики требовали:

«а) чтобы депутаты все присутствовали на общих заседаниях комиссии, а не призывались по несколько человек для опроса [а бюрократия с самого начала стремилась сузить рамки комиссии, сведя их чуть ли не к голой анкете. *В. П.*]; б) чтобы депутатам была предоставлена полная свобода слова в комиссии; в) чтобы заседания комиссии были гласными, т. е. чтобы отчеты о них печатались в газетах без всякой цензуры».

---

[1] Требование это было повторено затем в прокламации района Петербургской группы ЦК РСДРП. Любопытно, что Носарь в это время уже считал свое влияние в рабочей среде настолько прочным, что в сопроводительном письме своем при отсылке Шидловскому записки чешеровских рабочих с условиями, на которых они согласны проводить выборы, он предлагал сенатору разрешить открытие 11 отделов под его, Носаря, личную ответственность, угрожая при этом, в случае непринятия условий, всеобщею забастовкой (см. В. И. Невский—«Выборы в комиссию сенатора Шидловского, 1905 г.» в № 3 «Архива истории труда в России» за 1922 г.).

В-третьих выдвинуто было требование гарантии неприкосновенности личности и жилища для всех рабочих.

И в-четвертых — привлечение в комиссию представителей рабочих мелких производств [1].

Во время перерывов было оживленно и шумно. Разбившись на группы, толковали и спорили, стараясь «обнюхаться, кто чем дышит». Текстильщики, по свидетельству В. Глубко, пробирались в библиотеку поговорить о своих делах, обсудить вопрос об образовании союза. Вопрос этот, подымавшийся в их подпольных кружках еще летом 1904 года, был отодвинут на неопределенный срок увлечением массы гапоновщиной. Теперь, с крушением гапоновского движения, он снова выдвинулся на очередь. При этом к группе революционеров, собиравшихся взять на себя инициативу создания профессионального союза, как боевой организации пролетариата, присоединились и умеренные элементы, только что увлекавшиеся гапоновщиной, как формой легального массового рабочего движения. Так что рядом с социал-демократами прядильщиками Виктором Большаковым (большевик) и Иваном Приваловым (в то время меньшевик), собиравшими более активных товарищей столковаться по вопросу о союзе, — «усердно с тою же целью оттаскивал» единомышленников в библиотеку (народного дома Паниной) и желавший «лучше всего обойтись совсем без политики» сновальщик с Северной ткацкой Иван Фомин. Естественно, что тут разгорелись жаркие споры о том, итти ли будущему союзу под определенным социал-демократическим флагом или быть ему нейтральным. Спорили также о том, организовать ли несколько союзов порознь: особо прядильщиков, особо ткачей, сновальщиков и т. д., или же основать один общий союз.

К соглашению спорящие стороны тут не пришли и дальнейший сговор был отложен, так как вопрос о союзе был поднят так сказать между делом, а в порядке дня стояло отношение к дальнейшим выборам и тут также были свои разногласия, и о них также завязались большие споры, которые перенеслись и на фабрики.

---

[1] Д. Кольцов — «Рабочие в 1905—06 гг.» (1-й том меньшевистского 4-томника — «Общественное движение в России», СПБ, 1909 г.).

Между тем администрация приняла свои меры, и на другой день дом Паниной был оцеплен полицией и текстильщиков туда уже не впускали. Выборщики были разбиты на производственные группы по разноцветным бумажкам их специальных удостоверений (у текстильщиков эти бумажки были светло-зеленые). Текстильщиков направили на Выборгскую сторону в народный дом Нобеля.

Там они нашли заготовленные на столах бланки и очиненные карандаши и должны были, наметив кандидатов, произвести выборы представителей в комиссию. Выборщиков и здесь угостили чаем, и во время чаепития возобновились было по группам начатые на предыдущем собрании споры о союзе. Но они скоро были вытеснены основной темой собрания: избирать ли или не избирать депутатов в комиссию. Текстильщикам полагалось избрать девятерых. Завязались прения. Одни, всего их было человек десять (в том числе социал-демократы кружковцы: В. Большаков с Российской мануфактуры, Илья Муромцев от Максвеля, Иван Привалов с Новой бумагопрядильни и другие и стоявший тогда ближе к анархистам Василий Глубко с канатной фабрики «Нева»), убеждали выборов дальше вообще не производить. Другие, с Никифором Титовым во главе, — и это было большинство, — предлагали сначала справиться, как в других группах, созвониться по телефону с четвертою группою металлистов) и как там решили, так и самим поступить. Наконец, третьи настаивали на том, чтобы немедленно приступить к выборам. «Больше всех об этом хлопотали» Ефим Голыбин и Антон Захаров («Колбасник») от Джемса Бека, Иван Фомин от Гука (с Северной ткацкой) и Виктор Богданов от Штиглица (с Невской бумагопрядильни). Но их была небольшая кучка и их никто не слушал. Созвонившись с металлистами, решили участие в выборах поставить в зависимость от ответа Шидловского на поставленные ему требования. В это время пришел Хрусталев-Носарь, который поддержал это решение. Тогда кто-то из «сенаторских», как тут же и окрестили безусловных сторонников выборов, выдал его, заявив, что это не текстильщик, а пришлый со стороны человек.

Вызванный назначенным для присутствия на выборах представителем Шидловского от дверей полицейский чин стал

допрашивать «Хрусталева», кто он такой и с какой фабрики. Тот сразу же заявил, что он присяжный поверенный Носарь и что пришел он по просьбе Чешеровских рабочих. Его арестовали для выяснения личности. Тогда «получился форменный хаос». Повскакав с мест, большинство выборщиков стало кричать: «Не надо выборов!..», «Долой самодержавие!» и «Да здравствует Учредительное собрание!». С этими криками они демонстративно покинули зал. Остались только чиновники, да небольшая кучка «сенаторских», которых, как рассказывал потом Голыбин, переписали и отпустили по домам. Выборы от текстильной группы не состоялись.

Не состоялись они и вообще, так как на заявления всех девяти групп выборщиков, доставленные сенатору Шидловскому с собраний их, состоявшихся 16 и 17 февраля ст. ст., им был дан ответ в подписанном Шидловским объявлении, которые они нашли утром 18 февраля ст. ст. наклеенным у входа в народный дом Паниной. Перечислив предъявленные ему требования, сенатор заявлял:

«1) что за все сделанные рабочими в комиссии откровенные заявления, касающиеся их положения как рабочих, они не могут подлежать ответственности;

2) что в заседаниях комиссии вместе с прочими ее членами будут участвовать также и все представители рабочих и

3) что к обсуждению в комиссии нужд рабочих мелких промышленных заведений мною будут приняты надлежащие меры.

Что же касается прочих ходатайств выборщиков, то они выходят за пределы возложенных на комиссию задач, а потому не требуют с моей стороны ответа».

И тогда весь план Петербургского комитета большевиков, предвидевшего этот отказ Шидловского по самым существенным пунктам требований рабочих, был блестяще доведен до конца. Как рассказало правительственное сообщение,

«ознакомившись с этим объявлением и явившись затем в помещение, назначенное для выборов по группам, соответствующим отраслям промышленности, выборщики 7 групп из 9 отказались от производства выборов».

Они разошлись с теми же возгласами: «Долой самодержавие!»... и «Да здравствует Учредительное собрание!», тут же постановив обратиться к рабочим с призывом к забастовке.

В воззваниях своих, выпущенных с одной стороны в издании Петербургского комитета РСДРП и Бюро комитетов большинства, а с другой — в издании Петербургской группы ЦК РСДРП, они давали отчет избирателям о своей деятельности:

«Шидловский... хочет лишь обмануть рабочих... Но мы не могли согласиться на соучастие в обмане»... «Мы требовали свободы предвыборной агитации... нам этого не дали. Мы требовали освобождения наших депутатов, — этого требования не удовлетворили. Мы хотели прямых и честных выборов, — их нам не дали».

Придя к старому, только что лишний раз подтвержденному, выводу, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, они обращались к рабочим с призывом самим добиваться осуществления своих требований. 19 февраля ст. ст. Петербургский комитет РСДРП опубликовал извещение о постановлении собрания выборщиков объявить всеобщую забастовку и обратился с призывом к рабочим: бросив работу, требовать созыва Учредительного собрания.

Со своей стороны сенатор Шидловский в докладе царю о положении дел с комиссией просил разрешения ее распустить и 20 февраля ст. ст. царь написал на этом докладе: «Согласен». А рабочие откликнулись на призыв своих выборщиков массовой забастовкой. Из текстильных фабрик 21 февраля ст. ст бастовали: фабрика Чешера, Ново-Сампсониевская и Старо-Сампсониевская мануфактуры, Джутовая фабрика Лебедева, Северная мануфактура Гука, Ситценабивная фабрика бр. Леонтьевых, Ново-бумагопрядильная и ткацкая мануфактура.

Так сорвалась эта попытка успокоения рабочих посулами да обещаниями, приведя их лишь в состояние еще большего политического возбуждения. В эти февральские дни петербургский пролетариат в лице своих выборщиков обнаружил громадный рост сознательности в своей среде. Тут он проявил большую политическую зрелость, выдвигая, под руководством социал-демократии, свои требования без иллюзий выполнимости их при старом режиме, но в сознании их агитационного значения для массы.

Имела ли (помимо проведения выборов и агитации в связи с ними) эта кампания для текстильщиков еще и организационное значение? Оставила ли она длительный след в виде сохра-

нившейся и после роспуска комиссии связи между выборщиками, благодаря чему облегчалась для создавшегося в то время рабочего представительства по предприятиям возможность организации профессионального союза, как это было, по словам П. Н. Колокольникова [1], у печатников или у металлистов? Того наследства готовой организации в виде выборных представителей от рабочих по предприятиям, на которое иные меньшевики тогда расчитывали, кампания выборов в комиссию Шидловского текстильщикам не оставила. Сам Колокольников указывает [2], что «текстильные фабрики — Паля, Максвеля, Торнтона — сохранили только кое-какие остатки» такого фабричного представительства. Часть рабочих делегатов в комиссию сенатора Шидловского была предусмотрительно арестована и услана начальством на родину (Большаков и Привалов в том числе), другая под разными благовидными и неблаговидными предлогами расчитана хозяевами. А уцелевшие лишь в редких случаях не сидели, притаившись, как на Тюлевой фабрике, а выполняли функцию представительства, как на Резвоостровской мануфактуре, где они пользовались даже признанием фабричной администрации (они между прочим проверяли в присутствии управляющего меру кусков и т. п.). Но в общем в дальнейшей подготовке организации профессионального союза у текстильщиков выборщики видной роли не играли.

В связи с этим вопросом об организационном наследстве комиссии Шидловского мы должны в заключение остановиться еще на одном моменте. Выше мы упоминали о том, как текстильщики воспользовались перерывами избирательных собраний для обсуждения вопроса об организации союза. С роспуском комиссии это обсуждение на некоторое время было прервано в связи с арестами не только среди наиболее деятельных выборщиков, но и среди остального, накопленного к этому времени у текстильщиков революционного актива, воспитавшегося под руководством социал-демократов в стачечных комитетах и на

---

[1] П. Н. Колокольников (К. Дмитриев) — «Отрывки из воспоминаний, 1905—07 гг.» («Материалы по истории профессионального движения в России», сборник 2-й, Истпроф ВЦСПС, изд. ВЦСПС, Москва, 1924 г., стр. 214 - 215).

[2] Там же, стр. 215.

организации революционных кружков, тайных сходок, открытых митингов и демонстраций. Полицейское устранение единственно опасных конкурентов с этого поля общественной деятельности открывало, как казалось, перспективы успеха для попытки перехватить у социал-демократии инициативу в деле создания профессиональных союзов. Попытка эта по отношению к текстильщикам была сделана тем же Хрусталевым-Носарем. Вероятно на мысль эту натолкнули его именно вышеупомянутые споры текстильщиков в «кулуарах» избирательных собраний в комиссию Шидловского о том, как строить им свой союз. Во всяком случае здесь он мог почувствовать, что в рабочей среде уже готова почва для осуществления этой идеи, сулившей обеспечить влияние на рабочий класс за тою общественной группой, которая сумела бы взять в свои руки дело организации профессиональных союзов. А он принадлежал к группе дипломированной интеллигенции, немногочисленному и лишенному самостоятельного значения слою, в поисках солидного прислона в тот бурный год сорганизовавшемуся в «Союз союзов» интеллигентских профессий и составившему левое крыло либеральной буржуазии.

Весною 1905 года, на Выборгской стороне, где у него были прочные связи с текстильщиками, Носарь устроил, по свидетельству П. Н. Колокольникова [1], ряд совещаний с рабочими, повидимому развернув при этом платформу «освобожденцев», выражавшую позицию этого слоя в борьбе общественных классов и имевшую целью на спине рабочих провести к власти представителей привиллегированной ителлигенции. Эта попытка оспорить у социал-демократов руководство рабочим движением оборвалась в начале лета 1905 года с его, впрочем непродолжительным, арестом. Выпущенный вскоре на свободу, Носарь и дальше стремился укрепить свое влияние у текстильщиков, опираясь на ту же группу чешеровских ткачей, основное ядро которой составляли пользовавшиеся большим влиянием на Никольской мануфактуре подмастерья Устин Родионов и Борис

[1] П. Н. Колокольников (К. Дмитриев) — «Отрывки из воспоминаний, 1905—07 гг.» («Материалы по истории профессионального движения в России», сборник 2-й, Истпроф ВЦСПС, изд. ВЦПС, Москва, 1924 г., стр. 218).

Иванов и ткачи Григорий Надуваев, Петр Хрусталев и Бойков из Вышнего Волочка, которых в январе 1905 года он водил с прошением к министру В. Н. Коковцову. Опираясь на эту группу, он пытался возобновить прерванное арестом свое строительство профессионального союза и представителем этой группы он явился на 1-й Всероссийской конференции профессиональных союзов в первых числах октября 1905 года.

Однако к этому времени уже успели вернуться кое-кто из высланных из Петербурга текстильщиков-социал-демократов (Большаков, Привалов, Коротков, Болдырева и др.), выдвинулись и кое-кто из молодежи (Яков Михайлов, Дмитрий Почтарев и др.), оживились связи с социал-демократической организацией и за Невской заставой и на Выборгской стороне, и подготовка организации профессионального союза текстильщиков снова перешла в руки социал-демократии.

В. Перазич.

Приложение.

СПИСОК [1]

выборщиков, избранных 13—14 февраля ст. ст. 1905 г. рабочими для избрания затем выборщиков, представителей от рабочих в высочайше учрежденную комиссию для выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах.

ГРУППА I.

Обработка волокнистых веществ.

Имя, отчество, фамилия, занятие	От какого заведения
1. Дмитрий Ефимов Макаров, укладчик пряжи.	Фабрики искусственной шерсти и пряжи В. Шульца.
2. Андрей Михайлов Захаров, ситцекрасильный рабочий.	Ситценабивной фабрики акц. о-ва «И. А. Воронин, Лютш и Чешер».
3. Михаил Петров Савин, пантографист.	Тоже.
4. Алексей Прохоров Воробьев ткач.	Тоже.
5. Федул Иванов Иванов, прядильщик.	Суконной фабрики о-ва «Гутуевской суконной мануфактуры П. А. Аух».
6. Никифор Гаврилов Титов, прядильщик.	Российской бумагопрядильной мануфактуры.
7. Виктор Федоров Большаков, прядильщик.	Тоже.
8. Яков Иванов Кузнецов, слесарь по ремонту машин.	Т-ва Охтенской бумагопрядильни.
9. Михаил Васильев Дормидонтов, токарь.	Т-ва Невской ниточной мануфактуры.
10. Алексей Михайлов Патуткин, сновальщик.	Тоже.
11. Арсений Кузьмин Ястребов, ткач.	Тоже.
12. Захар Адрианов Молотков, ткач.	Ватной ткацкой фабрики т-ва «В. И. Кожевников».
13. Иван Миронов Воробьев, ткач.	Тоже.
14. Николай Кулаков, мюльщик.	Старо-Сампсониевской мануфактуры.
15. Афиноген Петров Самуров, ткач.	Т-во Тюлевой фабрики.
16. Иван Филиппов Гарусин, карточник.	Тоже.
17. Яков Михайлов, чернорабочий.	Фабрики «Невка».
18. Максим Акимов, слесарь.	Тоже.
19. Василий Никаноров Захаров, ткач.	Петербургской мануфактуры И. А. Воронина, Лютша и Чешера.

[1] Оригинал этого документа — печатный, на 4 страницах формата писчего листа, сохранился у П. А. Хрусталева и был передан им в Ленинградский музей профессионального движения.

Имя, отчество, фамилия, занятие	От какого заведения
20. Сергей Ефимович Микулин, шнурочник.	Акц. о-ва К. В. Герарди.
21. Степан Андреев Федотов, ткач.	Ново-Сампсониевской мануфактуры.
22. Андрей Егоров Егоров, ткач.	СПб. джутовой мануфактуры «Д. Н. Лебедев».
23. Феофан Иванов Иванов, чернорабочий.	Тоже.
24. Петр Алексеев Хрусталев, ткач.	Никольской мануфактуры.
25. Арсений Петров Коротков, ткач.	Тоже.
26. Иван Николаев Ульяненков, чистильщик.	Т-ва Торнтон.
27. Иван Петров Петров, ткач.	Тоже.
28. Иван Васильев Суяганов, ткач.	Резвоостровской мануфактуры акц. о-ва Воронина, Лютша и Чешера.
29. Григорий Сидоров Калинин, ткач.	Тоже.
30. Алексей Иванов Котьков, прядильщик.	Невской бумагопрядильной мануфактуры.
31. Виктор Богданов, масленщик.	Тоже.
32. Иван Бенев, прядильщик.	Тоже.
33. Нил Яковлев, прядильщик.	Тоже.
34. Иван Ефимов Привалов, прядильщик.	Т-ва Новой бумагопрядильни.
35. Иван Федоров Федоров, ткач.	Тоже.
36. Николай Антонов Антонов, ткач.	Тоже.
37. Иван Сергеев Фомин, сновальщик.	Акц. о-ва Северной ткацкой мануфактуры.
38. Петр Иванов Иванов, ткач.	Тоже.
39. Михаил Ананьев, разборщик при ватерах.	Выборгской мануфактуры акц. о-ва «Воронин, Лютш и Чешер».
40. Иван Петров, шорник.	Тоже.
41. Василий Ефимов Глубко, канатчик.	Канатной фабрики «Нева».
42. Савелий Дмитриев Бурилов, ткач.	Т-ва Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры.
43. Василий Сергеев, точильщик кардного отделения.	Тоже.
44. Артемий Борисов Уткин, ткач.	Петровской бумагопрядильной и ткацкой фабрики.
45. Иван Иванов Нечаев, ткач.	Тоже.
46. Илья Алексеев Муромцев, мюльщик.	Тоже.
47. Ефим Кузьмин Голыбин, концевой.	Бумагопрядильной мануфактуры Джемса Бека.
48. Антон Захаров Захаров, подручный.	Тоже.
49. Степан Иванов Иванов, мюльщик.	Триумфальной бумагопрядильной мануфактуры.
50. Нефед Кириллов Оконев, мюльщик.	Фабрики «Буш, Тис и К-о».
51. Спиридон Павлов Орестов, лакировщик.	СПб. ремизной, пряжекрутильной и лаковой мануфактуры.

Имя, отчество, фамилия, занятие	От какого заведения
52. Наум Павлов Брыгин, ткач.	Александро-Невской мануфактуры К. Я. Паля.
53. Александр Яковлев Куликов, рабочий ситценабивной фабрики.	Тоже.
54. Игнатий Иванов Сардыко, рабочий прядильной фабрики.	Тоже.
55. Максим Феоктистов.	Канатной фабрики Гота.

ВОССТАНИЕ НА КРЕЙСЕРЕ „ПАМЯТЬ АЗОВА" в 1906 году.

Восстание 20 июля [1] 1906 г. на крейсере 1-го ранга «Память Азова» не является центральным моментом в финале «генеральной репетиции», а потому и не случайно, что в ряде работ, посвященных восстаниям во флоте, занимающихся обычно лишь описанием, а не изучением событий, об «Азове» упоминают мимоходом, как о малозначительном эпизоде июльских дней 1906 года в Кронштадте и Свеаборге.

Но при первой же попытке действительного анализа причин поражения вооруженных восстаний во флоте в 1905—06 гг., мы неминуемо должны будем обратиться к «Азову», который являлся к моменту восстания учебным судном, а потому и сосредоточивал в противоположность другим судам, внутрифлотские классовые группировки в относительно больших пропорциях и тем самым ныне дает возможность проследить их борьбу в ее наиболее обостренном проявлении.

Первая группировка в своем большинстве состояла из матросов кадрового состава. Огромный технический прогресс флота, все в больших размерах требовавший высококвалифицированного обслуживания, приводит к тому, что во флот преимущественно зачислялись мастеровые, матросы коммерческих судов, кочегары, машинисты, телеграфисты и т. п.» [2].

Значительный процент рабочих (к этому времени рабочая прослойка в Балтийском флоте равна 13—14%), 3—4 года военной службы, делают большую часть кадрового состава легко поддающейся революционной пропаганде, а вместе с тем и наиболее революционно-активной массой флота.

---

[1] В статье в календарных датах везде старый стиль.

» [2] «Всеподданнейший отчет по морскому министерству за 1906—09 гг.», стр. 41.

Не случайно, как мы увидим впоследствии, что после 20 июля почти весь кадровый состав «Азова» был «списан»... в губернскую тюрьму.

Большинство второй группировки, явно контрреволюционной, составляли прикомандированные на «Азов» для обучения новобранцев сверхсрочнослужащие.

Институт сверхсрочнослужащих, созданный для сохранения младшего технического персонала, так как благодаря демобилизации флот ежегодно терял значительный процент высококвалифицированной силы, уже к моменту революции 1905 года приобрел иное значение.

Особое положение сверхсрочнослужащих, занимавших своеобразное место «буфера» между рядовыми и офицерством, в противоположность последним всегда находившихся в непосредственной близости с матросской массой, было прекрасно учтено правительством. Был введен ряд льгот и вследствие этого «вполне обеспеченное материальное положение сверхсрочнослужащих дало министерству возможность выбирать только самые лучшие элементы из желающих остаться продолжать службу»[1]. Если принять во внимание, что по словам того же отчета большая часть квалифицированных матросов, т. е. рабочая прослойка, по окончании срока службы во флоте не оставалась, так как всегда находила прекрасное применение своим знаниям в быстро растущей промышленности, нам будет не трудно определить и социальное лицо сверхсрочнослужащих.

Оставалось, как правило, крестьянство, причем наиболее зажиточная его прослойка, в которой особенно сильна была тенденция пробиться в «ваше благородие».

В течение долгой службы, благодаря прекрасному материальному положению и нашивкам, делавшим их за «начальство», сверхсрочнослужащие превращались в стойкий и сознательный оплот монархизма.

Во главе этой же группировки естественно стояло офицерство, ибо, как в армии, так и во флоте, «офицерство за небольшими исключениями было тогда настроено или буржуазно-либерально, или же прямо контрреволюционно»[2].

[1] «Всеподданнейший отчет по морскому минист. за 1906—09 гг.», стр. 39.

[2] Ленин, собрание сочинений, т. XX, ч. 2-я, стр. 37,—«Девятое января».

Между этими двумя антагонистическими группировками расположена промежуточная, состоящая из учеников, т. е. новобранцев, недавно попавших во флот и с самого начала подавленных суровой муштровкой.

Эта далеко не однородная группа находилась к моменту восстания в процессе диференциации.

Часть учеников, несмотря на кратковременное пребывание среди кадровой команды (меньше двух месяцев), принимает сознательное участие не только в самом восстании, но и в его подготовке.

О степени их активности красноречиво говорит то обстоятельство, что из 15 учеников, преданных суду «особой комиссии» по делу «о мятеже на крейсере 1-го ранга «Память Азова» — 5 человек приговорены к повешению, а 2 — к 20 годам каторжных работ.

Но наряду с этим мы сталкиваемся с рядом учеников, уже всецело находящихся под влиянием офицеров и кондукторов (т. е. сверхсрочнослужащих).

Но большинство из них все еще не успело осознать, по какую сторону баррикад их место, и представляли собою «те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за сильнейшим толчком и примыкают к более надежной стороне» [1].

И вряд-ли на каком другом примере можно с такой очевидностью проследить борьбу революционной и контрреволюционной группировок во флоте, начинающуюся с борьбы за «большинство» колеблющейся массы, а затем переходящую к открытому восстанию, как на примере «Азова».

Крейсер, втечение 15 часов находившийся в руках восставших, лишенный какого бы то ни было давления извне, дает нам столкновение двух этих сил в их чистом виде. Здесь по часам можно проследить и уяснить, как ряд ошибок, происшедших как по вине руководства, так и в силу причин, от них не зависящих, ошибок, характерных для большинства вооруженных восстаний 1905—06 гг., тут же приводящих к перестановке сил, к ослаблению движения, и тем самым выявить те условия, которые создали базу для той контрреволюционной силы, изнутри подавившей революцию.

[1] Ф. Энгельс — «Революция и контрреволюция в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, собрание сочинений, т. 3-й, ГИЗ, 1921 г., стр. 321).

I.

Можно безошибочно утверждать, что революционная пропаганда среди кадровой команды «Памяти Азова» велась задолго до отправки крейсера в числе прочих судов учебно-артиллерийского отряда из Кронштадта в Ревель.

В этом нас убеждает то обстоятельство, что с 28 мая, т. е. со дня начала кампании, часть матросов кадровой команды уже сама выступает в качестве пропагандистов, проводя активную революционную работу среди учеников.

Однако в предварительном следственном материале мы никаких данных о революционной работе в Кронштадте среди азовцев не находим.

И это конечно не случайно. Все предварительное следствие представляет собою характерную попытку подмены вооруженного восстания вооруженным мятежом, попытку, несмотря на выпячивание якобы уголовных моментов и очевидное замалчивание моментов политических, явно неудавшуюся.

В ответе на отношение № 24877 от 13 сентября 1906 г. главного морского штаба военный прокурор все же вынужден заявить, что «означенный мятеж возник единственно вследствие революционной пропаганды» [1], ибо даже сугубо тенденциозное изложение событий, как мы увидим впоследствии, слишком очевидно говорит о их революционной родословной.

Центром революционной работы на крейсере являлся судовой комитет, объединявший вокруг себя всю сознательную часть команды. В Ревеле на заседания комитета иногда приезжал переодетый матросом Арсений Коптюх (он же Степан Петров, он же «Оскар»), член РСДРП, несмотря на молодость (к моменту восстания ему только исполнилось 20 лет) с известным революционным стажем[2], через которого и осуществлялись вся связь с городской организацией.

---

[1] Дело № 182 Главного судного управления, стр. 26.

[2] Начальник Эстляндского губернского жандармского управления
2 августа 1906 года
№ 1565.
г. Ревель, Земляная, 3.

Совершенно секретно.

Справка. Из дел Эстляндского губернского жандармского управления видно, что:

1. Именовавший себя Степаном Никифоровым Петровым, известный среди матросов под кличкой «Оська» и «Оскар»,—якобы Оскар Минес, по-

Работа была развернута широко. Кроме заседаний судового комитета, на котором присутствовали не только выборные, но очевидно и большинство «посвященных» (на заседании, предшествующем восстанию, присутствовало около 50 человек), — матросы усиленно посещали митинги на берегу, происходившие в лесу за железной дорогой.

Об этих митингах упоминает в своих показаниях обвиняемый П. Пенкевич и свидетель Шавель. Пенкевич бывал на митингах дважды, причем оба раза оратором выступал Коптюх. Шавель посетил один лишь митинг, причем кроме Коптюха выступала еще одна барышня. Как ему впоследствии передавали (он якобы ушел, не дождавшись конца), «на митинге были матросы со всех судов и обсуждали свои нужды»[1]. Подтверждением тесной связи азовцев с городской партийной организацией, служит сбор денег на нужды ревельского революционного комитета, организованный недели за 3 до восстания тем же учеником комендора Пенкевичем.

Кроме того на крейсер в значительном количестве проникает революционная литература.

стоянно посещавший квартиру № 2 в доме № 19 по М. Юрьевской улице в Ревеле, имел там же свидание с матросами-главарями. Ранее он уже был арестован за агитацию в г. Екатеринославе (судя по показаниям, в 1903 г. *С. О.*), но бежал, а в 1905 году был задержан в г. С.-Петербурге под фамилией Рязанова. Дальнейших сведений о нем не имеется. (Дело № 243, стр. 86). *С. О.*

В недавно появившейся статье М. Михайлова о В. К. Курнатовском (сборник «Старый большевик», № 1 за 1930 г., ГИЗ, М.-Л.) упоминается (стр. 166 — 168) провокатор эсер Оскар, финн по национальности, выдававший себя за руководителя восстания на крейсере «Память Азова» и разоблаченный Курнатовским в Японии (в Нагасаки) в 1908 году.

Эти сведения не касаются Арсения Коптюха, носившего кличку «Оскар». Коптюх эсером не был, а по национальности он был не финном, а русским, и был расстрелян в 1906 году по суду. Можно предположить, что неизвестный провокатор, назвавшийся Оскаром, учтя, что в официальных сообщениях о приговоре по делу о восстании на «Памяти Азова» упоминалась лишь фамилия Коптюха (и Петрова), решил воспользоваться популярностью среди революционеров имени «Оскара» (кличка Коптюха) для завоевания большего авторитета среди революционеров и для свободного проникновения в их среду. *Ред.*

[1] Протокол № 30/22, стр. 256 (Архивный фонд военно-судного управления, 1906 г.)

Газеты, прокламации, привозимые артиллерийским квартирмейстером Лобадиным, гальванер-квартирмейстером Колодиным, матросом 1-й статьи Кузькиным, учебным командором Пенкевичем, баталлером Гавриловым и другими читались обычно вслух на баке и тут же обсуждались. По чрезвычайно частому упоминанию свидетелей об этих чтениях можно судить, какой значительный контингент был охвачен революционной пропагандой. Чаще других читались легальные газеты: большевистская «Волна» и эсеровская «Мысль».

Нет никаких сомнений, что командование было прекрасно осведомлено о всей подготовительной работе, происходившей на крейсере, ибо на «Азове» мы встречаемся с рядом осведомителей.

Были осведомители, подобные ученику Тильману, который, дрожа от страха, приходил к священнику Славинскому «с предосторожностью, чтоб его никто не видел и не слышал», сообщал ему, что «на корабле очень много прокламаций и что команда усиленно посещает на берегу митинги и что готовится что то неладное»[1], или подобные ученику Смолярскому, выполнявшему те же функции по заданиям кондукторов Ракитина, Лавриненко и Давыдова.

Но наряду с мелкими шпионами были и более опасные, которые ставили своей задачей не столько выведать и донести, сколько втереться в доверие и спровоцировать.

Роль кондуктора К. Ф. Лавриненко[2] в азовском восстании весьма интересна.

Выделенный совместно с кондукторами Огурцовым, Давыдовым и писарем Евстафьевым из числа других участников подавления, удостоенных лишь «высочайшей благодарностью», произведенный «высочайшим приказом по морскому ведомству»[3] в подпоручики по адмиралтейству, Лавриненко по размаху своей деятельности отличается и от вышеупомянутых «героев».

В описываемый момент, т. е. в момент консолидации сил, Лавриненко, вошедший в доверие к революционерам, в частно-

---

[1] Протокол № 28, стр. 243.

[2] Расстрелян по постановлению ГПУ в 1928 г. *Ред.*

[3] От 7 августа 1906 г. за № 703.

сти к будущему руководителю восстания Лобадину, прекрасно учитывая всю несвоевременность, всю неподготовленность восстания, разжигает страсти, пытается вызвать взрыв, разменять огромную подготовительную работу на мелкие дела, дабы впоследствии легкой победой окончательно отпугнуть колеблющуюся массу от революции.

О том, как удачно Лавриненко маскировался, можно судить по показаниям комендора Крикунова, даже во время ведения следствия еще принимавшего Лавриненко за революционера:

«Я знаю, что у нас на корабле был первым оратором артиллерийский кондуктор Лавриненко. Я постоянно видел, что он Лобадина приглашал к себе в каюту. И как было видно, они очень дружили. От учеников я слышал, что кондуктор Лавриненко смущал и возбуждал команду».

Через несколько строк Крикунов еще раз подтверждает, что

«кондуктор собирал команду учеников и кадровых и рассказывал им о плохих порядках правительства и вообще возмущал ее»[1].

А. К. Дрезен в одной из своих работ приводит очень показательную выдержку из донесения от 9 августа начальника Эстляндского жандармского управления:

«Многими разговорами с матросами за все дни суда Особой комиссии в гор. Ревеле и затем последними разговорами с осужденными к расстрелу, устанавливается, что значительная часть осужденных выражала крайнее удивление, как это не попал в обвиняемые по этому же делу бунта на крейсере «Память Азова» кондуктор Лавриненко» [2].

Мы не знаем, каковы были действия Лавриненко в момент, непосредственно предшествовавший восстанию 20 июля. Как и командование, по заданиям которого он и работал, он вероятно уже несколько раньше успел осознать, что вспыхнувшее движение таит в себе столько потенциальной энергии, что вопрос должен ставиться уже не о провокации, а о спасении собственной шкуры. Но зато в момент перелома в настроении восставших мы вновь встречаемся с Лавриненко и с его предательской деятельностью, но об этом ниже.

Итак несмотря на полную осведомленность, несмотря на истеричные вопли некоторых офицеров «о грядущей потемкин-

[1] Протокол № 51/3, стр. 332.

[2] А. К. Дрезен — «Моряки в восстании 1905 — 06 гг.», ГИЗ, 1926 г. стр. 64.

ской истории»[1], командование активных мер не принимало. Но дело конечно не в «нерешительности» капитана 1-го ранга А. Г. Лозинского (командира «Азова»), о чем так единодушно говорили впоследствии те же офицера.

Причины здесь гораздо глубже. Задача заключалась в том, чтобы снять без шума руководителей заговора, сохранив при этом «верноподданническую невинность» крейсера.

В этом нас убеждает и инцидент с заметкой в газете «Мысль».

В рапорте начальнику учебно-артиллерийского отряда от 29 июня 1906 г. командир «Азова» капитан 1-го ранга А. Г. Лозинский писал:

«В № 8 газеты «Мысль» от 28 июня помещена в отделе хроники заметка о начавшемся якобы 25 июня волнении команды на крейсере, для прекращения которого на судно водворен батальон Новочеркасского полка. Распространение путем печати слухов, позорящих без малейшего к тому повода честь всего личного состава корабля, вызвало у нижних чинов ропот негодования и крайне обидело команду крейсера, бывшую всегда безупречной, почему я прошу представления вашего высокоблагородия высшему начальству о привлечении редактора газеты к ответственности по суду за распространение ложных слухов».

Переправляя этот рапорт военному министру, начальник учебно-артиллерийского отряда флигель-адъютант, капитан 1-го ранга Н. Д. Дабич, в сопроводительном рапорте присоединяется к ходатайству о привлечении к ответственности редактора, «Мысли» за помещение статьи,

«глубоко оскорбившей лучшие чувства как гг. офицеров, так и команды крейсера, повинных разве только в том, что с полным усердием и глубоким сознанием своего долга перед царем и отечеством несут свою службу».

А между тем даже к этому моменту команда уже была повинна не только в «усердной службе царю и отечеству».

Первое крупное волнение на «Азове», с которым очевидно и связано появление вышеупомянутой заметки в «Мысли», произошло недели за 3 до восстания. Команда демонстративно вышла во время обеда из-за стола на бак.

Мичман Н. Н. Дорогов рассказывает, что, проходя по батарейной палубе, он не мог не заметить, что

«в баки налита теплая вода, что даже не потрудились размешать. Очевидно,—говорит он,—что волнения были не из-за пищи. Командир, под

[1] Протокол № 13, стр. 157.

влиянием лейтенанта А. А. Захарова, посмотрел и нашел: плохой суп — причина волнений. Я предложил тогда,— продолжает Дорогов,— все кормление передать в руки команды и на деле убедиться, что не в пище недовольство и что рано или поздно бунт будет. Командир уступил, была выбрана комиссия из ротных командиров, выбраны артельщики из переменного состава, все кормление было передано в руки команды. Пищевого бунта на крейсере не могло быть, политический оставался возможным» [1].

Что Н. Н. Дорогов прав, что это движение было вызвано отнюдь не недовольством пищей, а подготавливалось революционерами, подтверждается показаниями матроса Свирида, слыхавшего, как Лобидин и Кузькин, руководители «20 июля», «предлагали требовать выдачи денег за пищу на руки» [2].

Но перед лицом назревавшего движения командование идет на уступки экономического характера. Требование матросов было компромиссно улажено, а тем самым и была ликвидирована возможность в тот момент привлечь малосознательную матросскую массу к единодушному восстанию.

Вскоре следует попытка обезглавить начинающееся движение, лишь благодаря единодушному противодействию команды не получившая своего разрешения. Мы имеем в виду постепенное списывание с корабля «замеченных в революции» матросов.

Списывание минера Жадского вызвало сопротивление всего постоянного состава. Жадский насильно, при помощи офицеров и кондукторов, был посажен на минный катер, на котором между прочим предварительно был кем-то испорчен руль.

Движение перехлестывало за грани «волнений» и всякие провокационные действия становились опасными. Движение требовало решительных мер, а вместе с тем и огласки. Было дано знать морскому министру, который 14 июля прибыл на крейсер.

У того же мичмана Дорогова мы находим описание этого «визита»:

«Приезд господина министра, крики «ура» в честь монарха, раздавшиеся после того, как господин министр дважды втуне повторял и приглашал команду прокричать «ура» в доказательство верности царю и родине, крики «ура» со стороны переменного состава, угрюмое выра-

[1] Протокол № 13, стр. 157.

[2] Протокол № 20/18, стр. 219.

жение лиц главарей, еще более убедили меня, что с уходом из Ревеля в Папонвик, начнется бунт» [1].

«Для прекращения сношения команд с берегом, где они постоянно встречались с целым рядом агитаторов, отряд был отправлен в бухту Папонвик»[2].

Учебное судно «Рига», на котором революционная пропаганда также пустила глубокие корни, было отделено от «Азова» и оставлено на Ревельском рейде.

В отношении революционеров были предприняты и дисциплинарные меры. В частности артиллерийскому квартирмейстеру Лобадину запретили посещать берег, после чего он иногда говорил, что «хотя ему скоро итти домой, но вероятнее всего ему придется итти в тюрьму»[3].

Однако удаление «Азова» из Ревеля не нарушило у матросов связи с городскими партийными работниками и не погасило развертывавшегося движения.

Восстание назревало изнутри, нужен был малейший повод, малейший проблеск надежды на помощь, чтобы оно вспыхнуло.

17 июля неожиданно для всех боевых революционных организаций Прибалтики восстал Свеаборг, который согласно плану должен был восстать лишь по получении условной телеграммы о восстании в Кронштадте.

Мы не знаем, как и когда узнали в Ревеле о Свеаборгском восстании. Во всяком случае на «Азов» о восстании сообщили телеграфно. Но, откуда была телеграмма, опять-таки установить не удалось.

Рассказывая о предшествовавшем «20 июля» заседании судового комитета, Коптюх упоминает, что на нем «обсуждалась полученная Гавриловым телеграмма о событиях в Свеаборге и в минном отряде» [4].

Обвиняемый баталлер Гаврилов говорит о телеграмме следующее:

«Я получил телеграмму, не помню — 18-го или 19-го, в 9 часов вечера. Кто ее послал и что она означала, я не знал. В телеграмме помню одно

[1] Протокол № 13, стр. 157.

[2] «Всеподданнейший отчет по морскому министерству за 1906—09 гг.», стр. 205.

[3] Протокол № 9/49, стр. 127.

[4] Протокол № 32, стр. 268.

слово «сандель», написанное русскими буквами, еще было два слова, но я их не помню. Когда телеграмму прочитал, то сейчас же ее разорвал. Об этой телеграмме я сказал только одному Лобадину, предполагая, что он знает, в чем дело. Лобадин сказал только: «ага» [1].

19 июля в 7 часов вечера на крейсере «Абрек» приехал в Папонвик переодетый матросом Коптюх, который вместе с доставившими провизию перебрался на «Азов». В $10^{1}/_{2}$ часов вечера собрался в малярной каюте судовой комитет, на заседании которого, какуже отмечалось, присутствовало около 50 человек.

Обсуждался вопрос о присоединении к восставшим. Однако заседание осталось незаконченным. Около часу ночи решили перейти в другое помещение, так как в малярной каюте при таком скоплении людей трудно было дышать.

Когда почти все вылезли, к каюте, где осталось лишь несколько человек, подоспел старший офицер Г. Н. Мазуров, предупрежденный учеником Тильманом, как о заседании, так и о приезде переодетого «агитатора».

Переписав оставшихся, Мазуров принялся обыскивать каюту.

Увидев подходившего офицера, не успевший вылезти Коптюх прилег на подушку к маляру Козлову, но был вскоре обнаружен и на вопрос, «кто он такой», ответил: «кочегар № 122», после чего сразу же был арестован, так как такого номера на судне не было.

Коптюх был посажен под стражу с тем, чтобы утром на отправлявшемся в Ревель крейсере «Воевода» переправить его на берег для передачи властям.

Через некоторое время учениками Пенкевичем, Кузькиным и другими была сделана попытка отнять у дежурившего около денежного сундука матроса Могильного ящик с патронами, но часовому удалось отбиться штыком. Вскоре на него бросилась уже толпа, которая, воспользовавшись наступившей темнотой (в тот же момент, по приказанию Лобадина, минный машинист Осадчий остановил динамо-машину), утащила ящик с патронами.

Пытаясь предотвратить начинающееся восстание, офицеры совместно с кондукторами сносят винтовки в каюты, где вынимают и прячут затворы.

---

[1] Протокол № 51/4, стр. 335.

В 2 часа 05 минут ночи 20 июля началась стрельба. Стреляли из-за прикрытия, причем сразу же были ранены вахтенный начальник мичман М. И. Зборовский 2-й, вскоре умерший, и старший офицер Г. Н. Мазуров.

Единодушно начатое наступление вселяет панику в ряды офицерства и деморализует младший командный состав крейсера.

Разводятся пары на тараньем баркасе, куда тайком перебираются начальник отряда флигель-адъютант Н. Д. Дабич, флаг-капитан капитан 2-го ранга П. И. Римский-Корсаков 1-й и др. Туда же переносятся раненые капитан 1-го ранга А. Г. Лозинский и лейтенанты В. В. Селитринников и Д. Н. Вердеревский.

К этому времени кроме Зборовского убиты на судне: доктор Е. К. Соколовский, механик подполковник С. П. Максимов 3-й, лейтенант А. А. Захаров и при попытке к бегству застрелен в воде лейтенант А. С. Македонский 3-й. На крейсере остались: раненый старший офицер Мазуров, лейтенант А. Н. Лосев 2-й, мичманы Н. Н. Крыжановский и А. А. Сакович, подполковник И. В. Благовещенский и два чиновника. Кроме того одним из первых выстрелов был убит ученик Тильман, предавший Коптюха и стоявший в карауле у ванной, где Коптюх сидел арестованным.

Когда с крейсера был замечен отчаливший от кормы баркас с офицерами, вдогонку был послан паровой катер с 37-миллиметровой пушкой Гочкиса.

Началась погоня. Выстрелами из пушки были убиты капитан А. Г. Лозинский и мичман А. П. Погожев. Ранены лейтенанты Д. Н. Вердеревский и С. И. Унковский.

Почти у самого берега, когда катер был в 10—15 шагах от изрешетенного баркаса, фельдфебель Старостин, бывший как всегда начальником катера, крикнул, что катер встал на мель и дал сильный ход назад.

«В действительности же на мель не становились» [1].

II.

Быстрое, стремительное наступление смяло контрреволюцию — смело офицерство и загнало в щель выжидающих кондукторов.

[1] Протокол № 7/12, стр. 112.

20 июля 1906 г. в 4 часа утра крейсер 1-го ранга «Память Азова» целиком перешел в руки восставших.

Захват крейсера — наиболее блестящий по выполнению момент всего восстания.

Протекая при полной осведомленности командования, при безусловном отсутствии детального предварительного плана, блестяще удавшийся захват выявляет огромные организаторские способности вождя восстания, артиллерийского квартирмейстера, Нефеда Лобадина.

Заседание судового комитета, как уже известно, было прервано около часу ночи задолго до своего окончания.

Нельзя сказать утвердительно, к какому решению пришел комитет и вообще пришел ли он к таковому.

Больше данных за то, что вопрос о помощи Свеаборгу был решен уже после разгона заседания комитета, и за то, что столь ожидаемое матросами готовое каждую минуту вспыхнуть восстание оказалось в конце концов вынужденным.

Это отмечает и Лобадин в своей первой, так сказать «программной», речи к матросам:

«Ребята, вчера с провизией к нам на крейсер прибыл вольный, который вместе с нами сидел в трюме. Ночью же старший офицер его нашел и переписал нас, из-за этого все и вышло» [1].

Еще более рельефно эта же мысль высказана в письме Коптюха, написанном на восставшем крейсере и адресованном товарищам на берегу, но вследствие начавшегося подавления восстания по адресу не попавшему:

«Дорогие товарищи! Сегодня в 3 часа ночи мы восстали. Восстали мы обственно говоря в силу необходимости, так как Оскар [2] был арестован и предполагали офицеры арестовать и остальных комитетчиков».

Среди непосредственных причин восстания, осознание, что ночь на 20 июля является переломной, что отныне нити заговора в руках офицерства, которое завтра уже без всякой «дипломатии» разгромит с таким трудом подготовленное движение, занимает видное место.

Решительность противника обязывала к активности и революционеров. Но сводить все сложнейшие переплетения причин

[1] Протокол № 16/45, стр. 173.

[2] То-есть Арсений Коптюх.

лишь к «самозащите», значит не понять действительного хода событий.

Однако для уяснения главнейшей причины, давшей возможность матросам решиться на восстание и почувствовать его необходимость для событий текущего момента, нам необходимо несколько отвлечься в сторону и выявить роль различных партий в деле восстания на «Азове».

Это же в дальнейшем поможет нам разрешить, является ли ряд ошибок, допущенных азовцами, следствием недостаточного овладения со стороны руководства «искусством восстания», недоучетом опыта предшествующих восстаний, или же ошибки являются следствием чисто методологических ошибок, коренящихся в непонимании задач вооруженного восстания, как такового, в непонимании того, что «никогда не следует играть восстанием, если нет возможности дать отпор всем последствиям игры» [1].

Но прежде, чем перейти непосредственно к этому, нужно сказать о «политической направленности» азовских событий.

В августе 1906 г. начальник Черноморского флота вице-адмирал Н. И. Скрыдлов, в своем обращении к морскому министру, настаивая на введении во флоте ряда популярных бесед на политические темы, выдвигает мысль о создании брошюр, популярно излагающих беспорядки во флоте, в специфической конечно подаче, дабы этим устранить «вредные толки» среди матросов.

Среди прочих тем им указано и восстание на «Азове». Мысль эта понравилась министру, и лейтенанту Н. Н. Глазову было поручено подобную брошюру составить.

Довольно длинное «сочинение», сусально излагающее, как «революционный агитатор мещанин Коптюх» соблазнял команду и как командир «не верил, что забудут военные люди присягу и долг службы», вначале была одобрена министром, но перед отдачей в набор все же была передана на отзыв вице-адмиралу К. К. Де-Ливрону.

Рецензия оказалась неожиданной.

---

[1] Ф. Энгельс — «Революция и контрреволюция в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. 3-й, ГИЗ, 1921 г., стр. 321).

В своем ответе морскому министру Де-Ливрон дает ясно понять, что даже тщательно отобранный материал в сугубо-верноподданнической подаче все же таит в себе столь яркую революционную сущность, что приводит к обратным результатам.

Считая чтение такой «реляции» среди нижних чинов вообще несвоевременной и неуместной, Де-Ливрон вначале пытается это объяснить качеством ни в чем неповинной брошюры, отмечая, что в изложении этого события как будто умышленно наиболее обстоятельно и рельефно на нескольких страницах описаны действия бунтовщиков и при чтении невольно мерещится между строками будто нечаянно пропущенный возглас: «Вот, братцы, как нужно подобные дела вести».

«Удивительно ли, — продолжает Де-Ливрон, — если в умах шатких и неуравновешенных, не говоря уже о зараженных ложными идеями, глубже всего останется впечатление именно от этих рассказов, захватывающих дух несравненно больше, чем у действительно заслуживающих подражания случаях самоотвержения и героизма. Поведение бунтовщиков будет критически обсуждаться; ими может быть будут восторгаться, искать в них пример на случай будущих возмущений».

Однако несколькими строками ниже Де-Ливрон значительно приближается к причине подобного явления:

«С другой стороны, — пишет он, — разве очень поучительно для нижних чинов упоминание о позорном поведении начальствовавших над крейсером «П. А.», бежавших от опасности с судна и предоставивших корабль под Андреевским флагом и с громадным процентом команды, оставшейся верной своему долгу и присяге, во власть нескольких десятков бунтовщиков, под командою какого-то мещанина. Итак сама тема никуда не годится».

Но несмотря на несомненную «политичность» азовских событий, когда мы переходим к их анализу, в частности к выяснению вопроса о роли и значении в нем различных партийных организаций, мы сталкиваемся с чрезвычайно сложной задачей.

С одной стороны, как уже указывалось, в самом следственном материале имеется ряд замалчиваний и передержек, а с другой — в выводах судебного начальства мы наталкиваемся на утверждение, основывающееся на неправильно истолкованных или по просту сомнительных фактах, проверить которые уже сейчас не представляется возможным.

Подводя итоги следственному материалу, обер-аудитор главного военно-морского судного управления коллежский советник А. А. Фелицын пишет, что восстание на крейсере «П. А.» произошло «по распоряжению центрального органа партии социалистов-революционеров»[1].

Это заключение Фелицын делает главным образом на основании факта, происшедшего уже после подавления восстания.

20-го же числа около 10 часов вечера, т. е. часа через 4 после расправы с революционерами, к крейсеру подошла шлюпка, где сидело трое.

На оклик часового подъехавшие ответили, что едут к Лобадину и Колодину.

Распоряжавшийся уже на судне мичман Н. Н. Крыжановский велел сказать, что «Лобадин и Колодин принимают».

На последующий вопрос — кто они такие, один из приехавших ответил, что он «представитель города Кронштадта»[2], после чего все они были арестованы.

Задержанными оказались И. И. Фундаминский (он же Бельский), рабочий Иванов и плававший до 20 апреля 1906 г. на «Азове» матрос Косарев, часто после демобилизации под предлогом продажи булок посещавший крейсер.

Связав воедино приезд этих лиц и главным образом Фундаминского, видного эсера, с ожидавшимся на восставшем «Азове» приездом революционеров, кажется членов Гос. думы, но во всяком случае «выше по положению теперешнего студента»[3] (т. е. Коптюха), которые должны были руководить дальнейшим движением, Фелицын и делает вышеупомянутый вывод.

Для нас, знающих, что вся предварительная работа на «Азове» сосредоточивалась в руках социал-демократов[4], такое утверждение, да притом основывающееся лишь на приезде на крейсер Фундаминского и других, должно показаться маловероятным и требует тщательной проверки.

---

[1] Постановление № 8, стр. 351.

[2] Протокол № 6/3, стр. 101—105.

[3] Протокол № 12.

[4] Правда мы встречались на судне с эсеровской газетой «Мысль». Как легальный орган она была очень распространена и к тому же относительно безопасна, а потому и легче проникала на крейсер.

Следственных материалов о Фундаминском и других у нас нет, так как их дело было выделено в самостоятельное и велось гражданскими властями.

Однако, судя по донесениям о ходе следствия, можно заключить, что непосредственную причастность Фундаминского, Иванова и Косарева к азовским событиям установить все же не удалось.

Что чей-то приезд на «Азове» ожидался — факт достоверный, но был ли Фундаминский именно «тот» или «другой» — ни в какой мере вопроса не решает. Что же касается роли эсеров в азовских событиях, то она чрезвычайно напоминает их роль в Кронштадте и вносит в восстание явно вспышкопускательский и объективно-провокационный характер.

Поставив ревельских социал-демократов перед совершившимся уже фактом восстания в Свеаборге, эсеры аналогично Кронштадту втягивали их в свою авантюру, несмотря на полное сознание первыми всей бесполезности начинать восстание, не носящее массовый характер, и начинать его в такой момент, когда рабочее и крестьянское движения шли на убыль.

В наличии блока социал-демократов и эсеров и в Ревеле нас убеждают показания Коптюха, прямо заявлявшего, что «в Ревеле на крейсер должны были приехать два члена, не могу сказать, Гос. думы или же Соединенной организации»[1]. Кто персонально должен был приехать — он не знал, но именно «они», ожидавшиеся, по прибытии должны были руководить всем дальнейшим движением»[2].

Если это так, то сложнейший узел взаимосвязанности социал-демократов и эсеров в восстании «Азова» можно легко распутать.

Коптюх, как непосредственно связанный с «Азовом», по получении известий о свеаборгских событиях, по заданию социал-демократической организации приезжает на крейсер. Его роль сводится лишь к «поднятию» восстания, дальнейшее же руководство должно было перейти к посланным Соединенной организацией на судно с детальными планами дальнейших действий.

[1] Протокол № 32, стр. 268.

[2] Там же.

Обсуждение текущего момента судовым матросским комитетом «Азова» было прервано арестом Коптюха, и вопрос о восстании, как уже известно, решился сам собою.

Необходимо лишь еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что не арест Коптюха был главным стимулом к восстанию, ибо еще при первых его приездах на корабль, когда обсуждался вопрос, как быть в случае его ареста, он говорил, «что не следует ничего предпринимать из-за одного человека; так и было решено»[1].

Без заверения Соединенной организации о необходимости восстания, без заверения в наличии общего плана, безусловно азовцы бы не восстали.

«Азов» никогда себя не мыслил центром движения, а лишь — составной его частью.

После всего сказанного фразу «о вынужденности восстания» мы должны толковать шире: восстание вынуждалось как действиями офицеров, так и действиями эсеров.

Но если мы внимательно проследим, как мыслили себе непосредственные руководители восстания дальнейшее развертывание движения, мы легко убедимся, как далеки они были от эсеровского бланкизма и как они в противовес им прекрасно учитывали, что «военный бунт частей армии и флота без народного восстания роковым образом осужден на неудачу»[2].

«Азов» идет в Ревель, где получит провизию и где рабочие примкнут к «Азову»[3], — говорил Коптюх, обращаясь со шпиля корабля к восставшим матросам.

Есть указания, что для помощи восставшим рабочим подготавливались и к высадке десанта.

Но отмежевавшись в своем дальнейшем развитии (точне- предполагаемом развитии, ибо ни один из вышеупомянутых проектов провести в жизнь не удалось) от эсеров, азовцы в своих взглядах на цели настоящего восстания резко отличаются и от позиции меньшевиков.

Говоря о лозунгах текущего момента, непосредственно вытекающих из роспуска 8 июля 1-й Гос. думы, В. И. Ленин писал:

---

[1] Протокол № 32, стр. 268.

[2] «Кронштадтским матросам и солдатам» (прокламация РСДРП).

[3] Протокол № 16/6, стр. 164.

«Не очень стойки социал-демократы, меньшевики, успели и тут проявить шатание. Их первый лозунг гласил: борьба за возобновление сессии Думы в целях созыва Учредительного собрания. ЦК протестует. Нелепость лозунга слишком бьет в глаза. Это даже не оппортунизм, а просто бессмыслица. ЦК делает шаг вперед. Лозунг: борьба против правительства в защиту Думы в целях созыва Учредительного собрания. Это лучше конечно. Это уже недалеко от лозунга: борьба за свержение самодержавного правительства для созыва революционным путем Учредительного собрания. Роспуск Думы служит несомненно поводом к общенародной борьбе за властное народное представительство; в этом смысле лозунг «в защиту Думы» несовсем неприемлем. Но в том то и дело, что в этом смысле лозунг включен уже в признание нами роспуска Думы за повод борьбы» [1].

Прекрасно использовывая иллюзорные представления о Государственной думе среди малосознательной части команды, после зачтения «Выборгского воззвания» и «Манифеста к армии и флоту от трудовой группы и социал-демократической фракции Гос. думы», Коптюх все же четко поставил лозунг не в защиту Думы, а «провозгласил Учредительное собрание, крикнув: Долой самодержавие!» [2].

Все вышесказанное дает нам право согласиться с В. Вельманом, который пишет, что «еще в 1906 г. в Ревельской военной организации работали большевики, под руководством которых 2 августа 1906 г. произошло и восстание на крейсере «Память Азова» [3].

Но если цели и задачи настоящего восстания были четко формулированы то в отношении организационно-технической стороны, мы сталкиваемся с обратным явлением.

Несмотря на то, что Коптюх в своей речи упоминал и лейтенанта П. П. Шмидта и кондуктора С. П. Частника, а главным образом броненосец «Потемкин», опыт восстания на последнем учтен не был. Организационно-технически азовцы шли ощупью, спотыкаясь на каждом шагу.

---

[1] Ленин — «Роспуск Думы и задачи пролетариат», (собр. соч., т. VII, ч. 2-я, стр. 10—11).

[2] Протокол № 9/4, стр. 119.

[3] В. Вельман—«Краткий очерк эстонского рабочего движения» («Пролетарская революция», № 12, 1922 г., стр. 88).

* * *

После побудки команда была собрана на бак.

Собрание началось речью Лобадина, вкратце изложившего причины восстания и затем уступившего место одетому в матросскую форму Коптюху. Коптюх, рассказав о восстании Свеаборга и о задачах момента, приступил к выбору боевого штаба — так называемого комитета.

Новый комитет, как указывает большинство свидетелей, состоял из 12 человек. Эту же цифру называет и Коптюх.

Лишь один вольнонаемный повар Травников утверждает, что в комитете было 18 человек.

Сопоставляя ряд свидетельских показаний, состав комитета вырисовывается следующим образом:

1) Лобадин, 2) Колодин, 3) Гаврилов, 4) Кузькин, 5) Болдырев, 6) Аникеев, 7) Котихин, 8) Кузнецов, 9) Баженов, 10) Рубайлов, 11) Орлов и 12) Коптюх.

Наиболее сомнительна в этом списке кандидатура Орлова, упоминаемого лишь однажды[1] и при том привлеченного к суду лишь в качестве свидетеля в то время, как остальные члены комитета привлекались в качестве обвиняемых.

Среди лиц, называемых свидетелем Травниковым, отсутствуют в вышеупомянутом «сборном списке»: Болдырев, Котихин, Кузнецов, Рубайлов и Коптюх, вполне установленные члены комитета, и вышеупомянутый Орлов. Зато он называет Акульшина, Кроткова, Пелевина, Потапова и Ширяева, возможно и не вошедших в состав комитета, но во всяком случае активных участников восстания.

Вопрос точного установления членов комитета неизменно упирается в необходимость выяснения существования на «Азове» боевой дружины, или, как ее называют иные свидетели, «стрелковой партии».

Многие свидетели упоминают, что Лобадин командовал: «Боевая дружина, отделись», и вообще термин «боевая дружина» встречается довольно часто.

---

[1] Протокол № 7/8, стр. 110.

Но была ли боевая дружина самостоятельной организацией или же эти свидетели отождествляют комитет с дружиной — сказать трудно, ибо часто эти два понятия смешиваются.

Одни говорят: «начались выборы в дружину», другие: «выборы в комитет», — подразумевая одно и то же.

Опять-таки лишь один Травников категорически утверждает, что «у мятежников была образована, кроме комитета, стрелковая партия, которая занимала посты» [1].

Однако если такая дружина в действительности и существовала, то все же ее роль вооруженного оплота восстания, вспыхнувшего в неоднородной среде, была недоучтена. К двум-трем часам дня, когда уже контрреволюционные элементы зашевелились, когда писарь В. Р. Евстафьев спросил у артиллерийского кондуктора Коновалова, будут ли расставлены их, т. е. контрреволюционные, посты Коновалов ответил, что «часовые стоят из людей переменного состава» [2], этим подтверждая, что все нужное сделано.

Таким образом мы видим, что боевая дружина, если и была вначале организована, все же быстро растворилась в команде и тем самым развязала руки кондукторам.

Утром 20 июля в бухте Папонвик против восставшего «Азова» стоял на якоре минный крейсер «Воевода». Невдалеке, за островом Харра, расположились минный крейсер «Абрек», миноносцы «Ретивый», «Послушный» и №№ 102, 106 и 107.

Попытка азовцев присоединить к себе кого-либо из них не удалась.

На призыв присоединиться, корабли отряда отвечали: «ясно вижу», или не отвечали вовсе.

К 6 часам машина на «Азове» была прогрета и был дан ход.

Начался обстрел судов, не желавших присоединиться.

В 6 ч. 40 м. на «Воеводе» были сделаны все приготовления к высадке команды на берег. Тоже самое сделал и «Абрек».

«Открыли кингстоны, краны затопления, пробили трубы турбин холодильников, отклепали канат, дали ход машине и выбрались на берег» [3].

---

[1] Протокол № 7/2, стр. 107.

[2] Протокол № 6/3, стр. 101 — 105.

[3] Вахтенный журнал «Абрек» от 20 июля/2 августа 1906 г.

Лихорадочное бегство было вызвано опасениями офицеров, что команды присоединятся к восставшим, а основания для этих опасений имелись значительные.

Когда стало известно, что «Азов» восстал, команда «Абрека» была поставлена во фронт и командир спросил ее: «Останется ли команда верна своему долгу и может ли он расчитывать, что команда исполнит его приказания», команда ответила на это молчанием [1].

Итак столкновение со стоявшими в бухте судами окончилось победой «Азова». Два крейсера выбросились на берег, миноносцы были деморализованы.

Но в этой победе было и начало поражения.

«Азов» остался один.

Прекратив уже бесполезную стрельбу, крейсер «Память Азова» в 10 ч. 15 м. «скрылся за мысом Юминде, взяв курс на W [2].

Крейсер шел полным ходом.

«С мостика просили дать оборотов 70, но больше 50 дать не могли, так как боялись, чтобы не разогрелось что-нибудь» [3].

III.

Восстание в Свеаборге к утру 20 июля было уже разгромлено.

Но «Азов», живущий известиями вчерашнего дня, попрежнему стремился на помощь к минному отряду.

Однако ожидаемый приезд «руководителей с планами», а главное полная неизвестность, каково отношение к восстанию расположенных в Свеаборге «Цесаревича» и «Славы» [4], заставляет, несмотря на единодушный порыв команды, отказаться от немедленного рейса в Свеаборг.

---

[1] Вахт. журнал «Абрек» от 20 июля/2 августа 1906 г.

[2] Вахт. журнал «Воевода» от 20 июля/2 августа 1906 г.

[3] Протокол № 10/55, стр. 144.

[4] Азовцам было неизвестно, что вследствие неблагонадежности команды «Слава» была задержана в Биорке, а вместо нее на усмирение Свеаборга совместно с «Цесаревичем» пришел «Богатырь».

Телеграфист Баженов по приказанию Лобадина «вызывал минный отряд, Гельсингфорс и «Славу», но ответа от них не получил»[1].

Комитет прекрасно учел, что если «Цесаревич» и «Слава» не присоединились к восставшим, то появление «Азова» не могло иметь решающего значения, ибо для двух крейсеров он не являлся сильным противником.

Нужно было использовать моральный момент и лучшим решением задачи явился бы совместный поход «Азова» с «Ригой» на помощь Свеаборгу.

Появление в Свеаборгской бухте двух кораблей под красным флагом, хотя бы в военном отношении значительно уступавших «Славе» и Цесаревичу», должно было произвести огромное впечатление и привести достаточно распропагандированные команды крейсеров к восстанию.

При обсуждении плана «подъема» «Риги» было выдвинуто несколько вариантов.

Некоторые предлагали —

«при приближении к «Риге» поднять условный сигнал, по которому должен был там начаться бунт, если же этого не произойдет, то открыть по ней огонь»[2].

Ученик Болдырев был против появления «Азова» в Ревеле. Он советовал пробраться туда «на катере, чтобы попасть на «Ригу»[3].

Но план этот был отвергнут и «Азов» шел в Ревель.

По выходе крейсера в открытое море встал вопрос о фактическом командовании.

Распоряжение, отданное Лобадиным, «чтобы служба на крейсера, шла по расписанию, сделанному еще раньше старшим офицером»[4], отнюдь не разрешало проблемы управления.

Кондуктора, напуганные всем происшедшим, ждущие ежеминутной расправы со стороны команды, не только не испол-

[1] Протокол № 51/5, стр. 334.

[2] Протокол № 7/3, стр. 107—108.

[3] Протокол № 7/1, стр. 106.

[4] Протокол № 43/8, стр. 306.

няют своих обязанностей, но, переодевшись в рабочее платье, попросту стараются не попадаться на глаза.

Малосознательная часть учеников, настроенная в данный момент сочувственно к восстанию, но привыкшая все делать лишь по команде, не может осознать важности сохранения судна в его полной боевой готовности и, не видя над собой непосредственного начальника, деморализует судно.

Единственным выходом из создавшегося положения должно было бы явиться назначение командующими отдельными отраслями управления людей, вполне надежных и преданных революции.

Сейчас же после захвата судна такие руководители находились стихийно. Наиболее сознательные из нижних чинов по собственной инициативе принимали на себя командование по своей специальности.

Но комитет не смог полностью использовать их инициативы и, желая окончательно подчинить себе наименее сознательную часть учеников, решает сыграть на рабском подчинении последних офицерскому мундиру.

Следствием такой хвостистской политики явилась попытка Колодина привлечь на сторону восставших арестованного лейтенанта А. Н. Лосева 2-го с обещанием произвести его в капитаны 2-го ранга.

Даже Коптюх, выступая вторично перед командой, переодевается из матросской формы в мичманскую.

«Около 11 часов, — рассказывает один свидетель, — в кают-компанию пришли Лобадин и вольный (т. е. Коптюх) и достали в кают-компании китель и фуражку, и вольный одел их, потому что Лобадин говорил, что надо одеть, чтобы видели, что у нас есть офицер на мостике».

В этих условиях неминуемо должны были всплыть и кондуктора.

Около 11 часов кондуктора Лавриненко, Пленков, Левичев и Рудаков были высвистаны на мостик в боевую рубку, где в это время происходило заседание комитета.

Лобадин обратился к кондукторам с речью, в которой призывал их всецело пойти на помощь восставшим, после чего они получили назначение по специальности.

[1] Протокол № 18/21, стр. 186.

Артиллерийский кондуктор Лавриненко был назначен батарейным командиром, рулевому кондуктору Левичеву Лобадин сказал: «Примите на себя командование и идите на мостик» [1].

Однако значение этого поступка не только в том, что четыре активных контрреволюционера заняли командные посты, а в том, что это назначение явилось вместе с тем и «правом гражданства» для всех остальных кондукторов, ибо вслед за этим было решено, чтобы «по специальностям заведывали бы старшие» [2].

Почувствовав, что их шкуры в безопасности, что революционеры не только не разделались с ними, но более того, даже в них нуждаются, кондуктора моментально учли все вытекающие отсюда последствия. Учитывая, что благодаря своей малочисленности они смогут явиться лишь руководителями контрреволюции, кондуктора, связавшись с арестованными офицерами, выжидают удобного момента для привлечения на свою сторону идеологически слабой массы учеников.

А такой момент не замедлил представиться.

Вбежавший в боевую рубку Баженов сообщил, что команда падает духом и что необходимо ее воодушевить.

Перед собравшимся на баке вновь выступил Коптюх. Еще раз было рассказано о роспуске 1-й Государственной думы, о восстании на минном отряде, о близком совместном походе с «Ригой» ему на помощь.

Затем перешли к обсуждению вопросов, как поступить с арестованными старшим офицером и мичманом Саковичем. Несмотря на то, что Коптюх и Лобадин настаивали на необходимости с ними покончить, сама по себе постановка вопросов является глубоко ошибочной. Ведь кроме Мазурова и Саковича на судне остались и другие офицеры, в частности лейтенант Лосев и мичман Крыжановский, впоследствии принимавший активнейшее участие в подавлении восстания на «Азове».

Подобное же разделение на «хороших» и «плохих», такое сведение классовой борьбы к субъективным симпатиям, являющееся полной противоположностью отношения к офицерам в начале восстания, мы можем лишь объяснить неумением

---

[1] Протокол № 7/5, стр. 110.

[2] Протокол № 50/6, стр. 327.

комитета противостоять все усиливающемуся напору мелко-буржуазной крестьянской массы учеников. Вопрос был замят, а последующие события вовсе отвлекли внимание азовцев от арестованных офицеров.

В 12 ч. 40 м. дня, когда бывшие на собрании еще не успели разойтись, неожиданнно на горизонте появилась «Рига».

Узнав о восстании «Азова», командир Ревельского порта, опасаясь присоединения к нему «Риги», дал ей в 11 часов срочное предписание пойти в Либаву и избегать встречи с крейсером «Память Азова».

Сейчас же по выходе «Риги» в море из-за острова Вульфа показался «Азов».

«Рига» дала ход обоим машинам и пыталась скрыться. Увидев уходящую «Ригу», с которой были связаны все их дальнейшие планы, азовцы пустились вдогонку. Однако расстояние между «Ригой» и «Азовом» все возрастало.

Поняв всю бесполезность подобной погони в 3 ч. 15 минут, когда открылся маяк «Одельсхольм», «Азов» повернул обратно к Ревелю [1].

И лишь в 7 ч. 50 м. вечера, когда на «Азове» «возмутившуюся команду начали отправлять под конвоем на берег»[2], часть команды «Риги» сделала плохо организованную попытку произвести вооруженное восстание, для чего эта часть команды, в числе 60, разобрала ружья и самовольно достала патроны, взломав замки трюма. Попытка была подавлена господами офицерами, кондукторами и унтер-офицерами без употребления оружия. Зачинщики и подозреваемые, в числе 60, были арестованы. Караулы были заняты юнкерами флота [3].

Бегство «Риги» явилось для «Азова» огромным моральным ударом и требовало коренной перестройки дальнейших планов.

Было ли последующее решение — продолжать путь в Ревель принято сразу или после некоторого колебания, сказать трудно. Комендор Смолявский показывает, что «комитет предлагал итти в Гельсингфорс», но мол «благодаря переменному составу,

---

[1] Вахтенный журнала «Рига» от 20 июля/2 августа 1906 г.

[2] Вахтенный журнал «Память Азова» от 20 июля/2 августа 1906.

[3] Из донесения командира учебного судна «Рига» морскому министру.

который говорил, что нет провизии и надо итти в Ревель» [1], это решение было изменено. Правда вопрос о провизии был весьма актуальным, ибо, судя по вахтенному журналу, к моменту восстания на «Азове» была лишь однодневная норма продуктов, но явиться решающим он не мог, ибо расстояние до Гельсингфорса (т. е. Свеаборга) немногим превосходит расстояние до Ревеля [2].

В Ревель толкала надежда на приезд долгожданного «руководителя с планами», надежда тем самым включиться в «кольцо восстания», попасть в которое «Азов» столь тщетно все время стремился. Поход же в Свеаборг, благодаря неизвестности положения на «Славе» и «Цесаревиче», попрежнему внушал опасения.

Этими двумя причинами и «объяснялся» последний рейс «Азова»

В цитированном уже письме к товарищам Коптюх писал:

«Сведений относительно «Славы» и «Цесаревича» мы пока не имеем. Куда нам направляться, мы не знаем. Решили мы захватить в свои руки г. Ревель. Вы это решение хорошенько обсудите и дайте нам положительный ответ. Позаботьтесь о продуктах на судно. Если приехали члены Гос. думы, то немедленно пусть переправятся на судно с определенными планами». (Разрядка наша. *С. О.*).

Захват Ревеля являлся лишь фразой. После всего происшедшего этот, ничего реального под собою не имевший, план конечно не мог увлечь матросскую массу.

Перед приходом в Ревель возник вопрос о стоянке.

Ученик Болдырев советовал бросить якорь за островом Карлос, но по совету кондуктора Лавриненко решили встать в Ревеле на место прежней стоянки.

«Я знал уже настроение команды и видел колебания членов комитета, — говорит Лавриненко,— потому и надеялся, что, ставши на якорь, мы больше с него не снимемся» [3].

«В 5 часов дня, придя в Ревельский порт, стали на якорь» [4].

---

[1] Протокол № 43/1, стр. 295.

[2] Что же касается угля, недостачей которого ряд свидетелей объясняет поход в Ревель, то по вахтенному журналу на 15/28 июля к моменту ревизии на «Азове» было 686 т. н. 11 п. угля, количество, которое при безвыходном пребывании в Папонвике в 5 дней не могло быть израсходовано.

[3] Протокол № 7/3, стр. 107, 108.

[4] Вахтенный журнал «Память Азова» от 20 июля/2 августа 1906 г.

* * *

Уход «Риги» не только заставил восставших изменить свои первоначальные планы, но и отшатнул от восстания колеблющуюся массу учеников.

Этот момент совпадает с полным отрывом комитета, занятого обсуждением создавшегося положения, от внутренней жизни крейсера, а вместе с тем и с полной потерей его авторитета среди этой части команды, по его растерянности угадавшей о его слабости.

«С 2 часов дня, — говорит кондуктор Ракитин, — переменный состав заволновался и искал руководителей» [1].

Этим переломом воспользовались кондуктора, не пожалевшие красок для описания тех наказаний, которые ожидают восставших, и внушавшие ученикам, что лишь самостоятельная расправа с «бунтовщиками» может искупить их вину. Попытка некоторых матросов кадровой команды, в частности попытка писаря Кулицкого уговорить учеников, что не все еще потеряно, что можно уйти заграницу, носила случайный характер и изменить положения не могла.

Деморализованный переменный состав уже был в руках кондукторов и ждал лишь обещанного сигнала, чтобы расправиться с «мятежниками».

Тем временем принимались и другие меры для обеспечения готовящейся контрреволюции.

«Днем кондуктор Лавриненко, — говорит в своих показаниях артиллерийский квартирмейстер Тугов, — сказал мне, чтобы я вынул закладки у 6 орудий. Я прошел по палубе и заметил, что у всех орудий закладки уже были вынуты» [2].

Незадолго до прихода в Ревель, часов около 5, комитет частично осознал размеры грозящей опасности и очевидно решил принять соответствующие меры.

Когда был остановлен встречный пароход «Карлос», член комитета Кузнецов сказал, что

«свезут кондукторов на берег. Почти все кондуктора подошли к трапу, но свезли только священника и двух поваров» [3].

---

[1] Дело № 243 суда Особой комиссии, стр. 102, § 111.

[2] Протокол № 43/2, стр. 304.

[3] Дело № 243 суда Особой комиссии, стр. 102, § 111.

Но момент уже был упущен. Если бы комитет и решился на высадку кондукторов, вряд ли они, чувствуя за собою массу учеников, подчинились бы лишь административному распоряжению, а противопоставить им вооруженную силу, комитет уже не имел возможности.

Однако после этого инцидента кондуктора спешат перейти к решительным действиям.

В 6 часов, во время ужина они, обходя столы учеников, уже открыто заявляли, что сейчас «начнется», но когда на левой стороне судна под руководством кондукторов Давыдова и Огурцова ученики начали разбирать винтовки, это было замечено членом комитета Гавриловым. Сейчас же последовала дудка: «Кондуктора Огурцов, Давыдов и караульный начальник, наверх».

В ответ на это кондуктор Давыдов крикнул: «Переменный состав, берите винтовки» и бросился вперед.

Во время следствия почти все кондуктора утверждали, что в последнюю минуту комитет решил их расстрелять и что кадровая команда стояла на баке, вооруженная, в ожидании их прихода.

Дудка послужила сигналом к схватке.

Началась ожесточенная перестрелка.

Революционеры стреляли с носа на верхней палубе, а переменный состав внизу с батарейной палубы.

Бросившийся вперед кондуктор Давыдов был сейчас же убит.

Но силы были неравные и притом революционеры на каждом шагу натыкались на предательство.

Член комитета Котихин на мостике наводил пулемет, но ничего не смог сделать, так как стопора были сильно зажаты [1].

«Ученик Пенкевич схватил винтовку, но в ней в патроннике оказалась пакля» [2].

Известие о смерти Лобадина заставило революционеров сдаться.

В своих показаниях писарь В. Р. Евстафьев весьма подробно рассказывает, как он «спустил курок и Лобадин опрокинулся на палубу» [3]. Однако медицинским освидетельствованием было

---

[1] Протокол № 16/44, стр. 141.

[2] Протокол № 18/27, стр. 189.

[3] Протокол № 6/3, стр. 101—105.

установлено, что роль свою Евстафьев «несколько преувеличил», так как, судя по ожогу вокруг раны, Лобадин покончил самоубийством. Впрочем это не помешало производству Евстафьева за «особые заслуги» из писарей второй статьи в коллежские регистраторы [1].

Освобожденные еще в начале контрреволюционного выступления кондукторов офицеры поспешили удрать на берег. Командование принял мичман Крыжановский, под руководством которого, «в 6 ч. 40 м. арестовав возмутившуюся команду, начали отправлять ее под конвоем на берег».

* *
*

«Рассмотрев дело, суд Особой комиссии признал виновными в означенном преступлении 57 нижних чинов и 1 лицо гражданского ведомства. Из числа признанных виновными нижних чинов суд Особой комиссии приговорил: к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение 17 человек, а именно: гальванера-квартирмейстера П. Колодина, баталлера С. Гаврилова, маш. сод. И. Аникеева, ст. комендора А. Богданова, артиллериста-квартирмейстера Т. Костина, телеграфного квартирмейстера Н. Баженова, хоз. тр. отс. Д. Григорьева, гальванера В. Кузнецова, уч. гальванера Е. Потапова, Д. Котихина, строевого квартирмейстера А. Шилина, уч. комендора П. Пенкевича и Г. Болдырева, матроса И. Кроткова, машиниста И. Бортникова, комендора А. Крючкова и уч. комендора А. Кудряшева...

... Из числа преданных суду, лиц гражданского ведомства мещанин Арс. Коптюх, захваченный на крейсере и принимавший участие в мятеже, присужден к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение...

... Командующий отдельным отрядом судов, назначенных в плавание, постановление суда Особой комиссии утвердил с тем, чтобы лицам, приговоренным к смертной казни через повешение, повешение было заменено расстрелянием... (Из доклада его императорскому величеству главного военно-морского суда).

Арс. Коптюху и другим матросам смертная казнь через повешение была заменена расстрелом, приведенным в исполнение 5/18 августа 1906 г.

* *
*

Совершенно очевидно, что успешное разрешение восстания на «Памяти Азова» не могло изменить результата июльского

[1] Высочайший приказ по морскому ведомству от 7 августа 1906 г. за № 703.

[2] Вахтенный журнал «Память Азова» от 20 июля/2 августа 1906 г.

подъема в армии и флоте, ибо причины поражения последнего не являются следствием лишь организационно-технических неувязок.

Для нас ценность восстания на «Памяти Азова» не в той роли, какую оно могло бы сыграть в Свеаборгском восстании, а именно в том, что, не попав в русло общего движения, оно дает возможность проследить эпизод в истории вооруженных восстаний, предоставленных лишь собственному развитию.

Единственный случай, когда восстание во флоте, еще не окончательно изжив себя, было подавлено без привлечения иной вооруженной силы и теми лицами, которые несколько часов тому назад еще шли за восстанием, дает восстание на «Памяти Азова». Подавление восстания на «П. А.» несколько напоминает усмирение восстания на «Риге».

И не случайно, что оба судна являлись учебными и сосредотачивали в себе значительную массу переменного состава.

При подведении итогов событиям на «Памяти Азова» не трудно убедиться, что основной ошибкой руководства восстанием на «П. А.» явился недоучет классовой диференциации флота, обостренной специфическими пропорциями различных группировок в личном составе учебного судна.

Руководство не учло, что ученики в своем большинстве по своей классовой природе являются колеблющимся элементом, который необходимо было в первый же момент изолировать от контрреволюционных кондукторов. Отсюда же захват власти на корабле после бегства офицеров истолковывается как окончательный разгром контрреволюции, а не как условие для решительного и окончательного закрепления результатов восстания.

Предоставление учеников вначале самим себе, а затем влиянию кондукторов, при отсутствии динамики в ходе восстания на корабле, довершает остальное.

Моральный перевес, полученный от первого успешного наступления, удержан не был, руководство не заботилось, да и не могло заботиться о новых, хотя бы мелких успехах, корабль не наступал, а выжидал.

«Оборона» же — смерть всякого вооруженного восстания; победа потеряна прежде, чем восставшие померяются силой с врагом [1].

С. Б. Окунь.

---

[1] Ф. Энгельс — «Революция и контрреволюция в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. 3-й, ГИЗ, 1921 г., стр. 321).

В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВООРУЖЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В РОССИИ.

(МУРМАНСК—БАКУ).

События в РСФСР от октября 1917 г. по ноябрь 1918 г., ярко окрашенные антисоветской деятельностью представителей Антанты и русской контр-революции, приобрели характер длительной кампании по непосредственной подготовке и осуществлению большой вооруженной интервенции империалистов в Советской республике.

Общие корни заинтересованности англо-французского капитала в России, заложенные еще с давних пор, переросли из дипломатической интервенции англо-французского империализма в отношении старой России в вооруженную интервенцию против новой, Советской, России. Октябрьская революция естественно и была тем рубежом, который отделял прежнюю русскую политику империалистических государств от новой, антисоветской.

Первый период вооруженной антисоветской интервенции начался под знаком бессилия англо-французских империалистов немедленно открыть военный поход на страну Советов и возникших на этой почве иллюзий на мирное и быстрое врастание большевизма в империализм. Надежды на вовлечение Советской России в войну с Четверным союзом на стороне Антанты не оставляли некоторых видных лидеров мирового империализма. Тактика завязывания различных переговоров с представителями Советского правительства со стороны

дипломатических миссий в России за время от Октября до Бреста была практическим следствием подобных «теоретических» предвидений. Полный крах этих иллюзий после Бреста привел Антанту к необходимости оказывать активную поддержку русской контрреволюции и начать одновременно с этим высадку на окраинах России своих десантов.

Одновременно с этим в деле ухудшения общего положения Советской республики большую роль сыграла военная активность германского империализма. Германская буржуазия занялась такой территориальной экспансией на востоке, которая грозила не только целостности Советской республики, но и ставила под угрозу ее существование в целом.

Две антагонистические силы — антантовские войска и войска Четверного союза — были одновременно приведены в движение с целью ликвидации советской власти в России.

С ноября 1918 г. начался второй период в жизни Советской России, период большой гражданской войны и сплошной вооруженной интервенции. Во внешнем окружении России произошли крупные изменения. Против Советской республики выступила объединенная контрреволюция в лице антантовского империализма и российской буржуазии. Германский военный кулак на востоке лишен был своей ударной силы. Германия втянула в себя те войска, которые находились далеко за пределами ее старой государственной границы на востоке. Уход австро-германских оккупантов был возмещен новыми десантами антисоветских войск. Причем одной из характерных особенностей этого периода было то, что Антанта вначале пыталась максимально использовать силы крупных империалистических государств, а затем, с осени 1919 г., она вынуждена была взять курс на мелкие государства, окружавшие Советскую Россию.

Итог этому периоду был подведен к весне 1920 г. разгромом северо-западной, северной, восточной и южной контрреволюций и заключением мирного договора с Эстонией.

После кратковременной передышки от больших фронтов, с весны 1920 г. начался третий период военной интервенции применительно к общему ходу гражданской войны в России. Советско-польская война являлась последним подведением военных счетов Советской республики с интервентами. Наступатель-

вая война Польши была последней крупной попыткой мирового империализма ликвидировать Советскую Россию. На этом общем фоне 1920 года пыталась гальванизировать свой труп и внутренняя помещичье-буржуазная контрреволюция в лице врангелевщины. Пилсудский и Врангель — это две руки мировых империалистов, при помощи которых они в 1920 году пробовали задушить рабоче-крестьянскую власть. Октябрь 1920 года парализовал правую руку империалистов (перемирие и прелиминарный мирный договор Советской России с Польшей), а в ноябре 1920 г. Красная армия ампутировала левую руку контрреволюции, выбросив за пределы республики остатки армии Врангеля.

Руководство Ленина целиком и полностью обеспечило сохранение интернационального социалистического направления внешней политики первого в мире пролетарского государства. Очередная страница антисоветской политики Антанты, открывшаяся после ликвидации фронтов гражданской войны в России, проходит под знаком рецидива тех иллюзий, которые являлись характерными особенностями для начала первого периода вооруженной интервенции. Поражение русской контрреволюции и ее великих покровителей в открытой борьбе с диктатурой пролетариата заставило мировую контрреволюцию перейти к различным формам экономической и дипломатической интервенции, продолжающейся до настоящего времени.

В характере иллюзий империалистов первого и четвертого периодов было заложено глубокое различие. Раньше империалисты все свои надежды возлагали на неблагоприятно сложившуюся для Советской России в первые месяцы ее существования международную ситуацию, сила влияния которой, по их мнению, должна была заставить Советское правительство отойти от своих принципов. Окончание гражданской войны в России породило у империалистов надежды на неустойчивость и кризисы внутреннего положения республики и как следствие этого — на мирное перерождение Советского правительства.

Все эти три военных, как и четвертый—мирный, периода в развитии взаимоотношений между империализмом и социализмом были проникнуты одной целе-устремленностью — сло-

мить сопротивление диктатуры пролетариата. Поэтому первый и четвертый периоды, несмотря на присущие им иллюзии на мирное перерождение советской власти, предвосхищали или повторяли методы открытой вооруженной борьбы, как основную особенность второго и третьего периода. Точно также и второй период воспроизводил на короткое время мирные методы борьбы с Советской Россией, давая перевес дипломатии.

С точки зрения чередования разнообразных форм борьбы с пролетарской революцией наибольший интерес представляет именно первый, послеоктябрьский, период антисоветской политики империалистов. Он дал большую практику империалистам в деле всестороннего прощупывания различных слабых звеньев советской организации и максимального их использования в своих целях. Дипломатические методы борьбы, характерные только для начала этого периода, имели своей целью выиграть время и одновременно чередовались с принятием мер к фактическому закреплению своих позиций. Такую картину и дали мурманские события от октября 1917 г. по август 1918 г. Союзники, вступив в тесный контакт с мурманскими местными властями, продолжали вести дипломатические переговоры с Советским правительством и в то же время на деле закрепляли свое господство в Мурманске. Словесное соглашение империалистов с Мурманским совдепом от 2 марта 1918 г. явилось исходным пунктом для высадки 9 марта первого в советской истории антантовского десанта — 200 английских солдат при 2 орудиях — с английского крейсера «Глори». И несмотря на то, что этот акт высадки вооруженных иностранных сил на советской территории происходил с ведома и согласия местных властей, он приобретает характер первого вооруженного вмешательства империалистов Антанты во внутренние дела Советской республики. Мурманский десант был первым шагом вооруженной интервенции в России, который в совокупности с другими мероприятиями союзников вплоть до августа 1918 г. составил первый, подготовительный, этап вооруженной интервенции.

То обстоятельство, что Мурманский совдеп не препятствовал и даже содействовал высадке в начале марта 1918 года английского десанта в Мурманске, ни в коем случае не меняет

данной характеристики. Основной причиной этого служит то, что местная власть тогда отнюдь не олицетворяла диктатуры пролетариата. Она сберегла Мурманск от Октябрьской революции и с начала своего зарождения шла на поводу английских империалистов. Подчинение Мурманского совдепа центральной советской власти также не меняет существа вопроса, так как это подчинение носило исключительно формальный характер, проходило под знаком полной согласованности с союзниками и преследовало единственную задачу выиграть время. Советское правительство не могло влиять на положение дел в Мурманске, несмотря на многочисленные распоряжения, так как они не проводились в жизнь Мурманским совдепом. Истинная природа Мурманского совдепа и должна служить ключом к правильному пониманию и политической оценке мартовского десанта в Мурманске.

В советской литературе по истории Октябрьской революции и гражданской войны на севере России делалась попытка установить начало вооруженной интервенции в России, при чем везде указывается, что исходным пунктом такой вооруженной интервенции нужно считать начало августа 1918 г., когда союзники оккупировали Архангельск. В наиболее ценной и серьезной из этих работ — книге М. Левидова, выводы которой позаимствованы многими авторами, говорится, что если официальным началом вооруженной интервенции нужно считать архангельско-владивостокский десант в начале августа 1918 г., то фактическим началом вооруженной интервенции явились события в Мурманске в июне — июле 1918 г.[1] Первое утверждение об официальном начале военных действий союзников не подлежит сомнению, но второе, касающееся фактической стороны вопроса, в свете новых данных[2] не находится в соответствии с действительным положением вещей. Мотивом, обу-

---

[1] М. Левидов — «К истории союзной интервенции в России», изд. «Прибой», Л., 1925 г., стр. 109.

[2] См. нашу статью — «Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами на Мурмане» («Красная летопись», № 3 за 1930 г.) и книгу М. С. Кедрова — «Без большевистского руководства» (из истории интервенции на Мурмане), изд. «Красной газеты», Л., 1930 г.

словившим подобное утверждение М. Левидова, послужила убежденность его в том, что Советскому правительству и ЦК партии действительно принадлежит активная роль в тех событиях, которые имели место в Мурманске с февраля по июнь 1918 г. В этом отношении он слепо подчиняется буржуазной трактовке вопроса, дававшейся в то время на страницах ряда иностранных газет, и совершенно игнорирует то обстоятельство, что в такой газете, как например «Таймс», в передовицах от 4 и 9 апреля 1918 г. выражалось полное одобрение позиции, занятой в этом вопросе персонально Л. Д. Троцким. Тогдашнее приветствие практической деятельности Троцкого со стороны империалистов как нельзя лучше характеризует действительную роль Троцкого в период подготовки вооруженной интервенции и являлось любопытным предзнаменованием, — оно предупредило поток симпатий к Троцкому, открытый буржуазным миром в период троцкистской оппозиции к генеральной линии партии, его ссылки в гор. Алма-ата и наконец высылки за пределы Советского союза. М. Левидов же целиком отожествляет линию поведения Троцкого с тогдашней политикой советского правительства и ЦК РКП(б), а также деятельность Мурманского совдепа считает целиком обусловленной соответствующими директивами Москвы.

Вот что например пишет М. Левидов:

«Вопрос о Мурмане являлся повидимому для Советского правительства тем базисом, на котором оно могло показать союзникам свое искреннее желание сотрудничать с ними в деле отражения германской угрозы, поскольку таковая действительно существовала, а не являлась предлогом для интервенции».

«... Именно в данное время (говорится об апреле 1918 г., когда, по мнению автора, был высажен первый десант в Мурманске. *Н. К.*) имел место мурманский десант, явившийся единственной в своем роде попыткой осуществления плана сотрудничества Антанты и Советской России».

«... Мурманское сотрудничество союзников и советской власти превратилось, и не по вине советской власти (?! *Н. К.*), в десант определенно противоположного характера» [1].

---

[1] М. Левидов, указан. соч., стр. 98, 99 и 101.

По вопросу о немецкой опасности в этой книге есть также различные толкования: то говорится, что опасность захвата Мурманской жел-

На протяжении почти всей книги Левидов оперирует термином «сотрудничество», желая этим конкретизировать те связи, которые якобы были между Советским правительством и империалистами. В действительности же ни 1918 год, ни последующие годы гражданской войны не имеют такого рода прецедента.

Общеизвестно, что во время ведения переговоров в Бресте советская делегация специально оговаривала особый пункт своих условий, предусматривающих невозможность переброски германских войск с восточного фронта на западный после подписания Брестского мира. Также известно очень популярное выражение В. И. Ленина о том, что революционная война в начале 1918 г. сделала бы Советскую Россию объективно агентом англо-французского империализма. Постановление ЦК РКП(б) от 22 февраля 1918 г., письмо Ленина в ЦК РКП(б) по поводу этого заседания и его статья — «О чесотке», — все это также не может быть неизвестным всем тем, кто вообще занимается вопросами внешней политики Советской России и союзнической интервенции в России — в частности.

Разве все это дает право кому бы то ни было утверждать наличие в начале 1918 г. сотрудничества Советской республики с империалистами, предполагающего естественно общность интересов и целей. Состояние полного сотрудничества и официального и фактического с союзниками было характерно только для Мурманского совдепа, а ни в коем случае не для правительства Советской России.

Позиция Левидова в лучшем случае является производной от его заблуждения в отношении оценки линии поведения Троцкого, отождествления действий Троцкого с политикой Советского правительства [1].

Повидимому только этим можно объяснить и другое не менее ответственное утверждение Левидова о том, что по сути дела

хороги Германией действительно существовала (стр. 99), то дается прямой намек на отсутствие подобной угрозы (стр. 101 и др.).

[1] Весьма ценной в деле правильного анализа международной политики Советской России в начале 1918 г. является недавно вышедшая в свет книга Д. Левина — «Октябрьская революция и Брестский мир» изд. Ранион, М., 1930 г.

оппортунистическая политика Ж. Садуля, в то время работавшего в качестве одного из членов французского посольства в России и предложившего весьма оригинальную схему сотрудничества империализма с социализмом, была продолжением действительной политики Советского правительства. Конкретная сторона этого дела заключалась в следующем. Садуль в письме Альберу Тома от 30 марта 1918 г. писал:

«Я снова утверждаю, что мы можем получить от Советского правительства согласие на японскую интервенцию под некоторыми условиями: 1) Эта интервенция должна быть не чисто японской, а междусоюзной. Безусловно, японцы составят необходимый элемент, но союзное сотрудничество должно иметь главной целью доказательство истинного единодушия союзников в этом вопросе, в чем пока еще можно было сомневаться, а затем успокоение большевистского правительства, которое с известным правом считает, что проникновение в Россию японских войск явится более полезным для германского империализма, нежели для революционной власти. 2) Союзники должны гарантировать Советам, что это сотрудничество будет чисто-военным, что оно не будет сопровождаться никакими вмешательствами во внутренние дела России и что оно будет, согласно выражению Троцкого, честным сотрудничеством, что оно не приведет вновь к той контрреволюционной работе, которая, по словам большевиков (в этом они, наверно, ошибаются), велась некоторыми союзниками в Украине и на Дону. 3) Большевики должны быть ясно осведомлены о той территориальной и экономической плате, которую им придется заплатить японским реалистам...» [1].

Упоминание в этом письме имени Троцкого более чем знаменательно. Оказывается, что и Садуль склонен был отождествлять политику Троцкого с генеральной линией всего Советского правительства. Не удивительно поэтому, что он счел нужным и уместным употребить выражение Троцкого о «честном сотрудничестве». Вот оказывается кто был инициатором «честного сотрудничества» империалистов с советской властью. Как странно должно было звучать это тогда, в первые месяцы жизни Советской республики, и как понятно это сейчас, когда за плечами партии стоит длительный период обостренной борьбы с троцкизмом, когда троцкизм полностью переродился в контрреволюционное течение, выполняющее социальный заказ мировой буржуазии. Первым камнем в фундаменте для «честного

[1] М. Левидов — «К истории союзной интервенции в России», т. 1, изд. «Прибой», Л., 1925 г., стр. 91.

сотрудничества» и была первомартовская директива Троцкого, требовавшая от Мурманского совдепа принятия «всякого содействия союзных миссий».

Политика Садуля, чрезвычайно ясно выраженная в вышеприведенном его письме, не может быть квалифицирована иначе как оппортунистическая. Он имел в виду затушевать действительную природу Советской России, притупить то острие, которое естественно было направлено против мировой буржуазии. Непонимание сущности советской международной политики было характерным качеством Садуля в те времена. Преодоление этого троцкистского недуга привело впоследствии Садуля к переходу в ряды коммунистической партии.

Но вот одобрение садулевского оппортунизма, а в связи с этим и троцкизма того времени, в интересующем нас вопросе нашло свое место в 1925 году на страницах книги Левидова. Последний дает такую оценку письма Садуля: «набрасывая эту схему, Садуль руководился конечно настроениями советской власти и элементарной логикой положения» [1]. Здесь, как и в приведенных выше цитатах, Левидов, с одной стороны, еще раз отождествляет троцкистскую установку с «настроениями» советской власти, с другой — он идет значительно дальше такой простой констатации факта и берет на себя обоснование тезиса о «честном сотрудничестве» ... «элементарной логикой положения». Вполне очевидно, куда приводит дальнейшая конкретизация такой защиты.

Весьма любопытно, что даже в лагере наших противников были люди, которые правильно воспринимали политику советского правительства. В числе таких людей можно назвать хотя бы самого американского посла в России Френсиса и английского консула в Архангельске Юнга. Первый по вопросу о возможном заключении соглашения с советским правительством в целях совместной борьбы с Германией перед Оверманской комиссией сенаторов прямо заявил, что Ленин готов был принять всякую помощь, но исключительно в целях развития мировой социальной революции, и что для этого «он не

[1] М. Левидов, указанное сочинение, стр. 91.

отказался бы и от английских, американских или французских денег, чтобы воспользоваться ими для своего дела»[1].

Другой в своем письме, опубликованном в «Таймсе» от 19 декабря 1918 г., в ответ на заявление английского адмирала Кемпа писал про большевиков буквально следующее: «Они безусловно были готовы до последней минуты притти в соглашение с нами на базе обмена товарами, но они не хотели продать своего права на самостоятельность, права сопротивляться нашему десанту, если только он не был сделан по их приглашению — за чечевичную похлебку союзного продовольствия[2].

Допускаемая Юнгом возможность соглашения Советского правительства на высадку иностранного десанта, в данном случае — японского, конечно является плодом его субъективного восприятия. Но во всяком случае Френсис и Юнг были ближе к действительности, чем некоторые советские авторы, писавшие на эту тему. Френсис отчетливо подчеркнул основную идею Советского правительства, которой оно руководствовалось в непосредственно послеоктябрьский период,—подчеркнул правда с особым и вполне понятным для противника ударением исключительно на мировую революцию; Юнг же, полемизируя с Кемпом, одним из главных действующих лиц по подготовке интервенции на Мурмане, столь же отчетливо поставил вопрос о базе возможных соглашений Советского правительства с империалистами. Так что в поисках истины нельзя отказать в известной проницательности и наличии здравого рассудка у этих двух видных дипломатических фигур Америки и Англии.

В связи с освещаемым вопросом нельзя не остановиться и на другой легенде, другом весьма авторитетном заблуждении по поводу действительного характера советской внешней политики в начале 1918 г. М. Н. Покровский в одной из своих работ, намечая периодизацию истекших семи лет жизни Советской России, специально останавливается и на периоде от октября 1917 г. до августа 1918 г. Он называет этот период

[1] «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов» (официальный отчет «овермэнской комиссии» сената), ГИЗ, 1927 г., стр. 152.

[2] М. Левидов, указанное сочинение, стр. 111.

«периодом пацифистских иллюзий». Давая меткую характеристику позиции группы левых коммунистов по вопросам Бреста, М. Н. Покровский пишет: «От иллюзии неизбежной формальной войны с империализмом мы легко скатывались к иллюзии настоящего, хотя и непродолжительного, мира с империалистами»[1]. Подтверждение этого он ищет во всей той почти-что легальной антисоветской работе различных контрреволюционных организаций, шпионов и агентов империалистов, подготовлявших в то время взрывы, террористические акты, восстания и т. п. и считает, что только целый ряд ударов со стороны контрреволюции в течение лета 1918 г. ликвидировал пацифизм до-тла.

Подобная аргументация, как перечень контрреволюционных актов врага, сама по себе верна. Но это не может служить достаточным основанием для того, чтобы утверждать наличие у Советского правительства в тот период пацифистских иллюзий, во всяком случае — видеть отражение этого в тогдашнем повседневном руководстве Ленина. Ведь политика Мурманского совдепа дает в этом отношении наглядную иллюстрацию того, как и под чьим влиянием проходили те из многих явлений в жизни республики, которые носили явно антисоветское направление. Кому больше, если не Народному комиссариату по военным делам в первую очередь надлежало гарантировать советскую страну от таких печальных событий, как высадка английского десанта в Мурманске, японского — во Владивостоке, восстание чехо-словаков и т. д. и т. п., т.-е. обезопасить республику от военных действий со стороны враждебных ей элементов, как внутренней, так и внешней контрреволюции. Недаром же Локкарт и другие творцы контрреволюции в своих письмах за границу так хвалили Троцкого за его усердие в деле хотя бы предоставления белогвардейцам различных оттенков и национальностей свободы передвижения. Поэтому приписывание первому послеоктябрьскому периоду советской истории пацифистских иллюзий, присущих, как должно вытекать из всего

[1] М. Н. Покровский — «Октябрьская революция» (сборник статей), изд. Комм. академии, Москва, 1929 г., статья — «Советская глава нашей истории», стр. 374.

контекста, центральному руководству республики, в том числе и ЦК РКП (б), является грубой ошибкой. Здесь можем видеть еще одну иллюстрацию того, как практика троцкизма неправильно отождествляется с деятельностью правительства и ЦК партии. Только невиданный в мировой истории калейдоскоп событий 1918 г. для Советской России, только что вступившей на путь самостоятельного существования, накопление организационного опыта центральных и местных органов власти, подавленность массой злободневных текущих задач — не создавали объективных условий для немедленной же борьбы с практикой троцкизма того времени. Но это обстоятельство отнюдь не должно затемнять существа вопроса. Никаких попыток к военно-политическому сотрудничеству с империалистами ЦК РКП (б) не делал и не мог делать, никакими пацифистскими иллюзиями он не страдал.

Богатое ленинское литературное наследство дает очень много материала, показывающего, что партия своевременно и очень внимательно следила за международным положением Советской России и заранее учитывала неизбежность скорой вооруженной схватки с империалистами. Об этом ясно было сказано и в резолюции по докладу Ленина на 7-м партийном съезде [1].

Наконец представляется необходимым отметить еще одну попытку затушевать сущность внешней политики Советской России в послеоктябрьский период. В данном случае имеется в виду речь государственного обвинителя Н. В. Крыленко на судебном процессе по так называемому «делу финнов». В этой речи Н. В. Крыленко дает характеристику событий в Мурманске, политике Советского правительства и роли председателя Мурманского краевого совета А. М. Юрьева, дело которого также в свое время проходило в Верховном революционном трибунале республики.

Н. В. Крыленко говорил:

«Не впервые в Верховном трибунале проходит процесс, связанный с печальной участью русского Севера. Перед нами прошло дело французской миссии, с генералом Фуасси во главе; дело русских железно-

[1] «Протоколы съездов и конференций ВКП(б), 7-й съезд», ГИЗ, 1928 г., стр. 180.

дорожников Буванова и Лапурко, которые едва не поплатились головой за то, что в трудный, критический момент не нашли в себе достаточной политической выдержки и не поняли, какую линию поведения следовало принять по отношению к лисьей политике, проводимой на Советском Севере французским и английским командованием. Здесь прошел процесс Юрьева, председателя Краевого совдепа, которого судили за непринятие мер к отпору англичанам, и в однородном положении оказывался целый ряд иных лиц.

... В тот момент мы находились под угрозой нападения и белофинских банд и германцев... В это время англичане предлагали нам безвозмездное снабжение оружием и провиантом, лишь бы только мы продолжали борьбу с германцами; это был трудный и ответственный момент и найти правильную линию поведения не всякому деятелю было бы по плечу. Тогда встал вопрос: будем ли мы обмануты англичанами или сами их надуем и сумеем продержаться и сохранить фронт Советской России на северном побережьи неоголенным. Защита этого фронта стала нашей задачей, и поэтому мы довольно долго «цацкались» с Фуасси... пока не справились, не создали своей армии; тем временем однако погиб краевой совдеп (Мурманский. *Н. К.*).

Те товарищи финны, которые были посланы на Мурман, действовали по точным инструкциям; перед этим они были у Ильича, который предупреждал их о возможности неисполнения англичанами своих обещаний и о необходимости действовать чрезвычайно осторожно и осмотрительно. И после этого говорить о предательстве этих товарищей, что они действовали на свой страх и риск,— смешно... И если бы у представителей советской власти хотя бы на секунду закралось сомнение на счет политической честности товарищей, работавших на Мурмане, неужели мы не схватили бы их железной рукой, неужели мы побоялись бы их авторитетных имен. Нет, изменников мы хватали и судили... А если так, то весь этот тяжелый период было необходимо пройти и пережить,—это надо понять и не обвинять огулом. Не в первый раз, впрочем, в этом процессе мы сталкиваемся с фактом недохватки у обвиняемых не только политической выдержанности, а простой смекалки (?!) А при этом они претендуют еще быть вождями» [1].

Из вышеприведенной цитаты из речи Н. В. Крыленко со всей неопровержимостью вытекает тот основной вывод, что и он также отождествляет политику мурманцев и всех к этому

---

[1] Н. В. Крыленко — «За пять лет, 1918 — 1922 гг., обвинительные речи», ГИЗ, М.—П., 1923 г., стр. 487, 488.

Разрядка наша. *Н. К.*

делу причастных лиц с линией партии и персонально Ленина. Сказать яснее, чем сказано в этой цитате, — нельзя. Выходит, что события на Мурмане в значительной степени развивались по дерективам Ленина, так как по мнению Н. В. Крыленко посланные туда специально лица действовать «на свой страх и риск» не могли. Частный вопрос относительно роли Юрьева, активного участника подготовки интервенции на Мурмане, получившей такую квалификацию Н. В. Крыленко, служит только лишним подтверждением его неправильной точки зрения. Естественно, что в противном случае, при условии правильной оценки мурманских событий, Юрьеву было бы предъявлено обвинение не в бездействии власти, а в измене Советскому государству. Между прочим сохранением своей жизни Юрьёв (работавший в годы империалистической войны в Нью-Иорке совместно с Троцким в редакции «Новый мир») как раз и обязан тем заблуждениям, которые имели место у ряда товарищей по вопросу о событиях на Мурмане. Что же касается того места цитаты, где дается по существу характеристика советской внешней политики, — «будем ли мы обмануты англичанами, или сами их надуем», то оно не выдерживает никакой критики, точно также как и последнее положение Н. В. Крыленко — о необходимости для Советской России пережить тяжелый период, связанный с началом вооруженной интервенции на Мурмане, разумеется в тех формах, в которые фактически оно тогда вылилось. Странно, что такой взгляд возводит мурманские события в степень исторической неизбежности.

В общем итоге Н. В. Крыленко дает развернутую картину взглядов, неправильно освещающих события на Мурмане и получивших с течением времени довольно большое распространение в соответствующей литературе. Только в одном месте в вышеприведенной цитате абсолютно правильно делается ссылка на В. И. Ленина, всегда предупреждавшего товарищей об истинных намерениях империалистов, но это к сожалению сказано очень глухо и между прочим.

М. Левидов, М. Н. Покровский и Н. В. Крыленко дали следовательно неправильную трактовку внешней политики Советского правительства в начале 1918 года по вопросу о получении помощи от одних разбойников против других и развернув-

шихся событий на Мурмане. В отношении хронологической последовательности публичного высказывания своих положений эти товарищи следуют как-раз в обратном порядке. Обвинительная речь по «делу финнов» произносилась в 1922 году, статья — «Советская глава нашей истории» появилась впервые в 1924 году, книга же — «История союзной интервенции в России» вышла в свет в 1925 году. Основной причиной, обусловившей зарождение подобных легенд, является конечно недостаток доброкачественного материала, поэтому и критика этих легенд носит характер критики не лиц, а тех заблуждений, которые искажают не только историческую перспективу, но и основы стратегии и тактики ленинизма.

Таким образом из краткого разбора некоторых положений, имеющихся в нашей советской литературе, необходимо еще раз констатировать несоответствующее действительному положению вещей мнение относительно начала фактической вооруженной интервенции в России. Началом таковой безусловно нужно признать английский десант в марте 1918 г. в Мурманске, как результат так называемого «словесного» соглашения Мурманского совдепа с империалистами, заключенного на основе первомартовской директивы Троцкого. Неправильная оценка этих событий и привела к неверному определению начала вооруженной интервенции. И если английский десант, высаженный в Мурманске 9 марта 1918 г., являлся в узком смысле первой конкретизацией предательской политики Мурманского совдепа, то первомартовская директива в более широком историческом аспекте — первой конкретизацией объективно предательской практики троцкизма. Троцкий своим авантюризмом объективно в значительной степени облегчил империалистам выполнение их довольно сложных и серьезных по своему политическому назначению операций. Троцкий помог мировой буржуазии скрыть от трудящихся масс истинный смысл фактически начавшейся подготовки вооруженной интервенции в России. «Немецкая опасность» стала предлогом для подготовки вооруженной интервенции в большом масштабе, она была подтверждена Троцким и затем целиком и полностью была использована империалистами в своих, исключительно антисоветских, целях. Таким образом и тогда, на заре жизни Советской республики, практика

Троцкого, как и его борьба с Лениным на 7-м съезде РКП(б) являлась объективно выражением политического авантюризма и «мелкобуржуазной революционности» и объективно фактическим прикрытием контрреволюционной работы.

Но мурманский мартовский десант, положивший начало фактической вооруженной интервенции в Советской России, проходил на общем фоне питаемых в то время англо-американским империализмом иллюзий на счет возможности ввести Советскую Россию вновь в русло антантовской политики. Именно этим необходимо объяснить то своеобразное положение, которое занял этот десант, как и последующие высадки иностранных вооруженных сил в течении всего дальнейшего времени вплоть до июля—августа 1918 г. Вооруженных действий против Советской России за это время на Мурмане не было, несмотря на то, что все эти десанты с самого начала пребывания на советской территории были направлены против Советской России. Только до поры — до времени интервенты не пускали в ход оружия. Когда же иллюзии империалистов вскоре рассеялись, вследствие последовательно проводимой советской внешней политики, союзники стали поспешно увеличивать находившиеся на советской территории вооруженные силы, а затем открыто выступили против советской власти.

Основными звеньями первого периода союзной вооруженной интервенции в России, кроме мартовского десанта, являлись: апрельский японский десант во Владивостоке, майское антисоветское восстание чехо-словацкого корпуса, несколько июньских десантов в Мурманске и наиболее значительный из них — полуторатысячный отряд, высадившийся в Мурманске одновременно с приездом туда главнокомандующего всеми союзными силами на севере России английского генерала Ф. Пуля, июльские восстания — левых эсеров и белогвардейской организации Б. Савинкова на средней Волге и наконец августовские десанты в Архангельске и Владивостоке.

Все эти события в целом были проникнуты стремлением во что бы то ни стало задушить советскую власть посредством взрыва ее изнутри и создания контрреволюционных очагов на ее окраинах. Но в отдельности некоторые из них имеют свои специфические особенности.

Японский десант высадился во Владивостоке 5 апреля 1918 г. по официальному приглашению Владивостокской городской думы от 29 марта. Командующий японской эскадрой контрадмирал Хирохару Като, высадивший этот десант, 5 апреля опубликовал во Владивостоке воззвание. В воззвании этом указывалось, что Като питает «глубокое сочувствие настоящему положению России» и желает «немедленного искоренения междуусобиц и блестящего осуществления революции». Необходимость высадки десанта он объяснял тем, что «в настоящее время здешние политические споры становятся все более и более острыми» и Владивосток якобы попал в такое положение, «что у него как бы нет полиции». Формальным поводом к высадке японцев послужило убийство и ранение трех японцев [1].

Любопытно, что высадка этого десанта произошла по примеру Мурманска как-раз там, где фактически еще не было советской власти. Земство и городское самоуправление Владивостока, как на другой окраине — Мурманский совдеп, находились в контакте с империалистами.

Не без поддержки Англии и Франции, первая из которых была ведущей стороной событий в Мурманске, обошлось это смелое предприятие японского империализма, тем более, что время его выполнения не совпадало с окончательной (для летних событий 1918 г.) переменой политического курса внешней политики Америки в отношении России. Мартовская антисоветская кампания в японской прессе являлась подготовительным шагом к владивостокскому десанту.

Советское правительство принимало все зависящие от него меры для налаживания нормальных взаимоотношений с Японией. Еще в декабре 1917 года НКИД вступил в полуофициальные переговоры с японским послом в Петрограде через посредство консула Уедда. В этих переговорах указывалось о желательности пересмотра всех договоров между старой Россией и Японией и заключения нового торгового и экономического соглашения и конвенции о положении дел на Дальнем Востоке

---

[1] «Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири», доклад Пишона, редакция и предисловие В. Виленского-Сибирякова, ГИЗ, 1925 г., стр. 66, 67.

и на Тихоокеанском побережьи. Ответа на эти предложения от японского правительства не последовало. Япония, преследовавшая свои цели на Дальнем Востоке и вставшая на путь углубления империалистических противоречий с Америкой, неизбежно должна была стать орудием в борьбе с Советской Россией на территории Дальнего Востока. Японское правительство Мотоно-Тераучи решило попытать счастье за счет русской пролетарской революции. Отсюда понятно отношение Японии к советским предложениям.

Апрельская высадка десанта во Владивостоке вскоре была дополнена другими мероприятиями Японии, содействие в проведении которых она находила у китайского правительства. 5 апреля 1918 года китайское правительство отказалось исполнять данное им 15 марта 1918 года обещание непропускать отряды атамана Семенова на советскую территорию, а 16 апреля в Пекине было образовано дальневосточное правительство с генералом Д. Л. Хорватом во главе [1].

Слишком откровенные цели Японии не могли быть подведены в то время под общую линию официального поведения держав Антанты. Последние как в до-брестский, так и в послебрестский период свое внимание официально заостряли на вопросах военно-стратегического порядка, свою внешнюю политику в большей степени, чем Япония, ориентировали на необходимость воссоздания противогерманского восточного фронта и в этих целях старались всемерно использовать всякий представлявшийся случай для завуалирования подготовительных и уже находившихся в процессе общего согласования мероприятий по борьбе с советской властью. Для империалистов, уже начиная с апреля, становится ясным вопрос, что воссоздание восточного фронта возможно только после ликвидации советской власти. Постановка двух задач — разгром Четверного союза и ликвидация Советской России — привела к тому, что наиболее трудная вторая задача оказалась вне всяких возможностей для Антанты. Правда, о немецкой опасности для Сибири и Дальнего Востока России не мало говорили в Японии и других стра-

[1] Г. В. Чичерин — «Внешняя политика Советской России за два года», 1920 г., стр. 10.

нах, но ложность распространяемых сведений о немецкой угрозе восточной части России была установлена очень быстро.

Те особенности, которые были присущи апрельскому десанту во Владивостоке, носили в основном соподчиненный характер, были только отдельными, хотя и весьма характерными чертами японской интервенции. Но в конечном итоге положение дел на двух отдаленных от центра Советской России пунктах можно привести в единую стройную систему. Япония в апреле 1918 г. сделала во Владивостоке только то, что еще в начале марта 1918 г. было предпринято Англией в Мурманске. И именно потому, что английский и японский десанты марта — апреля 1918 г. попали фактически на пораженную соглашательскими элементами почву, — они получили возможность дальнейшего своего увеличения и продвижения в глубь России.

Восстания чехо-словацкого корпуса, начавшиеся с конца мая 1918 г., проходили уже под знаком непосредственного активного участия французского империализма. В этом отношении чехословацкое восстание явилось первым серьезным актом, предпринятым Францией с целью предупредить не исключаемую ею возможность усиления английского влияния в России. Сорвать состояние пассивности английского десанта на Мурмане и заставить его немедленно открыть военные действия против Советской России — такова была непосредственная задача творцов французской политики. Восстанию чехов и роли Франции обязана русская контрреволюция противосоветского восточного фронта. Чехи открыли «эру» демократической мелкобуржуазной контрреволюции. Самарский Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) и был первым органом такой власти на захваченном чехами Поволжьи. Мелкобуржуазная контрреволюция, как известно, породила в свою очередь буржуазно-помещичью диктатуру Колчака. К этому времени (ноябрь 1918 г.) английский империализм переключил свое внимание на Сибирь и выдвижение Колчака в роли спасителя России было делом английских рук. Так-что если чехи, движимые силой давления Французской республики, создали возможность для государственного опыта русской мелкой буржуазии, то Великобритания «его величества» стала крестной матерью некоронованного диктатора Колчака. Но последнее относится к более позднему вре-

мени. Применительно же к летним месяцам 1918 г. Англия была занята Мурманском, вот почему Франция взяла на себя инициативу действий внутри Советской России. При чем делала она это не безуспешно, так как чувствовавшиеся ранее две линии поведения империалистов в отношении Советской России—англо-американская и французская — вскоре стали сближаться на общей базе вооруженной интервенции. Назначение английского генерала Пуля главнокомандующим союзными силами на севере России, происшедшее в начале июня, и приезд его с полуторатысячным десантом в Мурманск 17 июня сигнализировали приближение момента вооруженной борьбы с советской властью. Мурманский краевой совдеп шел дружно в ногу с союзниками и вслед за ними быстро продвигался навстречу полного разрыва сношений с Москвой и отторжения края от Советской России.

Влияние французского империализма, кроме чехов, распространилось и на другие силы, которые должны были способствовать свержению советской власти изнутри. Целая серия июльских контрреволюционных восстаний (левых эсеров в Москве, организации Савинкова — Союза защиты родины и свободы — в Ярославле, Рыбинске и Муроме и другие попытки) проводилась по заранее выработанному оперативному плану известного французского посла в России Ж. Нуланса. Восстания на советской территории по идее их истинных творцов должны были дать значительную силу ведущейся за границей подготовке общественного мнения в пользу вооруженной интервенции. Представленные в ложном свете эти внутренние восстания могли, конечно дезориентировать на время трудящиеся массы за границей и тем самым увеличить шансы сторонников интервенции. Однако жизнь показала всю тщету этих усилий французского империализма. Восстания проходили изолированно, приобретали локальный характер и не были поддержаны своевременной высадкой (что предусматривалось Нулансом) интервентов в Архангельске.

Характерной особенностью летних восстаний было то, что империалисты от захвата окраин России перешли к попыткам поднять массовое советское восстание в центре республики. От союза с окраинной русской контрреволюцией они проложили нити совместного сотрудничества с различными контрреволю-

ционными организациями, нелегально функционировавшими в центральных районах России. При чем немалая доля инициативы в деле установления единого антисоветского фронта с империалистами принадлежала русской контрреволюции. Если 2 марта 1918 г. Мурманск, а 29 марта Владивосток в лице местных контрреволюционных органов власти положили официальное начало сотрудничества с союзниками, немедленно закрепленное на деле, то с конца мая 1918 г. на аналогичный путь встали контрреволюционные организации внутри Советской России. Происходивший в период с 20 по 27 мая 8-й совет партии эсеров принял определенное постановление о необходимости приглашения вооруженной иностранной силы в целях успешной борьбы с советской властью. Характерно, что как-раз в последний день работ этого совета, 27 мая, в Москве состоялось совещание союзных военных атташе, на котором единодушно была одобрена мысль о необходимости вмешательства союзников в русские дела [1]. И вскоре же после этого Высший военный совет в Версале высказался за вооруженную интервенцию и Северо-Американские Соединенные Штаты изъявили на это свое согласие. Генерал Ф. Пуль, бывший в свое время начальником английской технической военной миссии в Петрограде получил назначение командующего союзными войсками на севере России.

Фактическая же контрреволюционная деятельность в центре России совпадала во времени с таковой в Мурманске и Владивостоке. Весь период после Октябрьской революции и до лета 1918 г. проходил под знаком накопления сил в различных контрреволюционных организациях. Организационные вопросы были в то время в центре внимания внутренней контрреволюции. Весной 1918 г. был образован «Союз возрождения», куда вошли по персональному принципу представители от ка-детов, трудовиков — народных социалистов, эсеров и меньшевиков. При Союзе была создана специальная военная центральная организация, руководителем которой был бывший генерал В. Г. Болдырев (будущий член Директории и главнокомандующий ее силами на востоке России).

[1] «К 10-летию интервенции», сборник статей, ГИЗ, 1929 г., стр. 204.

На местах, и в частности в Петрограде, с апреля 1918 г. создавались филиалы «Союза возрождения». В петроградский центральный штаб вошли В. И. Игнатьев, полковник Постников (представитель военной организации эсеров), б. генералы М. Н. Суворов и А. И. Верховский, а в скором времени—член ЦК партии эсеров А. Р. Гоц. Район деятельности этого штаба был определен в границах Петроградской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний. Задачей для петроградского отделения «Союза возрождения» считалось накопление боевых и материальных средств внутри северного плацдарма, для чего проектировался захват военных грузов, шедших в порядке эвакуации Петрограда по Мариинской системе, и создание собственной операционной базы. По Северной жел. дороге была раскинута сеть шпионов-агентов [1].

Платформа, на которой создался «Союз возрождения», включала в себя такие пункты, как коалиция социалистов с буржуазией до и после переворота при организации временной власти, признание интервенции, созыв Учредительного собрания, непризнание Брестского мира, открытая борьба с советской властью.

Аналогичную работу проводила и организация Бориса Савинкова — «Союз защиты родины и свободы», возникшая с конца января 1918 г.

Таким образом внутренняя контрреволюция в период с февраля по май 1918 г. подготавливала все необходимое для обеспечения борьбы с советами. Вставшие на ее пути финансовые затруднения были быстро преодолены помощью извне. Вопрос об использовании иностранной помощи подвергался принципиальному обсуждению в ответственных политических кругах и в ЦК различных антисоветских партий. И решение было принято в том духе, что такая помощь должна будет проходить по линии неофициальной деятельности ЦК партий, но что отдельные члены партий имеют право на получение и соответствующее использование помощи империалистов в борьбе с советской властью. Одновременно с разрешением этого вопроса по-

[1] В. И. Игнатьев — «Некоторые факты и итоги 4-х лет гражданской войны», ГИЗ, 1922 г., стр. 11—14.

лучил полную ясность и другой вопрос — воспользоваться союзными вооруженными силами, как ядром, консолидирующим контрреволюционные элементы в России [1].

Вполне естественно, что союзники не замедлили оказать требуемую русской белогвардейщиной поддержку. Они стали оказывать щедрую помощь всем организациям справа налево. «Союз возрождения» и его филиалы субсидировались союзниками, в особенностя французскими агентами. Все основные переговоры по этим вопросам велись в Москве. Там был установлен контакт при помощи ка-детов между «Союзом возрождения» и так называемым Правым центром, представленным ка-детами и группой общественных деятелей во главе с М. В. Родзянко. Петроградское отделение «Союза возрождения» вступило в связь с организацией генерала Б. В. Геруа, в финансовом отношении находившейся на обеспечении англичан. Организация Бориса Савинкова с начала ее зарождения находилась в финансовой зависимости от французской буржуазии. По показанию Бориса Савинкова он получил от французов в общей сложности до $2^1/_2$ миллионов рублей. В контакте с Савинковым были замешаны такие представительные лица из дипломатического мира Франции, как французский консул Гренар военный атташе генерал Лаверн и сам французский посол в России Ж. Нуланс. Если наконец принять во внимание, что чехо-словаки были куплены империалистами за сумму около 15 миллионов рублей, из коих 11.188.000 рублей были ассигнованы Францией и 3.600.000 рублей Англией, отпущенных в период марта — мая 1918 г.; что левые эсеры также получили финансовую помощь от Франции, — то роль союзников и их удельный вес в стане русской контрреволюции приобретает доминирующее значение. Как на окраинах, так и в центре России империалисты держали в крепких руках русскую контрреволюцию. Денежный кредит опирался на прочные организационные нити, проложенные в особенности французскими агентами к русским антисоветским организациям. Кредиторы были обеспечены антисоветской продукцией должников. Французская связь например представляется в следующем виде: связь с мень-

---

[1] В. И. Игнатьев — «Некоторые факты и итоги 4-х лет гражданской войны, ГИЗ, 1922 г., стр. 9, 10.

шевиками была поручена Шарлю Дюма, бывш. социалистическому депутату французской палаты; с ка-детами и научным миром — профессору Мазону; с организацией Савинкова — Анри Гокье, и с эсерами главным образом Эрлиху, члену национального блока и французской палаты депутатов, и отчасти Шарлю Дюма; с монархическими организациями — графу де-Шовиньи [1].

Итак «Союз возрождения», организация Б. Савинкова и левые эсеры находились на денежном довольствии различных империалистов, преимущественно французских. Поэтому и их контрреволюционное выступление летом 1918 г., совпавшее по времени с движением чехо-словаков, явилось следствием дружбы с французским империализмом и осуществлением заранее выработанного оперативного плана Нуланса.

Этот летний период, явившийся переломным в смысле определения военного положения Советской республики, вызвал активизацию внутренней контрреволюции на базе расширения и значительного обострения классовой борьбы в деревне. Диктатура пролетариата проводила жесткую политику в частности в продовольственном вопросе, а в связи с этим подводила бедноту (комбеды) вплотную к борьбе с кулачеством. В. И. Ленин в докладе «о положении Советской республики» на заседании ВЦИК от 29 июля 1918 г. говорил:

«На Россию надвинулся бич голода, который обострился неслыханно, потому что как-раз план империалистических хищников состоит в том чтобы отрезать от России хлебные местности. В этом отношении их стремления расчитаны вполне правильно и зависят от того, чтобы как-раз в хлебородных окраинах они нашли себе социально-классовую опору, нашли себе местности с преобладанием кулаков, богатых крестьян, наживших на войне, живущих чужим трудом, трудом бедноты... Эти кулацкие элементы и составили из себя главную и самую серьезную опору контрреволюционного движения в России. Здесь классовая борьба подошла к самой глубине источника» [2].

С другой стороны, летняя активность мировых империалистов в борьбе с Советской Россией обусловливалась улучшением стратегического положения на их Западном фронте мировой войны. Четыре наступления германских войск на ан-

[1] В. Владимирова — «Годы службы «социалистов» капиталистам», ГИЗ, 1927 г., стр. 212, 213.

[2] Н. Ленин (В. Ульянов), собр. соч., т. 15-й, ГИЗ, 1924 г., стр. 396, 397.

глийском и французском театрах войны, проведенных в течение марта — июля 1918 г., не дали желаемых результатов для Германии. К середине июля 1918 г. сила немецких армий истощилась и с 18 июля инициатива действий перешла к Антанте. В вынужденной обороне Германии была заложена одна из причин ее поражения. Переход к активным действиям Антанты, получившей к тому времени помощь в виде свежих американских резервов, окончательно предопределял исход мировой бойни в ее пользу. Американо-англо-французские империалисты получили свободу действий в Советской России. И если например в июне 1918 г., когда стратегическое положение Антанты было скомпрометировано тактическими успехами немцев, союзники выступили с открытой агитацией против Советского правительства наряду с усиленной организационной работой по сколачиванию русской контрреволюции и руководством ее выступлениями, — то во второй половине июля они уже прямо перешли к решению вопроса о большой вооруженной интервенции в России. В начале июня Клемансо в одном из своих выступлений в Париже говорил: «Теперь мы отступаем, но мы никогда не сдадимся»; в Англии в нижней палате (18 июня) Асквит дополнял Клемансо:

«Развал русского противодействия Германии — вот непосредственный источник и причина всех наших несчастий, от которых мы страдаем на Западном фронте... Всеми средствами дипломатии и, если понадобится, с помощью военной и морской поддержки мы должны пока не поздно... установить отношения дружбы и интимного союза с великим русским народом» [1].

В июне произошел решительный перелом в позиции правительственных сфер Великобритании в пользу активного вмешательства во внутренние дела Советской России. Выступление чехо-словаков дало значительное подкрепление консерваторам, точка зрения которых стала быстро побеждать. Либералы во главе с Д. Ллойд-Джорджем были поставлены перед необходимостью уступить консервативной части кабинета с министром иностранных дел А. Бальфуром. Вооруженное вмешательство империалистов в России уже не вызывает больших осложнений и

---

[1] «Историк-марксист», № 11, изд. Комм. академии, статья И. И. Минца — «К 10-летию неудачи интервенции», стр. 92.

проходит открыто. То, что раньше скрывалось от общественного мнения стран Антанты, в июле получило полную огласку. 13 июля «Пельмель газет» в передовице отмечала: «Уже нельзя скрывать тот факт, что союзники имеют войска на севере России. Другой путь возрождения открыт чехо-словацкой армией. С занятием Владивостока чехо-словаками и Мурманска союзниками доступ цивилизованного мира в Россию обеспечился с обоих концов» [1].

И характерно, что это писалось вскоре после того заседания английского парламента, на котором Кинг сделал запрос относительно того, предлагали ли правительства стран Антанты военную или морскую помощь советской России для охраны Мурманска от Германии, а Роберт Сесиль ответил, что, если Советское правительство обратится с подобной просьбой для защиты русской территории от Германии, то такое предложение получит «дружеское рассмотрение» [2]. Когда же Кинг 18 июля поднял вопрос в парламенте о характере советской просьбы, приведшей к высадке десанта в Мурманске, то ответа по понятным причинам от Роберта Сесиля он не получил. В официальном же английском сообщении, опубликованном через посредство «Пресс Ассосиейшен», указывалось, что мурманские десанты произведены по приглашению местного населения. Аналогичный характер носило и сообщение Рейтера от 29 июля, которое отмечало готовность союзников оказать помощь «тем элементам во всех частях России, которые желают бороться с германизацией России» [3].

Итак, лето 1918 г. проходило под знаком оживления интервентов в России. То, что раньше, с начала 1918 г., носило как бы эпизодический характер, стало принимать вполне законченные формы. Открытый поход Антанты против Советской России стал фактом, общая связь событий получила чрезвычайно наглядное оформление. В. И. Ленин в докладе на заседании ВЦИК от 29 июля 1918 г. по этому поводу как-раз и отмечал роль как внутренней, так и международной контрреволюции в борьбе с властью советов. Он говорил:

[1] М. Левидов, указан. соч., стр. 162.
[2] Там же, стр. 155.
[3] Там же, стр. 167 и 171.

«...И вот теперь, когда эти отдельные звенья стали ясны для нас вполне определилось теперешнее военное и общестратегическое положение нашей Республики: Мурман на севере, чехо-словацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке, — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом соединены между собой. Мы прекрасно видим теперь, что помещики капиталисты и кулаки, которые все конечно по причинам, для них довольно законным, пылают ненавистью к советской власти, выступали теперь и здесь чуть в других формах, чем помещики, капиталисты и кулаки выступили на Украине и в других, оторванных от России местах. Как лакеи англо-французского империализма, они пошли на все, чтобы во что бы то ни стало сделать все, что возможно, против советской власти. Силами самой России они сделать этого не могли и решили действовать не словами, не обращениями в духе г.г. Мартовых, а прибегли к более крупным приемам борьбы — к военным действиям. И на это обстоятельство более всего надо обратить ваше внимание; на этом нам надо сосредоточить всю нашу агитацию, всю пропаганду и соответственно этому передвинуть центр тяжести всей нашей советской работы.

Это основной факт, что теперь действуют империалистические силы другой коалиции, не германской, а англо-французской, захватившей часть территории и опирающейся на нее» [1].

Дальнейшее развитие событий прямо уже привело к высадке значительных вооруженных сил Антанты в Архангельске и Владивостоке. Эти десанты были завершением длительной подготовки вооруженной интервенции против Советской России. На территории республики оперировали отряды различных национальностей — англичане, французы, американцы, японцы, поляки, чехословаки, итальянцы. На почве интервенции объединились все великие империалистические государства. Но этот единый фронт был только формальным. Противоречия между империалистами, пославшими свои войска в Советскую Россию, отнюдь не угасали, а наоборот на новой основе — возможного раздела России — приобретали обостренный характер. Это не давало им возможности создать действительно единый реальный фронт против Советской России даже тогда, когда мировая война закончилась поражением германской коалиции. Втечение первого периода интервенции особенно наглядно сказывались противоречия между Америкой и Японией. Присутствие на Даль-

[1] Ленин, собр. соч., т. 15-й, ГИЗ, 1924 г., стр. 394.

нем Востоке американских и японских войск отнюдь не сглаживало японо-американских противоречий; оно лишний раз только подчеркивало наличие этой вражды, проходившей в скрытой дипломатией форме. Японская интервенция на Дальнем Востоке России распыляла силы японского империализма, отвлекала его внимание непосредственно от Китая и способствовала углубленной работе американской дипломатии. Америка играла роль вооруженного наблюдателя и когда представлялось необходимым — немедленно силой своего авторитета приводила в «нормальное» состояние японских интервентов. $7^1/_2$ тысяч американских войск корректировали поведение 100 тысяч японских солдат на Дальнем Востоке России. Скрытые противоречия имели место и между Англией и Францией. Правительство Клемансо в течение весны и лета 1918 г. вело в известном смысле на поводу даже английских консерваторов, так как либералы во главе с Ллойд-Джорджем вынуждены были в силу развернувшихся в России летних контрреволюционных событий уступить консерваторам. Во Франции хотя бы такой борьбы, как в Англии, между различными группировками буржуазии не было. Соглашательская социалистическая пресса в своем отношении к Советской России почти не отличалась от буржуазной печати. Французская буржуазия разрабатывала планы вооруженной интервенции, социалисты делали все возможное для политико-морального обеспечения предстоящего похода французских войск в страну Советов. Англо-французские противоречия рельефнее стали сказываться во втором периоде вооруженной интервенции в России.

Франция в деле вооруженной борьбы с советами в период от октября 1917 г. до августа 1918 г. сыграла исключительную роль в подготовке интервенции в большом масштабе. Ей обязаны остальные страны, как Англия и Америка, в отношении инициативы военных действий против РСФСР. В отношении же ведения внешней политики необходимо отдать должное и остальным государствам. Англия с начала 1918 г. (даже и раньше — с 1917 г.) была гегемоном положения в Мурманске, Франция — ведущей стороной контрреволюционного движения в центре Советской России, Японии же принадлежала инициатива действий на Дальнем Востоке России. Разделение труда было пол-

ное. Но каждое в отдельности государство делало то, что было ему посильно и что отвечало его собственным интересам. Если Японию не удалось притянуть к разрешению «общекультурной» задачи разгрома Советской России в той степени, которая была желательна империалистам Франции, то Англию все же удалось быстро втянуть в эту борьбу. В этом и заключалась роль Франции, подготовившей целую серию антисоветских восстаний летом 1918 г. и создавшей такую обстановку, при которой английские винтовки сами заговорили задолго до официального объявления о борьбе с советами.

Архангельский и владивостокский десанты проходили под знаком уже официально всеми союзниками признанной необходимости военных действий против Советской власти. В течение всего августа английское, американское и японское правительства в своих официальных заявлениях доводили до сведения широких масс о предпринятых ими шагах «дружбы» к России.

«Свобода слова» империалистов в данном случае и явное несоответствие официальных деклараций с фактическим положением вещей не могли не находиться в связи с местонахождением в то время дипломатического корпуса в России. Этот корпус, члены которого не были аккредитованы при Советском правительстве, находился в Вологде и оттуда руководил подготовкой антисоветских восстаний. 10 июля НКИД отправил по телеграфу приглашение послам переехать в Москву и для переговоров с послами по этому вопросу уполномочил К. Б. Радека. И так как послы в лице старшины корпуса Френсиса отказались принять предложение НКИД, то последний 13 ноября вновь послал в Вологду телеграмму, прямо указывавшую на невозможность дальнейшего пребывания корпуса в Вологде. Дипломатический корпус после этого переехал в Архангельск, куда прибыл 26 июля, а 27 из Архангельска направился в оккупированную к тому времени англичанами станцию Кандалакшу (по Мурманской жел. дор.). Такой скорый отъезд из Архангельска был вызван категорическим запрещением Советского правительства задерживаться дипломатам в городе и с другой стороны тем, что послы были осведомлены о подготовлявшемся в Архангельске антисоветском восстании, присутствовать при котором они считали неудобным.

Очутившись вне деятельности органов советской власти, в зоне английской оккупации, дипломаты форсировали дальнейшее развертывание военных действий. День приезда дипломатического корпуса в Кандалакшу как-раз совпал с днем отправки десанта в Архангельск. А на следующий день после падения Архангельска, 3 августа, туда вернулся весь дипломатический корпус. Оружие и дипломатия слились в единое целое, создали единую силу.

Таким образом август 1918 г. принес Советской республике официальное начало вооруженной интервенции империалистов. Военное положение России приняло вполне определившиеся формы непосредственной борьбы двух миров — диктатуры пролетариата с внутренней и мировой контрреволюцией.

Однако внешнее окружение страны Советов далеко не ограничивалось силами только одних союзников.

Первый период вооруженной интервенции проходил еще на общем фоне продолжавшейся мировой войны. Силы германской коалиции оказывали отчаянное сопротивление Антанте. Истощение материальной и в особенности продовольственной базы заставило Германию искать себе выхода на восточном, русском, фронте. Предательская политика Украинской рады оказала Германии в этом отношении большую услугу. Заключенный в Бресте договор украинской делегации с Четверным союзом открыл для Германии и Австро-Венгрии путь на Украину. Движение германских войск в Прибалтику и высадка в апреле 1918 г. двух десантов (фон-дер Гольца и Бранденштейна) на юге Финляндии дополняли поход за украинским хлебом. Стратегически Германия создала группировки своих войск на флангах бывшего восточного фронта мировой войны. Этим мероприятием она в некоторой степени предупредила возрождение сильного восточного противогерманского фронта силами Антанты. Но с точки зрения ближайших перспектив, строящихся только на основе одного голого учета тенденций Антанты, обеспечение за собой флангов на востоке вряд ли могло принести реальные результаты. То же самое необходимо сказать и в отношении далеких перспектив.

Судьба Германии и ее союзников решалась на Западном фронте, укрепление которого могло проходить за счет оголе-

ния фланговых группировок на востоке. Концентрация всех сил и средств Германии на решающем фронте могла принести не мало военных осложнений англо-французам, а может быть дать Германии более выгодный чем Версальский мир.

Разбрасывание же войск на колоссальной территории, трудящееся население которой переживало свой Октябрь, ускорило поражение Германии. Соседство с Советской Россией, принесшее со своей стороны рост революционного движения в Германии и Австро-Венгрии, также не могло не сказаться на поражении Германии. Но это уже было таким обстоятельством, которое находилось вне сферы сознательного творения внешней политики германским империализмом. В недооценке всех отрицательных для германской буржуазии последствий от соседства с РСФСР винить никого нельзя. Своим падением Вильгельм обязан как мировой войне, так и российскому Октябрю. На грани такого поражения стояла и германская буржуазия и именно поэтому чувство самосохранения толкнуло ее в поход на революцию в Финляндии, заставило принять активное участие в начинавшейся борьбе классов в Прибалтике и обостренной гражданской войне на Украине. В этом вся сущность стратегически нелепого, но политически обусловленного рассредоточения германских сил. Не сделать этого Германия не могла, так как сила Октября была более грозна, чем сила Антанты.

Поражение в мировой войне не исключало господства буржуазии, перенесение социалистической революции из России в срединную Европу (как и вообще в другие страны капитала) не оставило бы камня на камне от буржуазной диктатуры. Германия, как и Антанта, следовательно с начала 1918 г. шла на Советскую Россию с целью ее ликвидации, но шла она самостоятельно и разными путями, к тому же в условиях взаимной ожесточенной борьбы. Расхождение путей при подавлении советской власти силами двух империалистических коалиций сказывалось в основном в том, что Германия поставила перед собой ограниченные цели с видимым преобладанием экономических задач, в то время как Антанта подготовляла большую вооруженную интервенцию против Советской республики. Между Советской Россией и Германией существовал

как-никак, хотя и похабный, но все же мирный договор, создавший передышку для Советской республики и ограничивший германский империализм разрешением в основном своих национальных задач. Антанта же стала на путь интернациональной борьбы с большевизмом. Различие в методах борьбы с Советской Россией, которые практиковались союзниками в период от октября 1917 г. до августа 1918 г., было производным только от их возможностей. Одна половина первого периода вооруженной интервенции — до мая 1918 г. — проходила в ряде мирных попыток втянуть Советскую Россию в войну. Другая половина — от мая по август 1918 г. — была уже насыщена многочисленными фактами развертывания вооруженной борьбы.

Для Германии же было характерным как-раз обратное чередование форм борьбы с большевизмом. За время февраля — мая германские и австрийские войска продолжали оккупацию Украины, дойдя в начале мая 1918 г. до линии Ростов — Новочеркасск.

В Прибалтике германское продвижение остановилось на линии Нарва—Псков, в Финляндии к середине мая германские войска совместно с отрядами финской белой гвардии заняли г. Выборг. Революция в Финляндии была подавлена. И на этом в мае 1918 г. активность германского империализма закончилась. Положение на западном фронте мировой войны потребовало от Германии отказа от дальнейшего продвижения ее войск вглубь Советской республики. Начиная с мая и по ноябрь 1918 г., поведение Германии в отношении РСФСР, исключая отдельные моменты, в общем и целом было нейтральное. Но это отнюдь не исключало материальной и моральной поддержки отдельных группировок русской контрреволюции, оказываемой за то же время со стороны Германии. Гетман Украины Скоропадский, атаман Всевеликого войска Донского Краснов появились в своих ролях исключительно благодаря помощи кайзеровской Германии. Были предприняты шаги и в отношении других военных образований (Южная и Астраханская армии) на территории России. На закате своего военного могущества Германия проявила инициативу создания первых отрядов будущей Северо-западной армии Юденича, оперировавшей в 1919 г. против Петрограда.

Австро-германские оккупанты оказали объективную услугу и общероссийским белогвардейским отрядам Корнилова — Деникина, исповедывавшим исключительно веру в Антанту и бродившим в то время по Кубани (два кубанских похода). Эта помощь выражалась главным образом в том, что кубанская зона действий добровольцев очутилась под прикрытием германских оккупантов. Кубань попала в положение «мертвого пространства», куда непосредственно не доходили раскаты грома борьбы между германским империализмом и общереспубликанскими красногвардейскими частями. Последние, отступая из Украины под натиском оккупантов, взяли направление на Царицын (впоследствии 10-я армия под командой К. Е. Ворошилова). Кубань была предоставлена самой себе, должна была вариться в соку собственных классовых противоречий. Добровольцы сослужили роль фермента для кубанской самостийной контрреволюции и, найдя в ней с мая 1918 г. временного союзника, получили передышку для организации своих сил. Общероссийский (по своим целям) белогвардейский очаг оказался на время за надежным прикрытием австро-германских штыков. Помимо этого стратегического выигрыша Добровольческая армия получала и вооружение от своих врагов через посредство атамана Краснова. Последний получал от немцев захваченное ими на Украине русское оружие, «омывал» его в водах Черного моря и «чистеньким», как пишет сам Краснов, передавал добровольцам. Это однако не спасло Краснова от резких нападок добровольцев за исповедываемую им германскую ориентацию.

Помощь от австро-германской оккупации для Добровольческой армии однако носила временный характер. После Ноябрьской революции в Германии и очищения оккупантами Украины и донской самостийный контрреволюционный очаг и Добровольческая армия очутились на время одинокими в борьбе с Красной армией и стояли перед перспективой полной и скорой своей гибели. Только помощь Антанты дала такую силу южной контрреволюции, которая позволила ей в 1919 г. начать свой «знаменитый» поход на Москву.

Более крупные и решающие выгоды от поведения германского империализма извлекла именно Советская республика.

Сила Германии в начале 1918 г. была настолько велика в смысле возможностей ее военного приложения на территории республики, что война с Германией имела меньше всего шансов на успех. Только непосредственное руководство Ленина обеспечило Советской России выход из тупика, созданного международным положением России в начале 1918 г. Потеря самостоятельности в проведении своей интернационально-пролетарской внешней политики для Советской республики означала бы движение на Петроград и Москву германских войск, ряд серьезных поражений Советской власти, а для центральных районов и полную ликвидацию ее. Но с другой стороны это вызвало бы высадку больших вооруженных сил Антанты и как результат всего этого — восстановление Антантой распавшегося восточного фронта на костях русских рабочих и крестьян и их первых победителей — зарвавшихся глубоко в Россию германских оккупантов. Такой итоговой перспективы не могли не видеть германские дипломаты. Германия и Советская Россия по разным причинам были поставлены перед категорической необходимостью заключить мир, при чем для второй стороны это было более настоятельным и неотложным. Спасение диктатуры пролетариата было только в немедленном выходе из состояния войны. Брест-Литовский мир даже на чрезвычайно неблагоприятных для России условиях сослужил свою великую историческую роль. Тогдашние разногласия внутри РКП(б) выявили всю силу ленинского научного анализа и предвидения. Страшный враг в лице германского империализма Брестским договором был приостановлен в своем стремлении задавить диктатуру пролетариата. Советская республика получила такую передышку, которая стала решающим этапом в ее жизни, обусловившим жизнестойкость этого молодого пролетарского организма. Передышка создала условия для строительства вооруженной силы республики с такими количественными и качественными показателями, которые далеко превзошли опыт Парижской коммуны и привели к окончательному военному закреплению первых шагов строительства социализма в одной стране.

Но если Брестский мир был единственно возможной формой парализации германской угрозы для Советской России, то

последствия этого мира давали себя остро чувствовать на протяжении последующих месяцев 1918 года вплоть до Ноябрьской революции в Германии. В то время как Советская Россия создала между собою и Германией дипломатический барьер в виде Брестского мирного договора, отношения между нею и Антантой все более обострялись. Поведение Антанты стало резко меняться, переговоры о «честном сотрудничестве» скоро окончательно прекратились и с каждым днем созревала угроза непосредственного военного удара союзнических сил по Советской России. Только слабостью Антанты объясняется длительная подготовка ее к вооруженной интервенции в большом масштабе. Аналогичная причина обусловила и те формы, в которых наиболее эффективно могла проходить вся подготовительная работа к оккупации советских районов. «Немецкая опасность» для России, в данном случае для Мурманского края, сослужила службу формального предлога для первой высадки антантовских войск в Мурманске. Союзниками были пущены в ход все средства, чтобы загипнотизировать этой немецкой опасностью их русских агентов.

Все строилось исключительно на предвидении, в то время как вопрос о реальных возможностях Германии и Финляндии в отношении попыток захватить Мурманскую железную дорогу сознательно игнорировался. Фактически все мероприятия союзников на Мурмане, официально обусловленные тогда интересами обороны края от немцев, проходили под знаком организации борьбы с советской властью. И только в этих единственных целях союзники использовали «немецкую угрозу». Все разговоры представителей Антанты относительно оказания помощи Советской России против Германии скрывали истинный смысл антисоветских тенденций империалистов. В воззвании СНК РСФСР от 1 августа 1918 г. «К трудящимся массам Британии, Англии, Америки, Италии и Японии» как-раз и говорилось о том, что если союзники действительно руководствовались желанием оказать помощь Советской России, так как экономически слабая Россия не в состоянии была серьезно защищаться от германских войск, то они имели возможность это сделать. «Но союзники на эти наши обращения не отвечали. Союзники не только ничем не помогли нам для восс-

здания нашей способности к защите, но... они старались всеми мерами разрушить ее, усиливая внутреннюю разруху, отрезывая нас от последних резервов хлеба»[1]. По поводу Сибирской и Мурманской железных дорог в своем воззвании Совнарком указывал, что в результате эти линии захватили не немцы, «которые не в состоянии были их захватить», а союзные войска, и что на Мурмане они ведут борьбу не с немцами, а с советскими организациями на территории края. Таким образом в августе 1918 г. Советское правительство вполне правильно констатировало интервенционный характер всех действий союзников в отношении Советской республики. Подобный анализ тем более оправдывается применительно к отдельным этапам подготовительной работы союзников к вооруженной интервенции, так как их истинная сущность была очевидна и до августа 1918 г.

Отсутствие реальной угрозы для Мурманской железной дороги и порта со стороны немцев находило свое подтверждение даже в белом лагере. Так например председатель Мурманского совдепа А. М. Юрьев еще 16 апреля 1918 г. телеграфировал во Всероссийское бюро военных комиссаров о том, что местные условия края вызывают необходимость иметь только лишь кадры Красной (?) армии, делая частичные призывы в особых случаях [2]. Само собой разумеется, что наличие грозной немецкой опасности для края совсем по другому ставило бы вопрос о местной вооруженной силе, о кадрах, мобилизации и прочее, чем это сделал Юрьев. Другое свидетельство переоценки немецкой опа-

[1] «Советский союз в борьбе за мир», ГИЗ, 1929 г., стр. 45.

[2] Центральный военно-политич. архив при Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева, дело № 161, лист 8-й.

Эта телеграмма между прочим показывала высокую степень политического нахальства А. М. Юрьева, с которым он хладнокровно творил свое контрреволюционное дело. Юрьев указывал, что Кандалакша обороняется отрядом около 500 чел., сформированным в пределах края, совместно с союзниками, и испрашивал сумму в 1 миллион рублей (которая и была отпущена, так как на подлиннике телеграммы стоит пометка И. Юренева — «исполнено») для покрытия задолженности и на содержание отрядов, обороняющих линию железной дороги. Лучшую комбинацию трудно было придумать. Контрреволюционное дело создавалось на советские деньги, отпускаемые в порядке кредитования органами военного ведомства.

сности дано одним из участников вооруженной итервенции в Советской России, автором книги «Архангельск», скрывшим свою фамилию под псевдонимом «Хроникера». Этот «Хроникер» утверждает, что германский десант в Финляндии — это «небольшая военная экспедиция», которая «никогда не заходила дальше южной части Финляндии» [1], что действия немецких войск в Финляндии никакого влияния на главный театр войны не оказывали [2]. То же самое признает по существу и один из активных русских агентов Антанты в Мурманске — Г. М. Веселаго. В «сводке военных действий в районах Печеньги, Кандалакши и Кеми, а также на море за март, апрель и май», составленной Веселаго в двадцатых числах июня 1918 г., приводятся конкретные данные о характере внешней опасности, при чем разговор идет исключительно о белофиннах. Отдельные наступательные попытки белофиннов могут быть представлены в следующем хронологическом порядке. В начале марта 1918 г. впервые были получены сведения о движении белофиннов к Мурманской железной дороге и их разведчики появились между станциями Калосельга и Ижма. В середине марта распространились сведения о том, что белофинны наступают по четырем направлениям: 1) на Кемь, 2) на Поньгому, 3) на Энгозеро и 4) на Кандалакшу. На основании этого в Мурманске при непосредственном участии англичан и французов срочно приступили к сооружению бронированного поезда. Пушки для поезда были взяты с английского корабля «Глори», пулеметы — с русских миноносцев, каманда была составлена из английских, французских и русских солдат, командиром поезда был назначен французский офицер. 5 апреля в районе Соколозера произошло первое боевое столкновение, 6 апреля — второй бой, в результате которого белофинны были выбиты из ледяных окопов и отступили. 8 апреля белофинны появились вблизи станции Кеми, 10 апреля подошли к самому полотну железной дороги, но ни путь, ни телеграф не повредили. Этого же числа в Кандалакшу был отправлен соединенный франко-русский отряд в 100 французов и 95 русских

[1] «К десятилетию интервенции», сборник статей, ГИЗ, 1929 г., стр. 204.

[2] Рукопись записок Г. М. Веселаго (материалы Ленинградского областного истпарта).

«красноармейцев» (это слово взял в кавычки сам Веселаго) и матросов под общей командой французского подполковника Мольера, на которого с согласия Мурманского совдепа было возложено руководство обороной Кандалакшского района. С отрядом вышел и бронированный поезд.

В середине апреля, когда климатические условия благоприятствовали ведению военных операций, белофинны не проводили однако крупных операций. Только 19 апреля имел место бой у деревни Алякурти, закончившийся отступлением белофиннов. Вскоре началось таяние снега и дороги стали быстро портиться.

Несколько наступательных попыток предприняли белофинны в апреле 1918 г. и вдоль норвежской границы на Чалмозеро. Это вызвало в свою очередь посылку в Печеньгу английского броненосного крейсера «Кохрен» с десантным отрядом, составленным из «красноармейцев», матросов и солдат английской морской пехоты. 2 мая белофинны перешли русскую границу и заняли селение Чалмозеро, 7 мая они продвинулись до поселка Борисоглебского, в котором подняли финляндский флаг. Разведочный отряд, посланный высаженным с крейсера «Кохрен» десантом, после встречи с белофиннами понес незначительные потери и отступил к Печеньге. Последней наступательной попыткой со стороны белофиннов в этом районе была их безуспешная атака 12 мая Нижнего монастыря. И на этом активность их закончилась. После 15 мая дороги стали портиться, вследствие чего 18 мая белофинны очистили поселок Борисоглебский и селение Чалмозеро и отошли в Кюре. Русские пограничные посты вернулись на свои места.

Вот основной перечень незначительных фактов, породивших у союзников столь большие опасения относительно немецкой угрозы Мурманскому краю. Даже Веселаго, резюмируя свой материал, счел возможным по существу признать, что перечисленные набеги белофиннов носили явно выраженный грабежно-разведывательный характер. Правда он дальше говорит, что эти набеги свидетельствовали о подготовлявшихся серьезных операциях, то же примерно говорил и генерал Н. И. Звегинцев. Однако их выводы были продиктованы их службой Антанте и ничего общего не имели с действительным положением вещей. Поиски белофин-

нов на территории Мурманского края в апреле и первой половине мая 1918 г. совпадали во времени с боевой активностью германских десантов на юге Финляндии. Именно это обстоятельство создало возможность Антанте отождествлять белофиннов с немцами и говорить в основном о немецкой угрозе Мурманскому краю. Цели северной союзнической экспедиции объяснялись официально именно этой угрозой. Английский военный министр лорд Мильнер [1], английский генерал Мейнард [2], бывший в 1919 г. командующим всеми вооруженными силами в Мурманском крае, уже не говоря о Пуле, Кемпе, Айронсайде и других, необходимость вооруженной интервенции обусловливали исключительно тем, что Германия стремится захватить Мурманскую железную дорогу и в особенности порт для устройства там базы для своих подводных лодок. Вышеприведенные факты как-раз и не дают права разделять официальную версию антантовского империализма. Даже наоборот, они свидетельствуют о том, что Германия не только не ставила себе широких целей в отношении Мурманского порта (хотя в мурманских водах и появлялись германские подводные лодки) и Мурманской железной дороги, но даже не была в этом серьезно заинтересована. Мурманская операция ослабила бы и без того слабые, рассредоточенные на колоссальной территории германские войска. Наконец перспектива для Германии даже в случае успеха ее операций была не из особенно выгодных, так как занятие Мурманска немцами повлекло бы немедленно ожесточенную борьбу на море и затем на суше с Антантой.

Германия избрала себе более выгодный путь, она расположила свои войска на юге Финляндии таким образом, что в ее руках была создана сила противодействия возможному продвижению вглубь края, к Петрограду, англо-французских войск. Это являлось основной идеей германского правительства, в силу которой немецкие десанты в Финляндии и должны были занять положение приготовившегося к прыжку зверя. Людендорф говорит об этом довольно красноречиво. Он указывает

[1] «Гражданская война», РИО морских сил РККФ, т. 2-й, часть 1-я, стр. 52.

[2] «Война и революция», журнал Центр. совета Осоавиахима, 1930 г., кн. 1, стр. 101.

конечно, что с момента заключения Финляндией военного союза с Германией (в целях подавления революции в Финляндии) усилилось давление в сторону Мурманской железной дороги и Петрограда, но дальше его мысль облекается в следующую словесную оболочку:

«Теперь (в начале мая 1918 г. *Н. К.*) мы располагали в Нарве и Выборге такими позициями, которые давали нам возможность в любой момент начать наступление на Петроград, чтобы свергнуть большевистскую власть и воспрепятствовать утверждению там англичан со стороны Мурманского побережья. В то же время Мурманская железная дорога по всей своей длине фланкировалась из Финляндии, вследствие чего серьезное предприятие англичан более не являлось возможным» [1].

В другом месте Людендорф еще раз высказывает аналогичную мысль, что «соединенные силы германо-финских войск представляли теперь такую силу, что Антанта отказалась от дальнейшего наступления» [2].

Но были, разумеется, и горячие германские головы, предлагавшие немедленный переход германских войск в дальнейшее наступление. К числу таких принадлежал командующий германским десантом в Финляндии известный генерал К. фон-дер-Гольц, тщетно ждавший приказа о наступлении на Петроград, а затем генерал М. Гофман, высказывавший мысль о походе вглубь России правда с большим запозданием — в августе 1918 г. (14 августа в своем дневнике М. Гофман записал: «Мы никак не можем допустить дальнейшего продвижения англичан на Мурмане»; 22 августа: «Мы должны наступать, иначе англичане из Мурмана будут на нас давить») [3].

Но время и обстановка были уже не те, что раньше. Германия приближалась к революции и военному поражению. Из десанта фон-дер-Гольца в августе была изъята значительная часть сил на Западный фронт [4] и немцы не имели реальных

[1] Людендорф — «Мои воспоминания о войне 1914—18 гг.», ГИЗ, М. 1924 г., т. 2-й, стр. 194.

[2] Там же, стр. 216.

[3] Макс Гофман — «Записки и дневники», изд-во «Красная газета», Ленинград, 1929 г., стр. 252.

[4] Между прочим не лишне отметить, что по агентурным данным нашего военно-морского контроля получалось, что численность германских

возможностей начать поход на Петроград и Мурманскую железную дорогу.

В общем итоге получилась такая картина, что две враждебные друг другу силы остановились, заняли выжидательные позиции и создали положение равновесия, могущего нарушиться только с активностью какой-либо стороны. Точкой такого равновесия был Красный Петроград, который находился вне досягаемости германских и англо-французских войск.

Следовательно нарушение равновесия могло произойти только в результате похода какой-нибудь стороны на Петроград. А последний в это время жил своею жизнью, «пролезая», благодаря правильной политике Советского правительства, в щель противоречий империалистических коалиций. На этом частном, территориально ограниченном, примере лишний раз иллюстрировала свою силу ленинская дипломатия, творец которой все время чрезвычайно чутко относился к военному положению родины Великого Октября — Красного Петрограда.

На искусном использовании империалистических противоречий была построена вся внешняя политика Советского правительства в целом. С чрезвычайной энергией, отметая в сторону всякие оппортунистические колебания в рядах большевистской партии, великий рулевой твердо вел пролетарский корабль по трудному пути закрепления Октябрьских завоеваний. Вышерассмотренные точки зрения на советскую дипломатию 1918 г. проникшие на страницы советской литературы, ничего общего, не имеют с действительной политической линией партии и правительства. Тяжелый путь, по которому вынуждена была итти первая в мире страна советов в первый год своего существования, был пройден исключительно благодаря твердому ленинскому руководству. В литературном наследстве Ленина заложены такие богатства, за счет которых будет жить диктатура пролетариата в Советском союзе и революционное движение во всем мире.

Из этого единственного источника необходимо черпать богатейший материал и для данной темы.

войск в Финляндии в августе достигла 50 тысяч человек, а к сентябрю — до 120 тысяч («Гражданская война», РИО Морских сил РККФ, т. 2-й ч. 1-я, стр. 92). Повидимому здесь не обошлось дело без «вредительства».

Внешняя политика РСФСР на протяжении подготовительного периода вооруженной интервенции в 1918 г. была проникнута едиными задачами. Чрезвычайное многообразие форм борьбы внешней и внутренней контрреволюции с советской властью, характерное для этого периода, порождало на другом, противоположном полюсе единство действий. На этой базе 1918 г. центральное партийное и советское руководство имело большие возможности маневрировать, сохраняя за собой основные партийные ряды и обеспечивая нерушимую опору рабочего класса на беднейшее крестьянство. Под знаком единства и решительности действий вела свою дипломатию диктатура пролетариата.

«Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии», — писал В. И. Ленин 14 февраля 1918 г. С. Г. Шаумяну в Баку, рекомендуя такую осторожную дипломатию соединить с твердой и решительной политикой [1].

Жестоко критикуя «левых» большевиков, зараженных болезнью революционной фразы, указывая на желание Антанты втянуть Советскую Россию в войну с Германией на основе обещаний миллионов благ, Ленин категорически настаивал на заключении Брестского мира. На 7-м съезде партии в своем выступлении утром 8 марта против поправки Троцкого к резолюции о войне и мире Ленин подчеркнул готовившуюся опасность со стороны Англии и Франции для севера России (Архангельск) и дал классическое определение мирному договору:

«Мирный договор есть одно живое маневрирование», в силу которого растут новые комбинации, требующие свободы действий для центрального руководства [2].

На 4-м Чрезвычайном всероссийском съезде советов Ленин дал оценку периоду от Октября до Бреста, как периоду триум-

---

[1] С. Г. Шаумян — «Статьи и речи, 1917 — 1918 гг.», изд. Института истории классовой борьбы в Азербайджане им. С. Г. Шаумяна, Баку, 1929 г., стр. 292.

[2] Ленин, соч., т. 22-й, стр. 34.

фальному, который был возможен «только потому, что величайшие гиганты хищников мирового империализма были временно приостановлены в своем наступательном движении против советской власти... Буржуазия, находясь в мертвой схватке борьбы друг с другом, была парализована в своем наступлении на Россию» [1].

В другом месте Ленин писал, что «реальной, не бумажной, гарантией мира для нас является исключительно рознь между империалистическими державами»...[2].

По вопросу же о том, какова должна быть советская дипломатия в условиях империалистических противоречий, можно найти ясный и четкий ответ в работе Ленина «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности», опубликованной 9—11 мая 1918 г. Там он писал:

«... пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить международный империализм, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, не принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою еще более ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах» [3].

Дальше Ленин говорит, что даже в условиях согласованного наступления на Советскую Россию Германии и Японии необходимо выжидать, оттягивать бой, отступать.

В «тезисах об очередных задачах Советской власти» Ленин еще раз повторяет свой анализ международного положения Советской республики, характеризует его «в высшей степени трудным и критическим», так как обострение империалистических противоречий на Западе и Востоке (Япония и Америка) «лишь на известное, вероятно короткое, время» парализует стремления империалистов задушить Советскую Россию. Обязательной тактикой республики Ленин считает «крайнее напряжение всех сил для быстрейшего экономического подъема

---

[1] Ленин, соч. т. 22-й, стр. 391.

[2] Там же, т. 15-й, ГИЗ, 1922 г., стр. 193 (статья — «Очередные задачи советской власти»).

[3] Там же, стр. 256. Разрядка Ленина.

страны, повышения ее обороноспособности, создания могучей социалистической армии»[1].

Первая десятидневка мая 1918 г. принесла обострение политического положения республики в силу внешних и внутренних причин. Усилилась активность контрреволюционных войск атамана Семенова и др. на Дальнем Востоке. Создавалось опасение, что империалисты Запада и Востока предъявят ультиматум Советской России — либо война с Германией, либо наступление японских войск. В германской политике военная партия могла взять верх по вопросу о немедленном наступлении на Россию и сорвать Брестский договор. Германские войска в то время захватили всю Украину, Прибалтику и подавили революцию в Финляндии. Над Петроградом нависла серьезная угроза. На территории республики к маю 1918 г. сильно обострилась продовольственная разруха, принимавшая характер голода в некоторых районах. На этой почве и при поддержке империалистов Германии и Антанты поднимала голову внутренняя контрреволюция, кулачество становилось движущей силой мелкобуржуазного движения. Военная подготовка республики еще не была закончена.

В этих новых условиях советская внешняя политика должна была продолжать прежнюю линию — лавировать, отступать, выжидать, укрепляя обороноспособность страны изо всех сил.

На заседании ЦК РКП(б) от 10 мая 1918 г. Г. Я. Сокольников предложил резолюцию, в которой говорилось, что война с Германией неизбежна, передышка окончена, задачи партии — немедленная открытая массовая подготовка военных действий, широкие мобилизации. Сокольников предлагал заключить военное соглашение с англо-французской коалицией против Германии на определенных условиях. ЦК партии отверг эту резолюцию. В «тезисах о современном политическом положении» от 13 мая 1918 г. Ленин по этому поводу писал, но в то время не для печати, следующее:

«Отнюдь не отказываясь (в принципе против) вообще от военных соглашений с одной из империалистических коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ советской власти,

---

[1] Ленин, соч., т. 22-й, ГИЗ, 1929 г., стр. 499.

могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы, мы *в данный момент не можем пойти на военное соглашение с англо-французской коалицией.* Ибо реальную важность для нее имеет отвлечение войск Германии с запада, т. е. продвижение многих японских корпусов внутрь Европейской России, а это условие неприемлемо, как полный крах советской власти. Если бы ультиматум такого рода предъявила нам англо-французская коалиция, мы бы ответили отказом, ибо *опасность японского движения может быть парализована с меньшими трудностями* (или может быть оттянута на более продолжительное время), *чем опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей части Европейской России*»[1].

Эта ленинская цитата из тезисов, впервые опубликованных Институтом Ленина, имеет колоссальное историческое значение и ценность. Общеизвестно, что как в политике, так и в стратегии своевременное нахождение наиболее угрожающих участков является основным вопросом. Правильное и своевременное разрешение этого вопроса обеспечивает победу. Гражданская война в России в этом отношении дала целый ряд классических примеров. Красная армия не в состоянии была вести активные военные операции одновременно на всех фронтах, единственным выходом было — бить противника по частям, что и было сделано. Нахождение наиболее слабых звеньев на фронте социалистического строительства и своевременная мобилизация масс обеспечивает (что уже сделано в основном в 1930 году например в отношении зерновой проблемы) успех великой стройки.

И если ленинская партия искусно пользуется этим оружием, то она в первую очередь обязана своему основателю, вся политическая деятельность которого была создана из подлинно научного анализа и предвидения.

А вот «анализ и предвидение» человека, страдающего манией величия, претендовавшего на роль первого «вождя», а ныне исполнителя социального заказа мировой буржуазии — Троцкого. Последний в беседах с французскими офицерами, английскими представителями, сербским посланником в России Сполайковичем в одном митинговом выступлении и наконец в статье от

[1] «Ленинский сборник», т. 11, ГИЗ, 1929 г., стр. 31.
Разрядка наша. *Н. К.*

22 июня 1918 г., опубликованной в «Известиях ВЦИК», так оценивал японскую и германскую угрозу:

«Если бы... Россия оказалась, хотя бы временно, перед необходимостью избирать между японской оккупацией и германской, то разумеется пришлось бы признать, что японская не менее, а более опасна для судьбы русского народа, ибо у нас несравненно меньше основания надеяться на возможность глубоких внутренних перемен в Японии в ближайшее время, чем в Германии»[1].

При переводе на язык практики эта троцкистская тирада означала потерю Петрограда и Москвы, сильный удар германских войск по жизненным центрам Советской республики. Расчет Троцкого на «глубокие внутренние перемены» больше в Германии, чем в Японии, был иносказательным повторением его брестской позиции. Если тогда его лозунг — «ни мир, ни война» вызвал переход германских войск в наступление и потерю значительной территории России, то и теперь, летом 1918 г., установка Троцкого имела все шансы на аналогичный «успех». Таков был объективный смысл его тактики. И совершенно напрасно Троцкий в июне 1918 г. обрушился колкими замечаниями по адресу буржуазной прессы и газеты «Новая жизнь», утверждавших, что Троцкий немецкую оккупацию предпочитает японской. Ведь сам же Троцкий говорил об этом своим собеседникам из лагеря империалистов. Но можно понять вынужденную «самокритику» Троцкого, из огня «честного сотрудничества» с империалистами Антанты попавшего в полымя объективного пособника Германии. Когда же многое стало известно Троцкому по ходу событий, то в июле 1918 г. он сделал неудачную попытку характеризовать политику советской власти.

«Политика советской власти есть политика строжайшего и безусловного нейтралитета по отношению к обоим империалистическим группировкам», — писал Троцкий[2].

---

[1] Л. Троцкий — «Как вооружалась революция», т. 1-й, ВВРС, М., 1923 г. стр. 199.

Разрядка наша. *Н. К.*

[2] Там же, стр. 201.

Линия же партии в начале июля оставалась попрежнему неизменной. Доклад на 5-м всероссийском съезде советов (4—10 июля 1918 г.) Ленин закончил такими словами:

«И мы говорим: товарищи, нет ни тени сомнения, что если мы пойдем по тому пути, который избрали и который события подтвердили, если мы будем твердо и неуклонно итти по этому пути, если мы не дадим ни фразам, ни иллюзиям, ни обману, ни истерике сбить себя с правильного пути, то мы имеем величайшие в мире шансы удержаться и помочь твердо победе социализма в России, а тем самым помочь победе всемирной социалистической революции» [1].

Твердость и решительность советской политики наряду с осторожной дипломатией была испытана 14 июля 1918 г., когда Германия в связи с убийством Мирбаха предъявила Советскому правительству требование о пропуске германского батальона в Москву. Совнарком ответил категорическим отказом, так как пропуск германского батальона означал бы объективно начало оккупации России иностранными войсками. И если Германия решилась бы послать ультиматум, то встретила бы вооруженное сопротивление, как это уже имело место против англичан на Мурмане. Советской республике были одинаково враждебны как немецкие, так и антантовские империалисты и поэтому ей приходилось выбирать равнодействующую, итти твердо по своему пути и внимательно следить за происками многочисленных врагов.

Для предотвращения увеличившейся к концу лета германской угрозы Советское правительство вынуждено было пойти и на ряд дополнительных уступок Германии и ее союзницы — Финляндии. В июле 1918 г. наряду с принятыми Высшим военным советом республики оборонительными мерами было решено в основу переговоров с Финляндией положить такие уступки, как отказ от включения в границы Советской России района б. форта Ино и района Райволо, но при сохранении за собой всей территории Мурмана и Мурманского побережья и т. п. [2] Притязания финнов шли гораздо дальше. 3 августа в Берлине открылась советско-финляндская конференция и на ней пред-

---

[1] Ленин, собр. соч., т. 15-й, ГИЗ., 1924 г., стр. 382, 383.

[2] «Гражданская война», РИО морских сил РККФ, т. 2-й, ч. 1-я, стр. 88.

ставители Финляндии высказали особенные желания аннексировать весь Кольский полуостров и Карелию до Белого моря. Вскоре выяснилась полная безнадежность переговоров и конференция была прекращена[1].

Значительно острее стоял вопрос с Германией. С захватом союзниками Архангельска возросла угроза германского нападения на Петроград. 9 августа Ленин приказал немедленно поставить минное заграждение на море. В Петроград срочно прибыл председатель ВЦИК Я. М. Свердлов с полномочиями распоряжаться всеми вооруженными силами Петрограда[2]. Одновременно пустила в ход свое оружие и советская дипломатия.

Уступки Советского правительства Германии были зафиксированы в трех дополнительных к Брестскому договору соглашениях от 27 августа, по одному из которых Германия получала «отступных» 6 миллиардов рублей. «За презренные деньги отказались от будущих интересов Германии на Востоке»,— с чувством огорчения пишет фон-дер-Гольц, войска которого предназначались для операции против Петрограда.

Правильная оценка международного положения Советской республики таким образом привела к тому, что очередное осложнение взаимоотношений с Германией было ликвидировано сравнительно быстро и легко. Страна советов получила возможность итти дальше по пути укрепления своей военной мощи.

В «Письме к американским рабочим», написанном 20 августа 1918 г., Ленин с исключительной четкостью и законченностью дал отчет мировому пролетариату о политике советского государства:

«Когда хищники германского империализма в феврале 1918 г. повели свои войска против безоружной, демобилизовавшей свою армию России, доверившейся международной солидарности пролетариата раньше, чем вполне созрела международная революция, тогда я нисколько не колебался вступить в известное «соглашение» с французскими монархистами.

---

[1] Г. В. Чичерин — «Внешняя политика Советской России за два года», ГИЗ, 1920 г., стр. 19.

И. Майский в своей книге: «Внешняя политика РСФСР, 1917—1922 гг.» изд. «Красная новь», М., 1922, на стр. 45 пишет, что эта конференция открылась в Берлине 20 июня 1918 г.

[2] «Гражданская война», РИО морских сил РККФ, т. 2-й, часть 1-я, стр. 90.

Французский капитан Садуль... привел ко мне французского офицера де-Люберсака. «Я — монархист, моя единственная цель — поражение Германии», — заявил мне де-Люберсак. «Это само собою», — ответил я (cela va sans dire). Это нисколько не помешало мне «согласиться» с де-Люберсаком насчет услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицеры, для взрыва жел.-дор. путей в интересах помехи нашествию немцев. Это было образцом «соглашения», которое одобрит всякий сознательный рабочий, — соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего «партнера». Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников немцев мы использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контринтересы других империалистов.

Мы служили таким образом интересам рабочего класса России и других стран, мы усиливали пролетариат и ослабляли буржуазию всего мира, мы употребляли законнейшее и обязательное во всякой войне маневрирование, лавирование, отступление в ожидании того момента, когда дозреет быстро назревающая пролетарская революция в ряде передовых стран.

И, как бы не выли от злобы акулы англо-французского и американского империализма, как бы ни клеветали они на нас, какие бы миллионы ни тратили на подкуп право-эсеровских, меньшевистских и прочих социал-патриотических газет, я ни секунды не поколеблюсь заключить такое же «соглашение» с хищниками немецкого империализма в случае, если наступление на Россию англо-французских войск того потребует. И я превосходно знаю, что мою тактику одобрит сознательный пролетариат России, Германии, Франции, Англии, Америки, словом, всего цивилизованного мира. Такая тактика облегчит дело социалистической революции, ускорит ее наступление, ослабит международную буржуазию, усилит позиции побеждающего ее рабочего класса» [1].

Последнее замечание Ленина о том, что он не поколеблется заключить определенное соглашение с германскими хищниками против антантовских, вскоре нашло свое практическое преломление. В августе 1918 г. создалась действительно такая обстановка, что активности англо-французских интервентов на русском севере необходимо было быстро противопоставить значительную силу. После одного длительного совместного совещания Ленин уполномочил Г. В. Чичерина обратиться к германскому послу в Москве Гельфериху с предложением совместных действий против Добровольческой армии па юге и антантовских

[1] Ленин, собр. соч., т. 15-й, ГИЗ, М., 1924 г., стр. 407, 408. Разрядка Ленина.

интервентов на севере. Предполагалась посылка германского отряда по соглашению с советским правительством против англо-французов, расположившихся на побережье Белого моря, но внезапный отъезд Гельфериха не дал возможности вести такого рода переговоры[1].

Практика Троцкого и мурманское «честное сотрудничество» показывают диаметрально-противоположный результат тому, который был достигнут Советской республикой под руководством Ленина. Но в 1918 г. это было характерно в основном для центральных районов республики. Окраины же России находились в сфере влияния соглашательских партий. Мурманск и Владивосток показал свое контрреволюционное лицо в начале 1918 г. Единственным исключением из далеких окраин России в этом отношении был советский Баку, Бакинская коммуна, и то в течение непродолжительного времени. Там советская власть также понесла поражение вследствие предательства мелкобуржуазных партий. Однако не в пример Мурманскому совету Бакинская коммуна показала образец беззаветной преданности делу рабочего класса.

16 ноября 1918 г. на чрезвычайном заседании Бакинского совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов совместно с районными советами, судовыми комитетами и военно-революционным комитетом Кавказской красной армии С. Г. Шаумян счел необходимым сделать доклад «о третьей силе». Вопрос этот был поставлен в связи с тем, что среди обывателей и в рядах мелкобуржуазных партий шли разговоры о необходимости приглашения в Баку англичан. Обсуждение доклада было перенесено на следующее заседание 25 июля. Резолюция большевиков, левых эсеров и левых дашнакцаканов, предложенная на этом заседании, получила 236 голосов. Резолюция правых эсеров получила 259 голосов. Таким образом большинством в 23 голоса было постановлено пригласить англичан для защиты Баку от германо-турок.

Телеграмма И. В. Сталина с категорическим запрещением нарушать постановление 5-го всероссийского съезда советов и требованием проводить в жизнь независимую международную политику

[1] «Мировая политика в 1924 г.», изд. Комм. академии, М., 1925 г., статья Г. Чичерина — «Ленин и внешняя политика», стр. 5.

и решительную борьбу с агентами иноземного капитала была зачитана на зеседании 25 июля, но действия не возымела. Бакинский совет народных комиссаров во главе с С. Г. Шаумяном сложил свои полномочия.

26 июля была образована Центрокаспийская директория, которая согласно заранее выработанному плану послала к англичанам гонцов с приглашением.

4 августа 1918 г. английский отряд под командованием полковника Стокса по приказу генерал-майора Л. Денстервиля прибыл в Баку.

Это августовское движение нескольких сот англичан в Закавказье носило в общем характер большого войскового рейда, имевшего целью не столько борьбу с турецко-германскими войсками, сколько обеспечение за собой ценной добычи и создание плацдарма для борьбы с советами. Господство англичан в Баку на этот раз было кратковременным. Войска германской коалиции еще не были раздавлены и турки наседали на Баку. 13 сентября 1918 г. Денстервиль вынужден был закончить выполнение своей миссии и англичане стали эвакуироваться из Баку. А 15 сентября в город вошли турецкие войска.

Английский империализм однако заложил довольно крепкий фундамент в меньшевистском болоте Закавказья. Как августовское занятие англичанами Баку, так и сентябрьская их эвакуация носили исключительно временный характер. Это великолепно понимали и сами английские интервенты. Одна любопытная подробность вскрывает цели Англии на Закавказьи. При эвакуации Денстервилем Баку в сентябре 1918 г. французский полковник Шардиньи предложил англичанам сжечь нефтяные промыслы, но англичане ответили отказом. В данном случае английский империализм руководствовался только своими собственными интересами.

Окончание мировой войны развязало руки Англии в Закавказьи. По Мудросскому перемирию между Антантой и Турцией от 30 октября 1918 г. последняя передавала Баку англичанам. Захват нефтяных богатств России с наименьшими затратами труда и крови — такова была линия поведения Англии. 17 ноября из Энзели вышло несколько пароходов в Баку с английскими войсками во главе с генералом Томсоном. На-

чался новый период в жизни Закавказья, период длительного господства там Англии.

И эта окраина попала в руки соглашательских элементов и империалистов. Только трагическая гибель 26 бакинских комиссаров раскрыла глаза бакинским рабочим, действительно ждавшим английской помощи против германо-турецких войск.

Расстрел «3» в Кеми — первая кровавая страница мурманского «честного сотрудничества», расстрел «26» — вторая, но далеко не последняя, страница такого сотрудничества в Баку.

Таков неизбежный путь соглашательства, по которому шли контрреволюционные элементы Мурманска и Баку. Таков же путь и троцкизма.

На 16-м съезде ВКП(б) в полит. отчете ЦК И. В. Сталин говорил:

«Чтобы обеспечить железное единство партии и пролетарскую дисциплину в ней, надо было прежде всего похоронить организационную теорию троцкизма.

Капитулянтство на деле — как содержание — таково существо троцкизма.

Эта двойственность троцкизма отражает двойственное положение разоряющейся городской мелкой буржуазии, не терпящей «режима» диктатуры пролетариата и старающейся либо перескочить «сразу» в социализм, чтобы избавиться от разорения (отсюда авантюризм и истерика в политике), либо, если это невозможно, — пойти на любые уступки капитализму (отсюда капитулянтство в политике)».

Партия под руководством Ленина преодолела в 1918 г. многие оппортунистические течения в своих рядах и сохранила очаг пролетарской революции.

Дальнейший ход событий с августа по ноябрь 1918 г. проходил под знаком окончания мировой войны, накопления антантовских сил на советской территории, истощения германской коалиции и нарастания революции в Германии. Ноябрьская революция внесла коренные изменения во внешнем окружении Советской России. Австро-германские оккупанты эвакуировали занятые ими районы России, сняли тот военный заслон, который искусственно затормозил территориальное распространение Октябрьской революции. Советская Россия вступила в новый период борьбы с внутренней и мировой контрреволюцией. Антантовский империализм стал единственным гегемоном в белом лагере российской буржуазно-помещичьей контррево-

люции. С окончанием австро-германской интервенции закончился на время период и демократического, мелкобуржуазного движения в России. К концу 1918 г. произошла резкая классовая диференциация в деревне выкристаллизовались две классовые силы — на одной стороне крупная и средняя буржуазия при поддержке зажиточной, кулацкой верхушки деревни, на другой — пролетариат, идущий под лозунгом опоры на деревенскую бедноту и военно-политического союза с середняцкой массой крестьянства.

Первый период вооруженной интервенции в России показал таким образом не только степень устойчивости тех или других интервентов, но и еще больше углубил процесс внутреннего обострения классовых противоречий в России. Мелко-буржуазные демократы уступали место военной диктатуре помещичье-буржуазной контрреволюции. Основная масса крестьянства оказалась ближе к диктатуре пролетариата, хотя колебания ее еще не раз изменяли военное «счастье» республики. Империалисты как одной, так и другой коалиции, бросившие свои войска в Россию, способствовали четкому размежеванию классовых сил внутри Советской республики и этим объективно создали возможность для будущего длительного союза пролетариата с основной массой крестьянства.

Период самой большой военной интервенции, когда на территории России иноземных солдат насчитывалось несколько сот тысяч человек, закончился революцией как раз в той стране, которая имела наибольшее военное «представительство» в Советской России.

Этот период показал также силу внешней и внутренней политики советского государства, он вскрыл основную причину выхода Советской России из Февральского тупика и победы над демократической контрреволюцией.

Железная дисциплина в рядах победившего класса и его партии, беспощадная борьба с оппортунизмом, маневроспособность и революционная решительность — таковы качества диктатуры пролетариата, благодаря которым она выдержала тяжелые испытания первого года своего существования.

Н. Корнатовский.

КРОНШТАДТ И БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ ПЕРЕД МЯТЕЖОМ 1921 ГОДА.

1. ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ (И В ПЕТРОГРАДЕ) НА ОБЩЕМ СОСТОЯНИИ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА. — СНАБЖЕНИЕ КОМАНД ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ, ОБМУНДИРОВАНИЕМ И ДЕНЬГАМИ. — ПИТАНИЕ БОЕВОГО ЯДРА ФЛОТА ТОПЛИВОМ, БОЕВЫМИ ПРИПАСАМИ И Т. Д. — ФЛОТ У СТЕНКИ И ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО ФАКТА ДЛЯ ЕГО БОЕСПОСОБНОСТИ. — ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ЛИЧНОГО СОСТАВА ФЛОТА К НАЧАЛУ 1921 ГОДА (КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФЛОТА ЗА ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ). — ХАРАКТЕРИСТИКА ПОПОЛНЕНИЙ КОНЦА 1920 ГОДА И НАЧАЛА 1921 ГОДА.

Тяжелое экономическое положение страны в конце 1920 года и в начале 1921 года и в частности — петроградской промышленности не могло не отразиться на состоянии Балтийского флота и Кронштадтской крепости. Подвоз продовольствия, своевременное снабжение личного состава флота обмундированием, обеспечение денежными ассигнациями — все это в громадной степени зависело от работы соответствующих учреждений Петрограда, от деятельности швейной, текстильной и других отраслей промышленности. Еще в большей мере зависимость флота и крепости проявлялась от работоспособности судостроительных заводов, ремонтных мастерских, заводов, изготовлявших боевые припасы, многочисленные элементы материальной части и проч. В питании боевого ядра флота и вспомогательных учреждений топливом (дровами, углем, нефтью) Петроград играл так же немаловажную роль. Правда флот и крепость почти целиком находились на снабжении центральных органов, но это обстоятельство не может нисколько умалить указанную нами роль Петрограда в жизни Балтийского флота. Отсюда вполне естественным является тот факт, что топливно-продо-

вольственный и промышленный кризис в Петрограде немедленно сказался на флоте и крепости. В первую очередь конечно отражение кризиса нашло свое выражение в ухудшении питания личного состава. В этом немалое значение играл вопрос негибкости, неповоротливости снабженческого аппарата флота. Бюрократическая машина опродкомфлота работала с перебоями. По данным на 1 января 1921 г. опродкомфлот обязан был снабжать пайками ни много ни мало как 75.559 едоков! Между тем количество моряков в действующем отряде флота и гарнизоне крепости не превышало 25.000, а остальное количество едоков относится к категории обслуживающих флот. Прибывающее продовольствие распределялось в соответствии с наличием едоков в каждой базе. Базовые органы снабжения в свою очередь распределяли по кораблям и частям, исходя из норм, устанавливаемых ежемесячно командующим флотом. Некоторые корабли, в том числе и «Севастополь» и «Петропавловск», а также школа учебного отряда, получали боевой паек. В рапорте от 7 декабря 1920 г. начальник политотдела Кранштадтской морской базы и крепости на имя начальника политуправления Балтийского флота писал:

«Продовольственный вопрос среди команд флота и крепости стоит очень остро. На основании целого ряда заявлений комиссаров видно, что среди команд идет недовольство на почве продовольствия, так как оно обстоит очень плохо. На декабрь месяц многие части не получили ни одного фунта крупы, вместо которой выдано по 10 фунтов гнилого кислого картофеля. Принимая во внимание даже тяжелое положение республики в этом вопросе, думаю, что тут еще кроется то, что лица, стоящие во главе продовольственного аппарата во флоте, или совершенно не проявляют деятельности или не на своем месте. Во всяком случае на это необходимо обратить ваше внимание и предложить им принять меры к их устранению, а также поставить к начальникам опродкомфлота хороших выдержанных комиссаров, которые, я убежден, поправят дело, иначе оно грозит весьма плачевными последствиями, так как в Кронштадте например городской паек нисколько не меньше, в некоторых отношениях даже больше морского, что и подметили моряки, резко критикуя опродкомфлот в бездеятельности» [1].

Паек моряков был значительно лучше пайка петроградских рабочих. Ухудшение питания на флоте шло не за счет сокращения пайка (по крайней мере об этом говорят официальные

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 157 (по описи Пубалта) за 1920 г., л. 20.

документы), а за счет понижения его качества и перебоев в снабжении. Например приказом по крепости (№ 18 от 24 января 1921 г.) на февраль 1921 г. была объявлена норма выдачи продовольствия, вполне достаточная для моряков. Согласно этой нормы полагалось в месяц: хлеб — основной паек 45 фунтов и боевой 60 фунтов, мяса 6 и $7^1/_2$ фунтов, рыбы 7 и 8 фунтов, крупы 6 и $7^1/_2$ фунтов, сахару $2^1/_2$ фунта и т. д., — фактически же в силу переживаемых страной затруднений паек часто своевременно и полностью не выдавался.

«Поступление продуктов самое незначительное, полное почти затишье, приходится жить старыми запасами... За последнее время в связи с прибытием новобранцев осложнился вопрос с выпечкой хлеба. Хлебопекарня, имеющаяся в распоряжении Петроградской базы, сильно перегружена выпечкой, в виду чего иногда появляется ненормальный хлеб... Скверно стоит вопрос снабжения команд овощами» [1].

В течение января и февраля 1921 года питание команд флота и крепости продолжало ухудшаться. Кроме того, что моряки снабжались недопеченным хлебом и недоброкачественным картофелем и отсутствовали свежие овощи, — самоприготовление пищи из наличных продуктов на корабле и в части было поставлено из рук вон плохо. В этом исключительно виновными являлись местные хозяйственники.

Дело с вещевым снабжением флота обстояло несколько лучше, чем, предположим, в частях Петроградского военного округа. Но и здесь квалифицировать положение благополучным никоим образом нельзя. Всякими способами флот форменным образом вырывал у различных центров и главков то партии белья, то обувь или еще что-нибудь.

«В начале года (1920 г. *А. П.*) постановлением центра самостоятельная заготовка обмундирования была отнята у флота и передана во вновь созданную организацию главодежды, а именно—в Петрогубодежду, которая должна удовлетворить потребности флота. Так как организацию надо было создавать, то конечно тормозилось выполнение плана главн. хозяйственного управления для флота... Задержка в срочном изготовлении обмундирования произошла из-за неимения материалов в распоряжении губодежды... Обувь поступает по плану главкожи партиями в 3.000 пар. Хотя есть кризис, но боевые части удовлетворены. С трикотажной фабрики б. Керстена через Центротекстиль удалось получить большое количество белья».

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 201 (по описи Пубалта), лл. 26 и 36.

Так обстояло дело на 1 ноября 1920 г.[1]. Личный состав кораблей действующего отряда обмундированием был обеспечен почти полностью. Значительная часть моряков других частей и кораблей и красноармейцев крепости в феврале 1921 г. не получила обмундирования за 1920 год, а некоторые и за 1919 год. У многих обмундирование износилось и требовало срочной замены, а на складах порта его не было.

В Кронштадтском отдельном стрелковом полку ощущалась острая нужда в обуви «при нарядах приходилось, раздевая одних, обувать других». На самом деле приведенный факт не являлся особенностью стрелкового полка, а имел место также и в других частях.

Жилищные условия моряков были крайне неудовлетворительны. Казармы, как правило, не имели элементарного оборудования. Освещение во многих казарменных помещениях отсутствовало. Водопроводы действовали в виде исключения. Вот сообщение политического управления Балтийского флота от 21 февраля 1921 года в Политуправление Реввоенсовета РСФСР об отряде переходящих команд в Кронштадте:

«Казармы оборудованы плохо. Нет освещения, водопроводы не работают совершенно ни в одном этаже. Военные моряки спят на голых нарах за неимением матрацов. Нет постельного белья, одеял, обмундирования, прачешной. Улучшить быт и условия военных моряков совершенно невозможно»...[2]

Об этом же примерно сообщали из школы подводного плавания, машинной школы, учебно-минного отряда и других частей. Бытовые условия на кораблях не выделялись в лучшую сторону. Запущенность кораблей стала обычным явлением. Необорудованность жилых помещений отражалась на бытовых условиях обитателей кораблей. Недостаточность питания и скверные санитарно-бытовые условия способствовали росту заболеваний во флоте. Еще флот целиком не оправился от цынговой и сыпнотифозной эпидемии, которая свирепствовала в середине 1920 года, как надвинулась угроза новой эпидемии— возвратного тифа.

«За последнее время наблюдается повышенное заболевание возвратным тифом: сентябрь — 18 случаев, октябрь — 143 случая; ноябрь — 194 слу-

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 200 (по описи Пубалта), л. 12.

[2] ЦВПА при ВПАТ, дело № 262; информационный бюллетень ПУРа, № 51.

чая; декабрь — 345 случаев... Сыпной тиф: ноябрь — 14 случаев, декабрь — 84 случая и с 1 по 7 января — 35 случаев... Приезжающие из отпусков заболевают и не приходят через санитарно-пропускные пункты»,—сообщает комиссар Санитарного управления Балтийского флота в сводке за январь 1921 г.[1]

Таково в кратких чертах материально бытовое положение личного состава флота и крепости в начале 1921 года.

Топливом боевые корабли снабжались с большими перебоями. Постановлением Совета труда и обороны республики от 17 ноября 1920 г. была созвана из представителей Петроградского губернского исполкома, командования Балтийским флотом и Петроградского топливного комитета (Петротоп) специальная комиссия по вопросу об обеспечении Кронштадтского военного порта топливом. Обследование запасов дровяного и угольного топлива в Кронштадтском военном порту от 26 ноября 1920 г. показало, что в наличии для флота и крепости имеется дров 5.516 куб. саженей и 110.000 пудов угля. По голодной норме флоту не хватало 600.000 пудов угля. Петротоп за счет группы «водосвет» отпустил Кронштадту 1.400 куб. саженей дров. Обострившийся топливный кризис в феврале 1921 г. сорвал все планы снабжения топливом Кронштадта. Даже больше того — в интересах сохранения Петроградской промышленности флот отдал свои последние запасы нефти. При отсутствии необходимого количества угля корабли приходилось отапливать дровами. В холодные зимние дни команды кораблей принуждены были вместо повышения своей квалификации заниматься почти беспрерывной погрузкой и разгрузкой дров со складов на баржи, то с барж на корабли. Недостаток топлива безусловно сказывался опять таки на бытовом положении моряков. В казармах стоял холод. В учреждениях нередко температура держалась ниже нуля, что не давало возможности нормально вести занятия. Пополнение кораблей действующего отряда боевыми запасами, шкиперским имуществом и пр. было налажено весьма слабо. Выручали здесь старые запасы, которые имелись в наличии на складах порта. Хотя запасы целиком не могли обеспечить потребности флота, но так или иначе этот вопрос

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 143 (по описи Пубалта), л. 40.

особенной остроты не приобретал, имея в виду переход страны к мирному хозяйственному строительству.

Часть кораблей флота в течение зимней кампании 1920—21 гг. стояла на петроградских заводах и кронштадтских доках в ожидании ремонта. Промышленность по понятным для нас причинам не в состоянии была справиться с теми серьезными требованиями, которые к ней предъявлял флот. Корабли требуемого ремонта конечно не получали. Команды ремонтируемых кораблей сами участвовали в работах наравне с рабочими, но производительность их труда в силу материальных лишений и всякого рода недостатков была настолько низка, что не оправдывала затраченной энергии.

Что касается социального облика личного состава Балтийского флота, то постепенно наметился процесс перерождения его старых испытанных в тяжелой борьбе за победу Октябрьской революции кадров. Начиная с первых дней октября 1917 г. по требованию рабочего класса и его партии лучшие, активные пролетарские элементы моряков Балтики бросались то на наиболее опасные участки многочисленных фронтов гражданской войны, то на труднейшие участки строительства первого пролетарского государства — по организации советской власти в самых глухих уголках Республики, то на работу в профес. союзах, хозяйственных органах и т. д. Десятки тысяч балтийцев с беззаветным мужеством сражались на сухопутных фронтах гражданской войны, создавали на речных и озерных театрах флотилии и оказывали этим неоценимую услугу Красной армии в борьбе против контрреволюции. Достаточно указать на роль моряков во взятии Казани у Колчака, Киева у поляков, в обороне Петрограда в 1919 году от Юденича и английского флота, чтобы стало ясно грандиозное значение Балтийского флота, как резервуара стойких борцов, которые с исключительным героизмом боролись на всех труднейших этапах революции за торжество советской власти.

Но роль такого резервуара Балтийский флот мог выполнять лишь до известного предела. И этот предел вскоре наступил. Непрерывное выкачивание активных революционных сил моряков роковым образом стало сказываться на внутреннем состоянии флота уже во второй половине 1920 года. Вся система

комплектования Красного флота в послереволюционные годы (1918—1920 гг.) не обеспечивала пополнения его здоровым, классово-выдержанным и стойким личным составом. Начало процесса постепенного изменения социального состава моряков Балтики можно отнести к середине 1918 года. Тогда указанный процесс только начинался, был еще только в зародыше и поэтому в 1918 и 1919 гг. он не был особенно заметен. После героического ледяного похода боевого ядра Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт (зима 1918 года) флот стал получать пополнения из добровольцев. С объявлением декрета Совнаркома РСФСР (30 января 1918 г.) об организации социалистического рабоче-крестьянского флота (на добровольческих началах) набор желающих служить во флоте производился специально созданной организацией — «бюро по найму». Недостатка в людях, изъявлявших желание попасть на службу в Балтийский флот, не ощущалось. Зачисление на военно-морскую службу проходило весьма легко — достаточно было подать заявление и подписать договор о службе. Почти никаких рогаток «бюро по найму» гражданам, идущим добровольно во флот, не ставило. Политических требований новым «морякам» не предъявлялось, классового отбора не существовало. Сплошь и рядом помимо «бюро по найму» вербовкой во флот личного состава занимались судовые комитеты, пользовавшиеся в тот период огромной властью на корабле.

Свободный доступ добровольцев во флот и партизанщина в комплектовании личным составом отдельных кораблей со стороны судовых комитетов в конечном счете приводила к тому, что во флот просачивались классово-чуждые нам элементы. Перспектива одеть красивую морскую форму и получать приличный морской паек (а в 1918 и 1919 гг. кормили на кораблях хорошо) многих притягивала во флот. Вместе с молодым рабочим, со старым моряком, сросшимся с флотом и готовым отдать свои силы на укрепление красного, социалистического флота, туда нередко попадали и недоучившиеся гимназисты и реалисты, и просто маменькины сынки из «бывших», и дети спекулянтов, и элементы с темным прошлым и т. д. Характерно, что в 1918 году во флот пришел «служить» писарем будущий «вождь» кронштадтских мятежников С. Петриченко. Таким обра-

зом уже в 1918 году, при условии стихийного комплектования флота, начинается засорение личного состава кораблей совершенно случайным, порой даже преступным, элементом. В 1919 году, когда флот уже перешел от добровольчества к обязательной военно-морской службе и на этой основе стал получать пополнения для кораблей и частей за счет плановых мобилизаций, когда «бюро по найму» само собой разумеется уже не существовало, — во флот организованным порядком влилось несколько тысяч человек, главным образом моряков старых годов. Мобилизация 1919 года не дала флоту в качественном отношении хорошего личного состава. Моряки старых годов призыва пришли в подавляющем большинстве из деревни, где они успели «окрестьяниться», и поэтому принесли с собой во флот специфические настроения крестьянства того периода. Кроме того они значительно крепче были связаны с семейством, чем молодежь, что также отзывалось на качестве их, как бойцов. 15 сентября 1919 г. перешло из всероссийского водного транспорта, его Кронштадтского района, в кронштадтскую морскую базу 1.001 человек гражданских моряков. В 1920 году особенно сильно ощущался некомплект личного состава на кораблях. По всему Балтийскому флоту этот некомплект доходил до 60%[1], причем самыми дефицитными специальностями были: кочегарная, машинная, артиллерийская, электро-техническая. Флот требовал новых квалифицированных пополнений. Центр бомбардируется телеграммами и запросами по этому вопросу. Наконец с 11 июня 1920 г. начинает небольшими партиями от 30 до 300 чел. прибывать пополнение из частей Красной армии. За три месяца — июнь, июль и август 1920 г. в действующей отряд флота прибыло 812 человек, главным образом из 1-го Московского полуэкипажа, Нижегородского полуэкипажа и Петроградского военного округа[2]. Кроме того пополнения в крепость и другие части флота из красноармейских частей прибывали отдельно—всего более полутора тысяч человек. Из красной армии сознательно или бессознательно направлялся во флот плохо зарекомендовавший себя красноармейский

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 387 (по описи Пубалта).
[2] Там же, дело № 229 (по описи Учштафлота).

состав, выделялись бывшие дезертиры, недисциплинированные и т. д., т. е. по существу все ненужное и негодное, что находилось в запасных частях. И флот принужден был «квалифицированные» пополнения принимать, ибо в личном составе чувствовалась острая нужда. Приказом РВСР за № 2357 от 24 декабря 1920 г. были объявлены временные правила о приеме добровольцев на военную службу во флот. Добровольцами могли приниматься лица от 17 до 26 лет. Пользуясь этой возможностью, командование стало принимать во флот добровольцев. В штаб посыпались заявления от желающих попасть на военно-морскую службу. Имели возможность попасть и те, кто подал заявления значительно раньше. При одном из отрядов молодняка была организована рота добровольцев. Для характеристики тех, кто шел во флот, небезынтересно ознакомиться с выдержками из их заявлений. Вот один «доброволец» так описывает причину, побудившую его пойти во флот:

«Благодаря тому, что я, как человек, который стремится к приключениям, которые его интересуют... Мне все хотелось куда-то далеко, далеко. Это слово «далеко» представлялось мне: море, большое голубое море с высокими гребнями, — это море не давало мне покоя. Оно напоминало мне то далекое счастье, которое можно отыскать с большим трудом. Я жажду быть военным моряком...»

И этому «моряку» ячейка коммунистов дает, приложенный к заявлению, такой отзыв:

«Вы быть может задалите себе вопрос: «а почему же он беспартийный?», то объясняется очень просто — проживает он беспартийным потому, что он один выделяется из всей молодежи»[1].

Звучит все это как-то анекдотично, но тем не менее заявления с такими мотивами были не единоличны. Многие заявления одним из всяких мотивов поступления во флот указывали на «неимение средств о жизни», «тяжелое семейное положение» и т. д. Некто Марченко в заявлении пишет:

«Окончил 4 класса 6. Ярославского кадетского корпуса. Служил раньше в Гельсингфорсе в Портовой конторе по переписке послужных списков. Прошу, не устроите ли вы меня телефонистом, т. е. для приема и передавания телеграмм, писарем, журналистом и т. д.»[2].

---

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 274 (по описи Учштафлота), лл. 270 и 272.

[2] Там же, дело № 275 (по описи Учштафлота).

Несовершенство системы отбора добровольцев давало возможность попадать во флот уже в первые месяцы (январь—февраль). 1921 года нежелательным элементам. Шла во флот и рабочая молодежь, но в недостаточном количестве... Вполне понятно, что «искатели приключений», бывшие кадеты и прочие элементы, просочившиеся во флот, встретившись лицом к лицу с трудностями морской службы, старались увиливать от учебы, работы, манкировали служебными обязанностями, превращаясь в так называемых «иванморов». Наконец в самом конце 1920 года (сентябрь—ноябрь) флот получил крупное пополнение, которое должно было по мысли командования влить во флотский организм свежую струю. Это пополнение в количестве свыше десяти тысяч человек не оправдало радужных надежд командования. Являясь почти на 80% крестьянским, она сыграло решающую роль в ускорении изменения классового лица флота. Пополнение состояло из мобилизованных жителей юга России и частично казачества Кубанской области. С политической стороны прибывшие новобранцы способствовали значительному ухудшению социально-политической физиономии личного состава Балтийского флота. Из прибывшего пополнения командованием флота было сформировано несколько «отрядов молодых моряков». В отрядах новобранцы должны были пройти строевую подготовку и затем уже влиться частью в боевое ядро флота и частью в школы учебного отряда. Срок строевой подготовки определялся в три месяца. Для того, чтобы иметь более конкретное представление о социальном составе последнего крупного пополнения и его общей подготовки, на стр. 159 приводится таблица, составленная на основе выборочных данных обстоятельных списков молодых моряков 4-го и 3-го отрядов.

Беглый взгляд на эту таблицу [1] обнаруживает чрезвычайно мизерный процент рабочей прослойки среди молодых моряков и крайне низкую грамотность их. Правда таблица не дает точных данных относительно всего пополнения в целом, но основные пропорции оттеняет правильно. 16,1% рабочих

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 242 (по описи Пубалта).

Данные в обстоятельные списки сообщались прибывшими и записывались с их слов, без соответствующей проверки, поэтому в таблицу возможно вкрались некоторые неточности.

для флота в прибывшем пополнении составляет ничтожную величину. К тому же процент лиц, имевших квалификацию токаря, слесаря, машиниста, моториста и других, снижался до 1—2% к общему числу, ибо в число приведенного процента рабочих включены чернорабочие, портные, сапожники и т. д.— 25% неграмотных и 19% малограмотных.

Наименование отрядов и рот молодых моряков	Общее количество молодых моряков в ротах	Профессия			Грамотность		
		Рабочих в том числе (квалифиц.)	Хлебопашцев	Служащих	Грамотных	Малограмотных	Неграмотных
1-я рота 4-го отряда	254	20	227	7	117	22	115
2-я „ „ „	251	60	182	9	109	76	66
3-я „ „ „	253	22	228	3	198	—	55
4-я „ „ „	252	63	184	5	123	81	48
5-я „ „ „	250	13	235	2	129	79	42
6-я „ „ „	237	40	175	22 [1]	99	—	138
2-я „ 3-го „	250	37	199	14	139	79	32
3-я „ „ „	250	69	163	18	159	52	39
3-я „ „ „	250	43	192	15	176	44	30
5-я „ „ „	250	36	203	11	142	61	47
Всего 10 рот	2497	403	1988	106	1391	494	612
В %%	100	16,1	79,7	4,2	56	19	25

В дополнение к приведенной выше таблице следует указать, что в подавляющем своем большинстве состав отрядов молодых моряков был из украинцев. Например в 4-м отряде молодых моряков—1-я рота на 70% состояла из уроженцев Одесской, Подольской и Волынской губерний, 2-я рота—на 80% из одесчан, херсонцев и волынчан; 3-я и 4-я роты — на 90% из киевлян, черниговцев, полтавцев и уроженцев других украинских губерний.

[1] В их число входит один румынский офицер, один преподаватель, один техник и др.

5-я рота — почти целиком из дезертиров Балтского уезда — из Одесщины. В составе рот 3-го отряда молодых моряков украинцы занимали от 60 до 80%. Если взять 1-й отряд молодых моряков, то и там украинцы составляли солидный процент. Особенностью 1-го отряда является то, что там была большая насыщенность кубанскими казаками (особенно 2-я, 3-я и 4-я роты). Родившиеся в 1900—02 гг. к общему числу молодых моряков составляли несколько больше одной трети, остальные относились к 1897—99 гг. рождения. Имеющиеся цифровые показатели относительно годов рождения и места рождения моряков действующего отряда Балтийского флота (на 1 января 1921 г.) говорят о значительной разнице с прибывшими пополнениями. В действующем отряде (ДОТ) уроженцев с Украины имелось 10% к общему числу моряков, уроженцев Севера и Северо-Запада — 28,4%, центральных губерний — 27%, с Волги — 9,6%, из лимитрофных стран (ранее бывших в составе России — Финляндия, Эстония, Латвия, Польша) — около 9%, а по годам рождения моряки ДОТ'а распределялись так: 1898 — 1906 гг. — 24,5%; 1890—97 гг. — 52%; 1880—89 гг. — 17,5% и старше — 6%[1]. Приведенный выше фактический материал, характеризующий прибывшие в конце 1920 года пополнения во флот, целиком подтверждает вывод, что это пополнение ухудшило социально-политическую физиономию военных моряков Балтики и тем самым создавало благоприятную почву для усиления мелко-буржуазной стихии и для работы антисоветских элементов. Прибыв во флот преимущественно из районов, пораженных в гражданскую войну бандитизмом, из районов, где орудовали банды различных батек: Махно, Струка, Маруси, Ангела, Григорьева и др., из районов, бывших под властью Петлюры, вполне понятно, что молодые моряки принесли с собой те анархо-бандитские настроения, которые весьма характерными являлись в то время для украинской деревни. К тому же довольно порядочная часть молодых моряков была выходцами из зажиточных семей, а некоторые из них откровенно называли себя противниками советской власти. Изрядный процент в общей массе прибывших составляли дезертиры и активные участники парти-

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 164 (по описи Учштафлота).

занских и бандитских движений на юге в 1918—20 гг. Первые партии прибывшего пополнения дали больше 20% дезертировавших с дороги (главным образом между станциями Харьков—Курск). Часть пополнения прибыла почти совершенно раздетая, многих приходилось перевозить с вокзала в казармы на подводах. Некоторые из молодых моряков в отрядах долгое время ходили с лампасами, с огромными чубами и производили в общем удручающее впечатление для воинской части. В ряде рот молодые моряки выставляли перед командованием требование обучать их на украинском языке. Такова в кратких чертах характеристика последнего крупного пополнения Балтийского флота.

В течение почти двух лет Балтийский флот систематически пополнялся случайным, наносным, деклассированным элементом, что в сильной степени определяло собой процесс перерождения личного состава и изменение его социального и политического облика к началу 1921 года до неузнаваемости. Флот начала 1921 года был совершенно несравним с флотом 1917 года и даже 1919 года, когда он покрыл неувядаемой славой свою героическую борьбу с белогвардейцами и с империалистическими хищниками.

Пополнение частей Кронштадтской крепости, прибывшее также в самом конце 1920 года, очень мало отличается от пополнения флота. Основной кадр новобранцев — украинцы или, как их называли сторожилы-красноармейцы, — «махновцы» — был политически малонадежен. Например из пополнения в крепости, прибывшего с 6 декабря по 21 декабря 1920 г. в количестве 3.728 человек всего на всего зарегистрировалось 10 коммунистов и лиц командного состава 29 человек[1]. Степень боевой подготовки пополнения командование крепости квалифицировало, как неудовлетворительную.

Одновременно с приходом пополнения шла демобилизация старых годов. Приказом по флоту Балтийского моря от

---

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 549 (по описи Учштафлота).

13 января 1921 г. за № 30 увольнялись все красноармейцы и военные моряки, родившиеся в 1886, 1887 и 1888 гг., а также в 1902 году и моложе, кроме специалистов и некоторых категорий личного состава флота. На 26 февраля 1921 г. крепостные части уже отправили домой 1.102 человека красноармейцев [2]. Что касается командного состава, то в своем большинстве он состоял из старого кадрового офицерства, в частности на руководящих должностях (штабы, командиры соединений, кораблей, дивизионов, фортов и т. д.). По своему социальному положению командный состав так же резко выделялся от массы рядовых моряков — в его составе было не менее 60% выходцев из ранее господствовавших классов (дворян, буржуазии и т. д.). Эта часть командного состава не вся еще целиком солидаризировалась с советской властью и проявляла по меньшей мере аполитичность в своей работе. Выбитые из колеи старых методов военного воспитания они не могли усвоить духа новой классовой вооруженной силы пролетариата. Поэтому политическим воспитателем моряков командный состав старой школы, за небольшим исключением, быть не мог и фактически им не был. Открыто своего несогласия с директивами и приказами высшего командования они не проявляли, придерживаясь тактики: «я только специалист—политика меня не касается», или—«моя хата с краю»... Конечно и среди бывшего офицерства выделялись преданные советской власти командиры, не за страх, а за совесть выполнявшие свой долг перед революцией.

В среду командного состава флота и крепости с каждым годом все в большем и большем числе вкрапливались выходцы из рабочих и крестьян, проявившие свои организаторские и военные способности за период революции и успешно выполнявшие обязанности командиров и специалистов. Нужно отметить, что темп пополнения рядов командного состава выдвиженцами революции был весьма медленным и безусловно недостаточным. В то время как рядовой состав флота и крепости в течение двух лет подвергся почти коренному изменению и значительному обновлению — кадры командного состава Балтийского флота оставались относительно стабильными.

[2] ЛОЦИА, МИА, дело № 549 (по описи Учштафлота).

Балтийский флот в период гражданской войны выделял многочисленные отряды на сухопутные фронты — и против Колчака, и против Деникина, и против англичан на Севере и т. д. Кроме всего этого Балтийский флот в течение 1918 года и особенно героического 1919 года принимал активнейшее участие в вооруженной борьбе с юденичскими бандами и английским флотом, блокировавшим Финский заливи пытавшимся взять Петроград с моря. Здесь Балтийский флот принимал участие в борьбе, как мощный военный организм, как сила, выполнявшая свои специфические задачи.

Стоит восстановить в памяти несколько эпизодов действительно беспримерной борьбы балтийских моряков за 1919 год — решительное подавление белогвардейского неклюдовского восстания на форте «Красная горка», поединок форта «Краснофлотский» с английским монитором «Эребус», потопление английской подводной лодки «L — 55», эскадренного миноносца и ряда других кораблей англичан удачными действиями наших боевых отрядов, отражение атаки английской авиации и торпедных катеров на Кронштадт, стрельбу линейного корабля «Севастополь» по войскам Юденича, трагическую гибель наших трех эскадренных миноносцев, чтобы сразу представить себе исключительную роль Балтийского флота, как боевого собрата Красной армии, с честью выполнившего ответственные поручения рабочего класса и его партии.

1919 год для Балтийского флота был годом боевой страды.

Но вот... Юденич разбит, английский флот в числе, превышающем сотню вымпелов различных классов, ушел из Финского залива, непосредственная опасность миновала и перед Балтийским флотом встали задачи мирного строительства. Начинают всерьез поговаривать относительно перехода флота на трудовой фронт. Идут по этому вопросу споры. Боевой сосед флота — 7-я армия уже была переведена в разряд трудовых армий. Правда дело дальше создания (март 1920 г.) трудовых отрядов Балтийского флота не пошло. Несколько трудовых отрядов моряков работали на Обуховском, Балтийском и Адмиралтейском судостроительном заводах, а другие отряды — на кораблях. Летнюю кампанию 1920 года флот проводил на приколе. Минная бригада «оморячивалась» на большом Кронштадтском рейде

без паров и света. Почти единственным видом учебно-боевой подготовки были ночные походы на вельботах под парусами за картошкой на Ораниенбаумский берег. Тоннаж флота уменьшался, личный состав в условиях свирепствовавшей цынготной и сыпно-тифозной эпидемии терял свои боевые качества. Флот шел по пути неуклонного упадка. Боевое бездействие флота, переключение боевого заряда энтузиазма и революционного порыва, который поддерживался в период непосредственных столкновений с классовым врагом, на трудовой заряд, на работу, приближенную к условиям мирной обстановки, способствовало упадку его боеспособности. Уже один факт, взятый сам по себе, что флот в силу целого ряда обстоятельств принужден был в бездействии стоять у стенки — в сильной степени отражался на моральной устойчивости личного состава, умаляя боевую бдительность и выдвигая на первый план вопросы личного и даже шкурного характера. «Флот у стенки» — «флот без паров» — «флот на приколе» — все это психологически действовало на старого моряка, привыкшего с мужеством и геройством драться за интересы пролетарской революции. Лучшая часть из них уходила добивать Врангеля, помогать Красной армии расправиться с польскими панами и всякого рода бандами (Махно и др.).

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ЛИЧНОМ СОСТАВЕ В СВЯЗИ С ЗАТРУДНЕНИЯМИ В СТРАНЕ, ОТПУСКАМИ И ПИСЬМАМИ ИЗ ДЕРЕВНИ. — «УРА-РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ» МОЛОДЫХ МОРЯКОВ. — ТИПЫ «ЖОРЖИКОВ» И «КЛЕШНИКОВ». — ДИСЦИПЛИНА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЯДОВОГО И КОМАНДНОГО СОСТАВОВ ФЛОТА. — МЕШЕЧНИЧЕСТВО.

К концу 1920 года политические настроения среди личного состава Балтийского флота и крепости значительно ухудшились. Это ухудшение политических настроений ни в какой степени нельзя объяснять исключительно материальными недостатками и бытовыми неполадками, как это пытались делать некоторые комиссары и политические органы флота. Справедливо то, что на флоте остро чувствовались переживаемые страной хозяйственные трудности, что часто моряки недоедали, недополучали положенного им обмундирования, жили в скверных бытовых

условиях. Основная причина лежит не в этом, а главным образом в изменении классового состава моряков. Благодаря отмеченным нами выше процессам постепенного насыщения флота мелкобуржуазными, крестьянскими, люмпен-пролетарскими элементами значительно возрастало влияние на личный состав Балтийского флота деревни и мелкобуржуазной части города.

Недовольство крестьянства политикой военного коммунизма принимало все более острые формы. Окрестьянившийся флот через десятки и сотни путей воспринимал жалобы крестьянства. Влияние деревни сказывалось на настроении личного состава флота. Характерные для крестьянства колебания в отношении к политике советской власти в той или другой форме быстро находили свое отражение в массе моряков. Мелкобуржуазная стихия успешно наступала на революционную цитадель — Балтийский флот, личный состав которого теперь имел прочную неразрывную связь с деревней, о чем с несомненностью говорит его социально-политическая характеристика. Во флот шел непрерывный поток писем из деревни, в которых изливалось недовольство на продразверстку, на неправильные действия местных властей, на бюрократизм в учреждениях и т. д. Содержание писем обычно становилось достоянием не только адресата, но и целой группы моряков, совместно живущих друг с другом на корабле. Иногда содержание писем доходило до политических органов, куда моряки обращались с заявлениями и просьбами оказания содействия. Количество поступивших заявлений в бюро жалоб при политическом управлении Балтийского флота в конце 1920 года и в январе — феврале 1921 года дало скачек вверх.

«Товарищи, обратите внимание на мой зов. Я, военный моряк Красной Балтики, служа во флоте с 1914 года и стоя в интересах рабоче-крестьянского правительства и защищая от нападков разных гадов, обращаюсь как к защитникам правды... волостной комиссар К. отобрал у нас последнюю и единственную лошадь, отец после этого был арестован», — писал один моряк в бюро жалоб.

Выяснилось впоследствии, что лошадь взята в семье моряка без всяких оснований, причем перед этим незадолго эта лошадь была отобрана у кулака и передана для пользования семье моряка. Или вот военный моряк с линейного корабля «Петропавловск» в жалобе от 29 ноября 1920 г. указывает:

«Хозяйство наше обыкновенное, не кулацкое и тунеядское, если мы служа с братом в Советской республике, и по окончании службы возвратимся к разбитому хозяйству, — эти же люди будут смеяться над нами: «За что же вы служили и что вам дала Советская республика!?».

Хозяйство жалобщика, у которого отобрали корову на мясо и арестовали отца на трое суток, назвать бедняцким ни в какой мере нельзя, ибо в хозяйстве имелось 4 коровы, 1 лошадь, 3 — 4 овцы. В заявлениях, поданных в бюро жалоб главным образом моряки указывали на реквизицию скота, непредоставление льгот семьям и пр.

Флот имел связь с деревней не только через письма. Ежедневно почти десятки моряков уезжали в отпуска, главным образом в деревню и когда возвращались обратно на корабль, то злободневной темой для разговоров в кубриках было: «как живет деревня». Обычно рассказы отпускников преувеличивались, рисовались в слишком мрачных красках, что без сомнения отрицательно действовало на настроение моряков. Поэтому тяга в отпуск усиливалась. Правдой и неправдой моряки старались попасть в деревню и собственными глазами посмотреть, что там делается, и проверить своих товарищей. А так как на кораблях находились уроженцы различных районов Советской России, то понятно, что разговоры по «деревенскому» вопросу превращались в обмен сведениями о положении крестьянства и политике советской власти в разных уголках страны. После таких «дискуссий» у моряков слагалось превратное мнение о коммунистической партии, так как виновниками тяжелого положения деревни многие считали коммунистов.

Как увидим дальше, партийные организации и политаппараты на кораблях и в частях были настолько слабы, что не могли правильно ориентировать массу в положении Республики и проводимой политике партии. Материальные лишения, скверные жилищные условия, плохое питание и другие бытовые вопросы, которые всплывали и повседневной жизни, служили иногда поводом для открытого выражения недовольства. Следует оттенить роль штаба коммунистического флота, которую он играл в создании отрицательных настроений в массе военных моряков.

«В то время, когда флот голодал, когда флот в буквальном смысле жил на капустных листах, в это время штаб флота, который прибыл

с Востока, питался прекрасно, готовил обед из трех блюд и делал это совершенно открыто на глазах флотских масс, как бы рекламируя полное благосостояние. Это создавало известную базу недовольства и те, кто ходил мимо «Кречета» [1], видели там, как выставляли фунты масла, риса и пр., — это создавало известную ненависть к этому штабу и те, кто был во флоте, помнят, что одно название «штаб» вызывало злобу не только у низов, но даже у партийных организаций»[2], — рассказывает бывший комиссар линейного корабля «Гангут» (в период Кронштадтского мятежа).

О недовольстве команд штабом по причинам, изложенным выше сообщали некоторые комиссары в своих сводках. Политические настроения масс постепенно наростая оформлялись в виде отдельных, на первый взгляд незначительных, выступлений на кораблях и в частях. Особенную остроту приобретал вопрос об отпусках, вокруг которого разгорались страсти моряков.

Из деревни кроме писем с жалобами шли на имя командования кораблей многочисленные телеграммы о смерти родственников, о пожарах и других чрезвычайных происшествиях, по тому же поводу присылались удостоверения, заверенные местными властями. Секрет огромной эпидемии «смертей», «болезней», «пожаров» и т. д. легко вскрывается тем положением, что она была целиком связана с отпуском того или другого моряка на родину. Содержание 99% телеграмм и удостоверений было наполнено ложью. Цель — помочь своему сыну, брату, мужу попасть на родину в отпуск. При проверке обнаруживались курьезы, когда в телеграмме например говорилось о «смерти» отца, на самом деле давно умершего, или болезни жены, которой на самом деле в природе не существовало. Вопрос об отпусках имел еще и другую сторону, а именно — использовать поездки в деревню для улучшения питания команды. Командование флота разрешало только 2-процентный отпуск с кораблей, что конечно не удовлетворяло моряков и вызывало среди них недовольство. Даже когда процент отпусков был увеличен до 5, то и тогда недовольство не улеглось. На линейном корабле «Севастополь» в декабре 1920 г.

---

[1] Штабной корабль.

[2] НИС ОСО ВПАТ. Стенограмма вечера воспоминаний о Кронштадтском мятеже, стр. 7.

«среди команды было брожение по поводу отпусков, которое выражалось в самостоятельном созыве ротных собраний, на которых команда отказывалась от 5% отпусков, требуя увеличения, протестовали против отсутствия на собраниях Ф. Ф. Раскольникова или его заместителя и требовали созыва бригадного совещания» [1].

На том же корабле

«во время кино-сеанса требовали созыва общего собрания команды и вызова на таковое комфлота т. Раскольникова. Причина — слабый продовольственный паек. В этот день многие отказались от получения обеденного супа, которой был приготовлен, как всегда, из ячневой крупы без мяса. Циркулировали в команде определенные требования увеличения пайка или больше увольнять в отпуск, чтобы за счет уехавших команда могла лучше питаться» [2].

«Победитель» и «Азард» вынесли резолюции с требованием 20% отпусков. В связи с демобилизацией отпускные настроения усилились. Насколько серьезное значение придавалось вопросу об отпусках со стороны некоторой части руководящих товарищей, показывает факт созыва совещания ответственных политических работников 187-й бригады, начальников Ораниенбаумского, Лебяжского и Петергофского особых пунктов, председателя Краснофлотского военного трибунала и начальника политического отдела. На совещании (10 декабря 1920 г.) стояло два основных вопроса: отпуска и демобилизация. Особый интерес представляют прения. Комиссар форта «Краснофлотский» указывал, что

«не вполне надежным элементом являются кубанцы, имеющиеся в некоторых частях, на которых надежды безусловно мало; в случае какого-либо в о с с т а н и я (разрядка наша. *А. П.*) возможно присоединение с их стороны... Чтобы демобилизация прошла более спокойно, желательно увеличить процентную норму отпусков до 10 вместо 2».

Комиссар 1-го морского дивизиона высказывал соображения, что его часть вполне надежна и «восстание дивизиона вряд ли возможно». Состояние 560-го полка комиссар охарактеризовал, как благополучное, ибо «ропота о малом проценте отпусков нет», весь полк состоит из украинцев, которым регулярно из

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, дело № 714, л. 848.

[2] ЛОЦИА, МИА, дело № 189 (по описи Цубалта), л. 196.

дома высылают посылки. Другое положение, по заявлению комиссара, рисовалось в 561-м полку:

«Команда малодушна... Наблюдается дезертирство, которое вызывается письмами с родины, получаемыми красноармейцами; содержание таковых сводится к тому, что дома-де не все благополучно... приезжай скорей и т. д.».

Комиссары 1-го отряда молодых моряков 1-го воздуходивизиона констатировали малую надежность их частей и высказывались за 10% отпуска. В результате совещание вынесло следующее постановление:

«Ходайствовать перед комфлотом через Пубалт об увеличении процентной нормы отпусков до десяти, согласуясь с общим настроением команды всех частей. Причем желательно, чтобы эти 10% отпуска распространялись на годы, не подлежащие демобилизации. Таким образом красноармейцы молодых годов будут отчасти удовлетворены и при объявлении демобилизации таковая пройдет спокойно» [1].

Здесь важно подчеркнуть одно, что, учитывая настроения моряков и красноармейцев южного побережья Финского залива, руководство определяло в большинстве части в политическом отношении ненадежные и своевременно сигнализировало об опасности в Пубалт. То, что мятежники не имели успеха на форту «Краснофлотский» и в других частях южного побережья, нужно отнести за счет своевременно принятых мер со стороны местного руководства к ликвидации отрицательных настроений и большего внимания к партийно-политической работе. К концу 1920 года относится также движение среди латышей и эстонцев-моряков за скорейшую отправку их на родину. Процент эстонцев и латышей в Балтийском флоте равнялся примерно 5—6. Значительное количество их находилось на линейных кораблях «Севастополь» и «Петропавловск». Комиссары этих кораблей сообщали о массовом желании эстонцев и латышей оставить службу, что «вносит деморализацию в команду и дезорганизацию в корабельную жизнь». Явление такого порядка замечались и на других кораблях [2].

Списанные с кораблей в Рабоче-конвойный отряд латыши и эстонцы категорически отказывались исполнять работы. Были

---

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 194 (опись Пубалта).

[2] Там же, дело № 157, л. 5.

попытки самовольного перехода с их стороны границы Латвии и Эстонии. Впоследствии из желающих уехать на родину латышей, эстонцев и других в Стрельне командование флота организовало отряд особого назначения. В январе и феврале 1921 г., благодаря обострению экономического кризиса в стране, политические настроения моряков стали выливаться в форму глухого массового недовольства командованием и политическими органами. Среди моряков тон задавала главным образом молодежь. Молодые моряки кичились своей «ура-революционностью». Они считали себя «гордостью революции». Выступая на собраниях они били себя в грудь (знаменитое: «За что же мы боролись?») и требовали от имени «всех моряков» улучшения положения или проведения какого-либо мероприятия. Будучи в основе своей анархически настроенными, при общей политической безграмотности они являлись по существу рупором тех, кто скрывался порой за их спиной — кулак, анархист, эсер, меньшевик, а то и прямой белогвардеец. Эта молодежь с анархическими наклонностями восприняла от старых моряков самые отрицательные стороны быта (пьянство, картежная игра, излишняя удаль, грубость и т. д.), другими словами она старалась подражать старым морякам внешне во всем, совершенно опуская из виду огромное революционное содержание их прошлой борьбы, забывая о революционной стойкости и преданности делу пролетарской революции старого поколения моряков.

Общеизвестна огромная роль моряков в революционном движении России. С именем моряков Балтийского флота связаны почти все крупнейшие выступления рабочего класса, начиная с 1905 года по октябрь 1917 года.

Начиная с 1906 года по 1910 год в революционном движении приняло участие 45.000 матросов, из которых 149 было приговорено к смертной казни, а около 6.000 человек получили различные наказания (каторга, крепость, тюрьма и т. д.).

В 1912 году моряки-балтийцы готовили новое, более организованное и подготовленное, восстание, но нашелся предатель, который раскрыл планы революционеров. Опять каторга и арестантские роты поглотили моряков.

Против офицерства в 1915 году восстали матросы линейного корабля «Гангут».

1915 года большевизм стал все больше проникать в гущу матросских масс, создались на кораблях партийные ячейки. В Февральской революции 1917 года моряки-балтийцы показали себя стойкими защитниками интересов рабочего класса; под руководством большевистской партии вели борьбу с буржуазным правительством Керенского. Дальше, как в подготовке к Октябрьскому восстанию пролетариата (июльская демонстрация, корниловщина и т. д.), так и в процессе самого восстания 25 октября ст. ст. 1917 г. (исторический выстрел «Авроры», взятие Зимнего дворца и других гнезд контрреволюции) балтийцы были прочной опорой большевистской партии и ее военной организации. Недаром В. И. Ленин в своей статье «Советы постороннего» от 20 октября ст. ст. 1917 г. выдвигал Балтийский флот, Кронштадт и матросов на одно из первых мест в восстании в противовес «буржуазной гвардии» (юнкеров) и «вандейских войск» (часть казаков), называл флот «передовым отрядом» — «блестящим образцом творческих возможностей» в создании государственного аппарата. Как мы знаем, что и в гражданской войне (1918 — 19 гг.) балтийцы полностью оправдали надежды трудящихся. Моряки формации 1917 года по праву могут считаться «гордостью революции».

Таких моряков в 1921 году во флоте осталось мало, их заменила молодежь, пришедшая из деревни и мелкобуржуазных слоев города. И эта молодежь возомнила себя «солью земли». Болезненная самовлюбленность мелкого буржуа, крикливая революционная фразеология присуща была горлопанам из «молодых» того периода. Из молодых моряков получались также особые типы — «жоржиков», «иванморов» и «клешников», стяжавшие себе «славу» на всю советскую республику мешечничеством и спекуляцией. Имевшийся на флоте здоровый элемент, преданный Советской власти, растворялся в общей массе и в достаточной степени себя не проявлял. Моряки формации 1921 года были и иные — для них интересы пролетарской революции были не важны, за то интересы своего кармана, интересы своего хозяйства выпирали на первый план. Поэтому было бы большой ошибкой отожествлять моряка 1917 года с моряком 1921 года — между ними дистанция огромного размера.

Дисциплина в Балтийском флоте к началу 1921 года стояла на

крайне низком уровне. Плохое снабжение команд кораблей и частей флота, ухудшение качества личного состава и усиление политически вредных настроений в нем само собой разумеется влияло на дисциплину. Вот характеристика караульной службы в крепости, изложенная комендантом крепости в приказе № 9 от 12 января 1921 г.:

«За последнее время участились случаи нарушения устава гарнизонной службы РККА не только рядовыми красноармейцами, но и командным составом. Наблюдается расхлябанность и халатность при исполнении обязанностей караульной службы... Караульные начальники и их помощники... позволяют часовым, стоящим на постах, снимать аммуницию и спать... Часовые, находясь на посту, позволяют себе курить, о чем свидетельствует масса окурков, сидеть в будках, ходить с винтовкой, имея ее на ремне, не спрашивают у посторонних лиц, проходящих в расположение их поста, пропуска, портят сознательно сигнализацию и постовую одежду»...

На кораблях расхлябанность и халатность свила себе прочное гнездо. Моряк воинского вида не имел. Форму носил, кто какую вздумает: клеш огромных размеров в сочетании с казацким чубом был в моде. Невыполнение приказаний на кораблях стало почти обыденным явлением. Например в 1-м отряде молодых моряков 25 чел. отказались итти на погрузку дров. Дезертирство и самовольные отлучки росли из месяца в месяц. 20% всех дел, поступавших в военно-морские революционные трибуналы, падали на дезертирство. Партийцы в общей массе, как наиболее дисциплинированная часть моряков, не выделялись. Во флоте была сильно развита картежная игра. На кораблях можно было наблюдать даже в служебное время группы игроков, где-нибудь в укромном уголке. Со стороны командования кораблей для борьбы с картежниками применялся особый метод — поливание из шлангов тех уголков, куда забирались игроки. Партийцы сплошь и рядом являлись участниками картежной игры. Пьянство не считалось проступком и против него решительной борьбы не вели. Спекуляция и мешечничество имели некоторое распространение среди моряков — этими делами занимались особенно «молодые» моряки. Десятки дел проходили через трибунал не только о спекуляции, но и о промоте казенного обмундирования. Иногда в спекулятивных целях некоторые лица шли на преступления (подделка докумен-

тов, растраты и т. д.). Предметами спекуляции являлись главным образом продукты питания — хлеб, масло, сахар и т. д. Иногда под видом самоснабжения процветала самая неприкрытая спекуляция. Для улучшения питания команд кораблей и частей последним разрешалась посылка организованным порядком специальных групп с целью привоза на корабль различных продуктов. Например в штабе флота производилась запись по паям для поездки организации в Симбирскую губернию за картофелем (261 руб. — один пай), за яблоками (120 руб. пай), за маслом (430 руб. пай) и т. д., причем можно было записываться не более как на четыре пая и не менее $1/4$ пая [1]. Таких организаций по флоту создавалось много. Под видом «организаций» работали одиночки-моряки. «У одного военного моряка, обвиняемого в спекуляции отобрано 21 фунт масла и 18 фунтов сахару» [2].

Спекулировали табаком, мануфактурой, спиртом—вообще, чем можно. Мешечничество и спекуляция охватывали численно незначительную часть моряков, но отметить это явление надо, как весьма характерное для военной организации в период ее упадка. Взаимоотношения рядового и командного состава на кораблях флота можно определить в основном, как ненормальное. В течение 1919 и 1920 гг. происходила масса недоразумений, ликвидировавшихся с большими усилиями. Между рядовыми моряками и командным составом, принадлежавшим ранее к господствовавшим классам, существовало средостение взаимного недоверия, основанного по существу на классовой вражде друг к другу. В повседневной жизни это проявлялось во-первых — со стороны моряков в подозрительном и недоверчивом отношении к бывшим офицерам, во взглядах на них как на врагов, и во-вторых — со стороны командного состава в нейтрализме, в аполитичности, в замкнутой жизни и в безразличном, казенном отношении к порученным обязанностям.

Командный состав не принимает никакого участия в политической жизни корабля, его совершенно не видно в свобод-

---

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 424 (по описи Учштафлота).

[2] ЦВПА при ВПАТ, дело № 862; бюллетень ПУРа № 27.

ное время беседующим с моряками на палубе или в курилках, он живет своей особой жизнью, относится к своему делу без надлежащей энергии, не имеет стремления подготовить свой корабль в боевом отношении наилучшим образом — таковы обвинения, предъявляемые командному составу в ряде документов того периода. Часть командного состава не примирилась с мыслью долговременного существования советской власти, она питала надежду на ее скорое падение, порой выявляя свою физиономию антисоветскими выходками. Среди командного состава наблюдались случаи грубости и даже рукоприкладства по отношению к подчиненным им красноармейцам.

«В виду повторяющихся случаев превышения начальниками дисциплинарной власти, грубого и оскорбительного обращения с подчиненными им лицами, в последний раз напоминая начальникам всех степеней §§ 26 и 44 устава дисциплинарного, предупреждаю, что впредь всякое нарушение устава, как превышение власти, так и грубое и оскорбительное обращение начальников с подчиненными, буду преследовать со всей строгостью законов, предавая виновных суду Ревтрибунала».

Так реагировало командование крепости на указанные случаи, отдав специальный приказ (8 января 1921 г. № 6).

Натянутость во взаимоотношениях командного и рядового состава флота и крепости существовала вплоть до мартовских событий 1921 года в Кронштадте.

3. СОСТОЯНИЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ВО ФЛОТЕ И В КРЕПОСТИ. — ХАРАКТЕРИСТИКА ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗА 1920 ГОД. — ДИСКУССИЯ «О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ» ВО ФЛОТСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ.—«ВЕРХИ» И «НИЗЫ» В ПРИМЕНЕНИИ К ФЛОТУ. — «ОППОЗИЦИЯ» К ПУБАЛТУ. — ПЕТРОГРАДСКИЙ ГУБКОМ РКПб И ПУБАЛТ. — 2-Я ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА.

Партийная организация Балтийского флота и Кронштадтской крепости в течении 1920 года пережила ряд тяжелых испытаний. Ей приходилось работать в чрезвычайно сложных условиях, особенно в конце 1920 года. Какие условия были для ее работы, мы знаем из предыдущего. Партийная неделя 1919 года в несколько раз увеличивала численный состав партийной организации. В среднем по коллективам это увеличение доходило от 2 до 7 раз. Рост партийной организации правда очень медлен-

но продолжался до самой перерегистрации. На февраль 1920 года по флоту и крепости насчитывалось 9.760 партийцев и на сентябрь того же года — 9.814. За 7 месяцев партийная организация выросла только на 54 члена. Молодые партийцы внесли в жизнь партийных коллективов много личных и шкурных моментов. Последние оказались совершенно неподготовленными для того, чтобы переварить даже эту массу партийной «молодежи» и должным образом поставить воспитательную работу среди них. В коллективах в это время царила сумятица и неразбериха, проявлялись элементы анархизма. Старые члены партии, не достаточно учитывая создавшуюся обстановку и поддаваясь сами анархическим настроениям, тем самым обостряли положение в партийной организации. На партийных собраниях выносились резолюции, отражавшие болезненное состояние партийной организации, ибо в них порой оформлялись требования беспартийных. Партийные коллективы требовали созыва общефлотской партийной конференции. Первая партийная конференция под напором партийных масс и при поддержке военного отдела Петроградского комитета РКПб была созвана 7 марта 1920 г. Пубалт не соглашался на ее созыв и только после того, как конференция уже стала собираться, согласился. На этой конференции вскрылась удручающая картина состояния партийной и политической работы во флоте. Заседания ее проходили бурно, атмосфера накалялась недоговоренностью между политическим отделом Балтийского флота и Петроградским комитетом РКПб. Конференция единодушно выступала против руководства политического отдела и только благодаря вмешательству Петроградского комитета РКПб острота разногласий между низовыми партийными организациями и политическими органами была сглажена.

Конференция в своих решениях отметила: ненормальные взаимоотношения между Реввоенсоветом и политическим отделом Балтийского флота; между политотделом — с одной стороны и его политорганизациями баз и комиссарами баз, особенно комиссаром Кронштадтской базы, — с другой; слабость партийной работы; отсутствие четкой и постоянной связи политического отдела Балтийского флота с кораблями и частями флота и т. д. Первая партийная конференция Балтики только зафиксировала

недочеты, но не устранила их. В достаточной мере урок, данный конференцией в последующей работе руководящих органов, был не учтен и надлежащих выводов сделано не было. Омолодившаяся почти на 80% партийная организация переживала так называемую болезнь роста. В сентябре 1920 г. во флоте проводится перерегистрация партийной организации, которая закончилась 25 октября того же года. В результате перерегистрации оказалось выбывшими и исключенными из партии: по Кронштадтской морской базе и крепости — 27,6%, по Петроградской морской базе — 19,7%, по 187-й стрелковой бригаде — 17,3%, по Шлиссельбургской базе — 15%, и по Обладозеру — 18,3%. В общем выбывшие и исключенные в организации Балтийского флота составляли 22,7%. Причины выхода такого количества членов из партии объясняются тем, что после подавления банд Юденича и перелома на южном Деникинском фронте в 1919 году авторитет РКПб достиг наивысшего предела. Когда была открыта партийная неделя, очень многие моряки бросились в партию. Среди них попали и такие, которые желали получить только выгоды и привиллегии. Столкнувшись же с партийной дисциплиной, они увидели, что коммунист никаких привиллегий не получает, а наоборот должен работать не покладая рук. Они не пожелали связывать себя с партией и решили выйти. Часть из выбывших принадлежала к другим национальностям и пожелала уехать на родину в Латвию и Эстонию к своим семьям. Кроме того были выброшены все негодные элементы, тормозившие работу и пачкавшие достоинство коммуниста.

«Весь шкурный и колеблющийся элемент сбежал сам, а частью выброшен. Коммунистический корабль Балтийского флота выбросил лишний груз за борт и теперь облегченный от балласта быстрей помчится к своей заветной цели—международной коммунистической революции» [1].

Так объясняет причины большого отсева во время перерегистрации официальная статья-отчет центральной тройки по перерегистрации членов РКПб организации Балтийского флота. Сразу же после перерегистрации (конец сентября 1920 г.) партийная организация Кронштадтской морской базы и крепости насчитывала только 2.227 человек партийцев. С точки зрения

[1] Газета «Красный Балтийский флот», № 120/208 от 20 ноября 1920 г.

качественной характеристики она представляла следующую картину: 1) социальный состав организации: рабочих — 28,3%, крестьян — 66,7% и прочих (интеллигентов и торговцев) — 5%; 2) партийный стаж: до февраля 1917 г. — 0,3%, с февраля по октябрь 1917 г. — 3,9%, с октября 1917 г. по январь 1919 г. — 7,7%, с января 1919 г. по октябрь 1919 г. — 11,8%, с октября 1919 г. по январь 1920 г. — 64% и в 1920 г. вступивших — 12,3%; 3) по возрасту: от 18 до 23 лет — 27,9%, от 24 до 30 лет — 57,8%, от 31 до 40 лет — 12,8% и свыше 40 лет — 1,5%; 4) по образовательному цензу: сельское — 83,5%, городское — 8,1%, среднее — 8% и высшее 0,4%; наконец 5) по национальности: русских — 89,4%, эстонцев — 2,6%, латышей — 2,8%, поляков — 1,1%, украинцев — 2% и остальных 12 национальностей — 2,1% [1].

Из приведенных выше цифр можно сделать выводы следующего порядка: а) партийная организация Кронштадтской морской базы и крепости в подавляющей части своих членов была крестьянской — 60,7% крестьян и 5% прочих. Рабочая прослойка была чрезвычайно слабая: б) опыт партийцев был незначителен, ибо организация на 76,3% состояла из товарищей, вступивших в партию с октября 1919 г. по сентябрь 1920 г., т. е. по существу они не имели даже годичного партийного стажа. Эти основные выводы дают нам ключ к пониманию причин неустойчивости партийной организации Кронштадтской морской базы и крепости накануне и в период Кронштадтского мятежа и слабой постановки партийной работы вообще.

Что касается партийной организации 187-й стрелковой бригады и укрепленного района Финского залива, то изменение, происшедшие за период перерегистрации членов партии, показывает приводимая дальше в верху страницы 172 таблица.

В осенние и зимние месяцы 1920 года организации РКПб в Балтийском флоте пережили болезненную дискуссию «о верхах» и «низах».

Эта дискуссия началась в Москве перед 10-й Всероссийской конференцией РКПб (22 — 25 сентября 1920 г.) и очень быстро

[1] ЛОЦИА, МИА, дело № 195 (по описи Пубалта), л. 92.

Наименование частей	До перерегистрации		После перерегистрац.		Исключено		Переведено в кандидаты	В командировках	
	Членов партии	Кандидатов	Членов партии	Кандидатов	Членов партии	Кандидатов		Членов партии	Кандидатов
Политотдел, штабриг, 560-й и 561-й полки и бригадные учреждения	183	65	164	60	11	3	4	3	2
Форт „Краснофлотский" со всеми учреждениями	478	59	379	41	66	16	4	37	3
1-й воздуходи изион, 21-й воздухоотряд и Петродивизион	115	6	95	6	18	—	—	2	—
Ижорские жел.-дор. рабоче-конвойный отряд и с роительство форта „Краснофлотский"	108	16	70	11	31	5	—	1	—
Кавалерийский эскадрон . . .	3	10	2	4	—	1	—	1	5
Итого	897	156	710[1]	122	126	24	8	44	10

перенеслась в Балтику. Здесь, особенно в Кронштадте, на бурных собраниях партийных коллективов партийная масса обсуждала этот вопрос. В большинстве обсуждение шло не по верному пути — по пути мелочной, нездоровой критики, мелочной придирки к ответственным партийцам. В результате вместо разъяснения существа вопроса, причин существующего неравенства и возрождающегося бюрократизма в советских и хозяйственных учреждениях дискуссия способствовала более резкому противопоставлению «верхов» «низам», одной части партийцев другой. И даже после решений сентябрьской Всероссийской конференции РКПб, которая указала, что,

«различая членов партии лишь по степени их сознательности, преданности, выдержанности, политической зрелости, революционной опытности, готовности к самопожертвованию, партия борется со всякими попытками проводить различия между членами партии по какому-либо другому признаку: «верхи и низы, интеллигенты и рабочие, и т. д.»

[1] Кроме того: 1 убыл на фронт, 1 умер, 4 перерегистрировались в партийном комитете и 3 выбыли на родину.

Среди партийной организации моряков продолжалось противопоставление «верхов» и «низов». Делегатские собрания членов РКПб по базам, прошедшие в конце ноября 1920 г. (с 23-го по 30-е числа), одним из основных вопросов обсуждали «текущий момент и очередные задачи партийного строительства в Балтийском флоте», причем в этих обсуждениях вопрос о «верхах» и «низах» занимал видное место. В этом направлении делегатские собрания баз предлагали:

«Регулярно не реже двух раз в год созывать конференции моряков и красноармейцев Балтийского флота; ближайшую конференцию созвать не позднее 4 января 1921 года. Базовые конференции созывать не реже одного раза в два месяца и обязывать докладывать на них о своей работе комиссаров баз и прочих ответственных работников. Немедленно в политическом управлении снять с постов не меньше пяти ответственных работников, главным образом штабов и учреждений и отправить в массу в части. В целях борьбы с бюрократизмом и «оспециванием» работников — не держать дольше 6 месяцев на одной и той же должности и установить регулярную смену между ответственными работниками политических отделов и комиссарами... Принимая во внимание особое значение Балтийского флота для мировой социальной революции, поставить вопрос о создании учреждения для подготовки из моряков и красноармейцев — политических работников заграницы...» (из резолюции делегатского собрания членов РКПб укрепленного берегового района южного побережья Финского залива и 187-й отдельной стрелковой бригады).

«а) Согласно с духом постановления Всероссийской партийной конференции необходимо иметь избранную комиссию для партийного контроля и разбора жалоб при ликвидации явлений «верхов» и «низов»; б) помимо идейных мер борьбы и для действительного устранения явлений «верхов» и «низов» необходимо, чтобы ответственные работники получали усиленный паек лишь по заключению врачебной комиссии; в) денежные оклады комиссарам установить по их специальности, а не по особым ставкам.. Выдвигать ежемесячно 15% свежих работников, в списках коих указано, на какую работу коллектив их рекомендует» (из резолюции делегатского собрания членов РКПб Петроградской базы Балтийского флота).

«Обратить внимание на проинструктирование и проконтролирование деятельности комиссаров и ответственных работников... на посещение субботников коммунистами и передовыми ответственными работниками... Для упорядочения партийной работы оживить партийные органы, а для этого установить тесную связь политического отдела с местами..., а также для работы в политическом отделе привлекать работников с мест, которые будут являться более ответственными и лучшими проводниками всех заданий политического отдела и высших партийных органов. По

вопросу о верхах и низах поручается партийному комитету и политотделу немедленно провести в жизнь постановления Всероссийской конференции... Призвать каждого члена партии бороться с негодным элементом, оставшимся к сожалению в наших рядах после перерегистрации, не стесняясь их служебным положением, путем уличения как грязного мусора» (из резолюции делегатского собрания коллективов РКПб Кронштадтской морской базы и крепости)[1].

Некоторые делегатские собрания избрали комиссии по обследованию материальных и жилищных условий.

Дискуссия о «верхах» и «низах», хотели или не хотели этого руководители, самотеком переносилась в широкие беспартийные массы моряков, где коммунисты разбирались по косточкам и формировалось общественное мнение, без всякого сомнения с помощью эсеров, меньшевиков и белогвардейцев, скрытых под маской беспартийности, против коммунистической партии в целом. Авторитет партийных организаций на кораблях падал. Партийные организации шли к полному разложению.

	Кронштадтская морская база и крепость		Петроградская морская база	
	Рядовых	Командного и полит. состава	Рядовых	Командного и полит. состава
Общее количество личного состава . . .	25.527	1.423	16.735	1.088
Членов РКПб	1.373	174	2.007	93
Кандидатов РКПб	291	12	427	10

За время с сентября 1920 г. по 1 января 1921 г. партийные коллективы Кронштадтской морской базы и крепости, как и других баз флота, потеряли порядочное количество партийцев, частью исключенных из партии, частью добровольно выбывших. Меньше чем за месяц (с 10 ноября по 6 декабря 1920 г.) партийной комиссией было исключено из партии вместе с выбывшими 52 человека. Мотивы исключения и выбытия следующие: «боится своими ошибками «позорить» партию»,

[1] ЦВПА при ВПАТ, дело № 714, лл. 813 и дальше.

несогласие с программой, усталость, слабость воли, «замечания беспартийных о непорядках в партии сильно нервируют», «не дают коммунистам отпусков», религиозные убеждения, спекулятивный образ жизни и т. д. Партия очищалась от малоустойчивого, дряблого, мещанского элемента. Но это очищение все же шло недостаточными темпами.

На 1 января 1921 г. партийная прослойка в личном составе Балтийского флота (за исключением Ладожского озера) и количественный состав партийной организации видны из следующей таблицы[1]:

Партийная прослойка в Кронштадтской морской базе и крепости значительно ниже, чем по флоту в целом. Например по отношению ко всему личному составу только в 6,1%, в то время как по флоту — 9,5%, отдельно к рядовому составу — 6,5% и к командному и политическому составу — 13%.

Положение партийной организации Кронштадтской морской

Южное побережье Финского залива и 187-я отдельн. бригада		Шлиссельбургская база		По всему Балтийскому флоту		% отношения коммунистов к личному составу	
Рядовых	Командного и полит. состава	Рядовых	Командного и полит. состава	Рядовых	Командного и полит. состава	Рядовых	Командного и полит. состава
9.614	670	2.189	133	54.065	3.314	9,1%	15,7%
455	185	242	37	4.077	489	9,5%	
102	9	32	3	852	34		

базы и крепости граничило с потерей полной своей боевой способности. Давление мелкобуржуазной стихии на личный состав и усиление влияния деревни и мелкобуржуазных слоев четко вырисовывались в росте нездоровых политических настроений среди моряков и красноармейцев. Партийные коллективы, занятые спорами о «верхах» и «низах» не реагировали на вредные

[1] Таблица составлена на основании данных о политической культпросвет работе в Балтийском флоте 1 января 1921 г. (ЦВПА при ВПАТ, дело № 754, лл. 862 — 865).

настроения в беспартийной среде, не боролись за укрепление боеспособности своих боевых единиц, дрейфили перед трудностями и частенько занимали хвостистскую позицию в своей практической работе.

В таком положении застал партийную организацию Кронштадтской морской базы и крепости новый — 1921 год. Партийные организации других баз, например более многочисленная и сильная — Петроградская морская база, работали несколько лучше, имели все-таки известный авторитет у беспартийных, вели кое-какую воспитательную работу среди них. Политическая работа в течение 1920 года также переживала известный кризис, благодаря неверно взятой линии в ее проведении. Собственно политической работы в полном смысле и не было. Было культурничество. Культпросвет довлел над всей работой политических органов. Штаты Пубалта и политических отделов баз были раздуты. Достаточно привести несколько цифр, показывающих сокращенные штаты по состоянию на 1 декабря 1920 г. — в Пубалте работало 292 чел., в политическом отделе Кронштадтской морской базы и крепости — 171 чел., в политическом отделе Петроградской морской базы — 127 чел., в политическом отделе укрепленного района южного побережья Финского залива и в 187-й бригаде — 117 чел.; около 100 чел. в политическом отделе Шлиссельбургской базы. В среднем на 60 — 70 моряков приходился один аппаратный работник не считая политических работников кораблей и частей. Пубалт и политотделы, располагая сотнями работников, вместе с тем не могли поставить политическую работу на должную высоту. Политические органы не имели в своем аппарате кадра квалифицированных, крепких, партийно-выдержанных, инициативных работников, способных в сложной обстановке осуществлять руководство работой политических аппаратов и партийных организаций. Такие работники насчитывались единицами. Между политическими органами и работниками мест происходили недоразумения. Должная связь и спайка отсутствовала, что ярко показала мартовская партийная конференция Балтийского флота. После конференции началась тяга политических работников из флота. Около 200 лучших политических работников за 1920 год откомандировываются на восстановление водного транспорта,

для работы в гражданских организациях и т. д. Откомандирование такого количества работников еще в большей степени обессилило руководящее партийное и политическое ядро флота. Частая смена начальников Пубалта и политотдела также играла немалую роль в ухудшении качества политической работы.

Говоря о содержании политической работы, мало сказать, что она имела культурнический уклон. Целевая установка в работе отсутствовала, характерной чертой ее было — самотек, преобладание инициативы отдельных работников. На современном материале работа не строилась, масса на конкретных фактах международной и внутренней жизни не воспитывалась. Ей преподносились лекции «о первобытном человеке», «о римском и греческом искусстве» и т. д. Лекторские и преподавательские кадры на 3/4 состояли из беспартийных, «стоящих на советской платформе». Даже в лекциях и докладах на общественно-политические темы часто морякам давались антимарксистские, чисто буржуазные установки. Борьбы с выхолащиванием политического содержания в политической и культурно-просветительной работы не велось. Контроль был поставлен над этим плохо. Результат политической работы сплошь и рядом определялся не качеством, а количеством. Были инструктора, которые работу партийного коллектива оценивали исходя из количества «исходящих бумаг». Чем больше проведено лекций, концертов, митингов, спектаклей, тем лучше поставлена работа — эта установка являлась основной в работе политических органов.

Перед нами итоговая статья начальника политпросвета Пубалта за 1920 год. Каково ее содержание? Какова оценка работы? Статья пестрит цифрами:

«88 школ первой и второй ступени, в которых обучаются до 4.000 военных моряков. Школа иностранных языков с 6 отделениями, в которых до 400 военных моряков обучаются английскому, французскому и немецкому языкам. Дано 2.652 лекции, из них общеобразовательных половина. Работало в Балтийском флоте 47 клубов с посещаемостью около 130.000 чел. в год. В этих клубах существует 20 литературных, 34 драматических, 24 музыкальных и 19 спортивных кружков. Их средняя посещаемость 75%. В течении года поступило 110.000 экземпляров книг и распределено 113.000 экземпляров — всего в Балтийском флоте 133 библиотеки, из них 72 постоянных и 61 передвижная... 46 больших симфо-

нических концертов... около 300 камерных... Поставлено 24 оперных и 18 балетных спектаклей. Во всех базах Балтийского флота дано 833 концерта... имеется 24 музыкальных школы, в которых обучается до 2.000 военных моряков... В театре Пубалта было дано 60 спектаклей... около 40 выездных спектаклей государственных театров и театра Пубалта. 39 постоянных и передвижных кинематографов, в которых дано 1.670 сеансов и зарегистрировано 850.000 посещений. Имеется около 10 спортивных кружков во всем Балтийском флоте. Состоялось 9 футбольных матчей, 11 праздников плавания, 10 состязаний по легкой атлетике и т. д.».

И в конце статьи:

«Вот в кратких словах все то, что делал Полит-просвет в 1920 году»

Ни звука о содержании, о результатах, которые дала перечисленная работа. Не дается никакой оценки; судя по статье можно, не зная действительного положения с культпросвет и политработой, сделать весьма благоприятный вывод. В ряде документов состояние политической работы на флоте руководящими работниками Пубалта расценивалось как удовлетворительное. Политическая работа ни в какой степени не удовлетворяла здоровые запросы масс моряков. Лекции и грамоты гражданина строились трафаретно, читались по казенному,—они не отвечали на волнующие вопросы моряков и поэтому неудивительно, что на линейном корабле «Петропавловск» и на других кораблях наблюдались случаи отказа от посещений этих лекций. Если взять кино и посмотреть, какую политическую воспитательную роль оно сыграло, то увидим безотрадную картину, а именно, что вместо того, чтобы кино было действительным немым агитатором нашей партии, оно на самом деле приносило больше вреда. На 1.670 сеансах за 1920 год, о которых указывал начальник политпросвета Пубалта, было показано картин: революционных — 5, литературных — 9, исторических — 4, научных — 3, видовых — 60, обыкновенных драм — 118 и комических — 114. Детективные, любовные драмы немецкого привкуса, приключенческие, авантюристические и агитирующие за капиталистическую систему фильмы — таков материал, который преподносился через кино моряку. Содержание постановок и концертов было насквозь пропитано старой буржуазной идеологией.

Комиссарский состав часто менялся, институт политических

руководителей только вводился. Политическая работа среди прибывших пополнений конца 1920 года велась недостаточно интенсивно и плодотворно. Пубалт в определении содержания политической работы одной из центральных задач выдвигал,

«чтобы флот мог играть активную роль в мировой социальной революции, он должен быть подготовлен для этой цели, т. е. личный состав флота должен суметь дать практических работников-революционеров за границу» [1].

Несмотря на то, что такие задачи политическими органами ставились, выполнялись они в очень незначительной степени. Интернациональное воспитание моряков было поставлено слабо.

В самом конце 1920 года Пубалт в порядке реализации постановлений 10-й Всероссийской партийной конференции (сентябрь 1920 г.) и базовых делегатских собраний издал следующий приказ [2] (от 11 декабря 1920 г. № 196):

« § 1. Согласно постановления Петроградского комитета РКПб предлагаю начальникам политотделов и комиссарам крупных боевых соединений переселить комиссаров и коммунистов вообще подведомственных им частей и кораблей для жизни при командах корабля или части. Исключение может быть сделано только с разрешения начальника политического управления и командующего флотом. О комиссарах баз, управлений и учреждений будут даны указания дополнительно.

§ 2. Произвести смену и направить в низы комиссаров 25% и в последующие месяцы ту же норму заменять увольняемых выдающимися товарищами из коллективов. Практическое указание по проведению возлагаю на оргчасть Пубалта.

Начпубалта *Батис*. Начоргчасти *Громов*».

После этого приказа происходит массовая смена комиссарского состава — например приказом по флоту Балтийского моря от 28 декабря 1920 г. перемещено 8 комиссаров, отчислено 45, вновь назначено из «низов» — 44; приказом № 10 по крепости от 14 января 1921 г. отчислено 6 чел. и вновь назначено 6 чел., причем из вновь назначенных бывших политических работников — 2, красноармейцев — 3 и командир пульвзвода — 1. Массовое выдвижение и назначение на должности комиссаров крупнейших частей (форты, корабли, соединения)

[1] ЦВПА при ВПАТ, дело № 714, л. 813.

[2] ЛОЦИА, МИА, дело № 98, по описи № 3889, л. 144.

из среды рядовых моряков и красноармейцев-партийцев без достаточного опыта политической работы отразилось на партийно-политической работе в худшую сторону. Новым комиссарам приходилось долгое время тратить на ознакомление с частью, на изучение личного состава и т. д. А мы знаем, какой это был трудный период жизни флота и страны. Необходимо было максимально развертывать политическую работу, ежесекундно разъяснять массам положение страны в системе капиталистических стран и хозяйственные трудности, убеждать их в правильности линии партии, бороться против антисоветских выпадов эсерствующих и анархиствующих элементов и всемерно бороться за укрепление политико-морального состояния. А для того, чтобы указанные задачи претворить в жизнь, в первую очередь надо было укрепить партийные организации и перестроить систему политической работы. Все это новый комиссарский состав выполнить был не в состоянии.

На 1 января 1921 г. комиссаров и политруков числилось:

	Кронштадтск. морская база	Петроградская морская база	Южное побережье Финского залива	Шлиссельбургская база	По всему Балтийскому флоту
Комиссаров	64	130	23	10	227
Политруков	24	25	41	9	99

Большинство комиссаров не имело специальной подготовки, многие из них состояли в партии с конца 1919 года и с 1920 года Так что качественный состав их желал много лучшего. В заключение для того, чтобы иметь более конкретное представление о партийно-политической работе в Балтийском флоте, приводим выдержки из весьма характерной статьи А. Степанова, помещенной в № 8 от 22 января 1921 г. газеты «Красный Балтийский флот». Хотя статья рисует картину состояния партийной и политической работы на фортах крепости, но ее целиком можно перенести на флот в целом:

«Жизнь коллективов фортов замерла. Переход от состояния войны непосредственно к мирному труду породил застой. Культурно-просвети-

тельная работа на точке замерзания. «Грамота гражданина» продвигается плохо, ибо ни Пубалт, ни Кронштадтский политический отдел не позаботились о подготовке материалов к ее проведению. Лектора принуждены такие лекции, как «развитие органической жизни», читать на память, сообщать массе те отрывки сведений, которые остались в голове...

Собрания коллектива проходят вяло, без всякого инт реса со стороны партийной массы. Доклады по всем вопросам: о поднятии сельского хозяйства, о возрождении промышленности и т. д. не вызывают ни вопросов, ни горячих споров и дискуссий. Демобилизация армии, возможность уйти домой — вот о чем говорят...

Тяга к дому очень сильна не только среди беспартийных, но и среди коммунистов. Опасение—как бы их не задержали, заставляет коммунистов подавать заявления о выходе из партии. Прироста членов в коллективах нет, а наоборот, когда вдумаешься в причины, то их конечно много и все они общего порядка: усталость, утомление, апатия. Вот настроение красноармейской массы. Надо бить тревогу, ибо где застой, там плесень и гниль (разрядка наша. *А. П.*). Надо сократить общими усилиями политического отдела и наиболее сознательных товарищей этот неизбежный период застоя. Но как раз наоборот Кронштадтский политотдел за последние 3 — 4 месяца не послал на форт ни одного сотрудника. Никто не потрудился указать выхода, влить энергию в утомившихся. Все разные собрания, где спорят о «верхах» и «низах» костят друг друга. А как случится ерунда, вроде проявления шкурничества со стороны части команды (линейный корабль «Петропавловск»), то и не знают, что делать. Надо почаще заглядывать на форты, быть побольше среди массы. Только тогда можно знать, чем она живет, и не становиться в тупик при случае»...

Один из руководящих работников Пубалта принужден был целиком согласиться с указанными в статье фактами, но надлежащих выводов не было сделано ни Пубалтом, ни политотделом. В таком собственно положении находилась политическая работа в самом начале 1921 года.

Твердое намерение вновь назначенного командующего Балтийским флотом Ф. Ф. Раскольникова оздоровить флот, внести в политическую жизнь флота живую струю, осуществлялась не совсем правильными методами (единоличное смещение политических работников и командного состава и назначение новых, привезенных с собой, которые к тому же допускали излишний, бросающийся в глаза комфорт в личной жизни — прислуга, хорошее питание и т. д., игнорирование Пубалта), что вызывало резкое недовольство в среде командного состава и между политическими работниками и передавалось на

рядовую массу моряков. Один командующий, без поддержки всего руководящего партийного и политического костяка флота и партийной организации в целом, внести радикальные изменения в положение флота был конечно не в силах. Зная слабость политуправления Балтийского флота, командующий часть функций последнего передал штабу и взял лично на себя.

Развернувшаяся в начале января 1921 года дискуссия «о профсоюзах» в партии и в частности в Петроградской партийной организации захватила и флотскую партийную массу. Руководство флота в лице командующего и начальника политического управления стояло на платформе Л. Д. Троцкого. После обсуждения главнейших тезисов [1] в партийных коллективах Балтийского флота, не взирая на то, что руководство флота обеспечило всестороннее и полное разъяснение точки зрения Троцкого (на коллективах выступали троцкисты из Петроградской партийной организации) партийная организация Балтики и Кронштадта в подавляющем большинстве встала твердо на точку зрения платформы «десяти». В разгар дискуссионной лихорадки «о профсоюзах», когда Ф. Ф. Раскольников и Э. И. Батис увидели поражение троцкистской платформы во флоте, — из фракционных побуждений они послали в Центральный комитет РКПб (и в копиях: В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Э. М. Склянскому и Карлу Гайлису) следующую телеграмму [2]:

«Борьба двух направлений по вопросу о профессиональных союзах среди коммунистов Балтийского флота приняла чрезвычайно опасные формы. На собрании моряков-коммунистов Петроморбазы от 13 января помощник комфлота по политической части Кузьмин, выступивший моим содокладчиком, заявил текстуально следующее:

«Троцкий и его сторонники хотят нас вести к тюрьме, каторге и железной решетке».

После Кузьмина выступил сторонник комитетчины матрос Костин, произнесший демагогическую речь о неприменимости военных методов в строительстве Красного флота. Понося Зофа за то, что он отменил комитеты во флоте, Костин заявил:

---

[1] Платформа «десяти» во главе с В. И. Лениным, платформа Л. Д. Троцкого и платформа «рабочей оппозиции», возглавляемой А. Г. Шляпниковым и А. М. Коллонтай.

[2] Ленинградское отделение единого партийного архива, дело губкома РКПб.

«Красноармейцы менее сознательны, там комиссары заставляли снимать сапоги».

Благодаря тому, что Кузьмин и его сторонники, ведя агитацию в военных частях, намеренно не подчеркивают, что спор ведется только о задачах профсоюзов, а в области военного строительства все остается без изменений, и вследствии приемов демагогической агитации, вопрос о профсоюзах переносится на почву борьбы за комитетчину против военной дисциплины. Имя Троцкого определенно связывается с мерами насилия и принуждения, а имя Зиновьева с освобождением низов от верхов и с возрождением комитетчины. Среди моряков, где с величайшим трудом удалось ослабить и парализовать анархические стремления, происходящая борьба двух направлений в той форме, как она сейчас ведется, угрожает свести до последней степени старые анархические тенденции.

Реакция утомления от долголетней военной службы, реакция против военной дисциплины, в связи с неполной демобилизацией флота и невозможностью широких отпусков создает среди моряков психологические условия, благоприятные для всякой демагогии и для оппозиции против военных методов во флоте.

Кампания, ведущаяся крайне недобросовестно с помощью самой недостойной игры на низменных, шкурнических инстинктах, дискредитирует авторитет партийных товарищей, поставленных ЦК партии на трудную и ответственную работу среди моряков.

В результате искусственно создается раскол между единодушно выступающими комиссарами и политотделами с одной стороны и массой рядовых моряков-коммунистов с другой стороны. Боеспособность флота несомненно падает. Докладывая об этом Центральному комитету, испрашиваем дальнейших указаний.

Комфлот *Раскольников.*

Начальник политуправления Балтфлота *Батис*».

Иначе расценивать приведенный выше документ, как попытку в интересах троцкистской фракции очернить партийную организацию Балтийского флота, нельзя. Совершенно справедливо, что в некоторых слоях личного состава были сильны анархические тенденции, что боевая способность флота падала, но причина этих явлений лежала не в «зловредной» деятельности тех или других товарищей, а гораздо глубже — в процессах социального перерождения людского материала, во влиянии мелкобуржуазной стихии и усиливающегося давления ее на личный состав флота. Давление мелкобуржуазной стихии без всякого сомнения отражалось и на партийной организации, которая в то время была больна, переживала кри-

тическое положение. И фракционная деятельность руководства только способствовала ее дальнейшему разложению.

Бороться с болезненными явлениями в жизни Балтийского флота, при чем бороться с гарантией на успех, можно было только на основе абсолютного единства партийных рядов. А троцкисты своей фракционной деятельностью наносили непоправимый ущерб партийной организации и боеспособности флота, ибо раздвигали щели, через которые пролезал враг и творил свое темное дело.

Приведенный выше документ в тех же фракционных целях был использован на решающем дискуссионном собрании Московской партийной организации, когда сторонники Троцкого пытались им аргументировать против платформы «десяти».

Когда в партийных коллективах Балтийского флота узнали о посланной телеграмме Раскольникова и Батиса в Центральный комитет партии, то возмущению не было границ. По поручению дискуссионного собрания моряков-коммунистов (в Морском корпусе от 19 января 1921 г., присутствовало $3^1/_2$ тысячи человек) была послана в Центральный комитет партии ответная телеграмма-протест [1], целиком разоблачающая маневр троцкистов:

«Москва, ЦК РКП, копия тт. Ленину, Троцкому, Склянскому и Гайлису.

Президиум общего собрания моряков-коммунистов Балтийского флота по поручению собрания считает необходимым опровергнуть и опротестовать телеграмму т т. Раскольникова и Батиса, посланную в ЦК и по другим адресам, прочитанную на обширном решающем дискуссионном собрании в Москве. Раскольников и Батис в указанной телеграмме обвиняют Костина, Кузьмина и моряков, сторонников точки зрения Ленина и Зиновьева в вопросе о роли и задачах профсоюзов, в том, что они, замалчивая в дискуссиях существо этого вопроса, в своих выступлениях демагогически сводят весь вопрос к возрождению комитетчины во флоте, играют на шкурнических настроениях, чем вызывают анархические брожения в матросской массе и вообще подрывают воинскую дисциплину во флоте.

Протестуя против таких ни на чем необоснованных обвинений, президиум от имени собрания заявляет:

«Среди моряков Красного Балтийского флота нет ни одного, кто бы хотя один раз вспомнил о комитетах с хорошей стороны. Нет ни одного моряка-коммуниста, кто бы мог подумать о том, чтобы сравнить профсоюзы

[1] Архив ЛОИ.

с комитетами и вопрос о роли профсоюзов использовать для нарушения дисциплины. Мы сами не потерпим ни одной минуты никого, кто бы он ни был, в своей матросской семье, если он так или иначе выскажется за комитетчину или против дисциплины. Если мы сейчас так горячо, оживленно и единодушно заинтересованы вопросом о роли профсоюзов, это показывает, что красные моряки, среди которых так много квалифицированных рабочих, активно участвуют в строительстве своего рабоче-крестьянского государства и своей партии и что в вопросе о поднятии производства и восстановлении народного хозяйства они не будут на последнем месте».

Ярким доказательством вышесказанного является принятая на общем собрании резолюция. Резолюция голосовалась раздельно. Сначала голосовали присоединение к тезисам Ленина и Зиновьева, затем мотивировочная часть. Против присоединения к тезисам Ленина и других на собрании в 3.000 чел. голосовало всего несколько десятков человек. Против вводной части резолюции голосовало всего 3 чел. и то по мотивам за или против комитетчины. В резолюции говорится:

«Мы, моряки-коммунисты Балтийского флота, считаем, что комитетчина, выборность во флоте и армии недопустимы. Во всех военных организациях необходимы военные методы. Но на профсоюзы военные методы целиком не могут быть перенесены. Здесь они окажутся гибельными для производства также, как комитетчина гибельна для военных организаций. Поэтому мы по вопросу о роли и задачах профсоюзов всецело стоим на платформе, защищаемой Лениным и Зиновьевым и принятой громадным большинством Петербургской и Московской организациями».

Президиум находит необходимым заявить, что считает недопустимым и недостойным нашей партии всякие попытки осложнить дискуссию по столь важному и принципиальному вопросу, такими приемами, как запугивания партии призраком падения дисциплины в рядах армии и флота. Железная военная дисциплина в рядах красных воинов пролетарской революции, непоколебимая партийная дисциплина в рядах коммунистической партии, подчинение меньшинства большинству при решении спорных вопросов—по прежнему остается для нас основными принципами в нашей борьбе и работе. Президиум собрания: *А. Костин*, *Гр. Посунько*».

К телеграмме имеется приписка следующего содержания:

«Бюро Петербургского комитета РКП (большевиков) содержание настоящего ответа на телеграмму т. Раскольникова одобряет. *М. Лашевич. Г. Евдокимов*».

Оба документа, как телеграмма Ф. Ф. Раскольникова и Э. И. Батиса, так и ответ моряков-коммунистов, вскрывают перед нами обостренность создавшегося положения между троцкистским руководством флота и партийными массами.

Эти споры и борьба переносились в коллективы и тем самым усугубляли болезненное состояние партийной организации. Дискуссия «о профсоюзах» совпала с подготовкой ко 2-й партийной конференции Балтийского флота. С новой силой разгорелись страсти. Опять флотская партийная организация, после окончания дискуссии «о профсоюзах», была вовлечена в обсуждение местных вопросов, связанных непосредственно опять-таки с оценкой деятельности руководящего политического центра — Пубалта. На собраниях коллективов собирался и обсуждался убийственный материал о командовании и Пубалте. Отмечались малейшие промахи в работе Пубалта и командования — факты излишества, грубости, слабости руководства, отрыва от масс и т. д. Необходимо подчеркнуть, что массовое перемещение и смещение комиссарского состава встречало сопротивление с их стороны. В процессе подготовки к партийной конференции разногласия между партийной массой и частью комиссарского состава с одной стороны и Пубалта с другой — вспыхнули с новой силой. Борьба против Пубалта велась и раньше, и раньше существовали группировки среди политических работников, недовольных политикой Пубалта и командованием, но они существовали скрытно, находились в подпольи и активно себя не проявляли. Существовала одно время даже так называемая «инициативная группа». Защита» руководящей политической головкой флота платформы Троцкого и в связи с этим ее фракционная деятельность (выступления от имени флота, вопреки четкой позиции, занятой партийной организацией, с защитой троцкистской платформы и т. д.) в еще большей степени восстанавливало массы против своих руководителей, а тем самым и против руководящих органов.

Благодаря такому положению борьба приняла открытые формы. Все группировки, имевшиеся в скрытом состоянии, теперь обнаружили свое лицо и повели борьбу против политического руководства Балтийского флота. В оппозиции к Пубалту находился политический отдел Кронштадтской морской базы и крепости.

Конец января и первая половина февраля месяца были наиболее интенсивным периодом в подготовке ко 2-й партийной конференции Балтийского флота.

«Устраивались фракционные собрания, объединения отдельных групп, устраивался блок для того, чтобы выступить единым фронтом против политического управления. Само политическое управление флота вместо того, чтобы попытаться объединить здоровые силы, которые имелись во флоте, обсудить наиболее больные вопросы и наиболее резкие моменты, сгладить их, в кругу ответственных работников обсудить положение, наметить ряд мероприятий, ничего в этом направлении не сделало, оно было занято фракционной борьбой внутри себя, оно увлеклось фракционной борьбой, не заметило грозного события, которое надвигалось на флот», — так сообщает М. В. Кузьмин[1].

Распоряжения Пубалта о запрещении самочинно устраиваемых собраний обычно не выполнялись. Часто случалось, что даже комиссары кораблей не знали о собраниях своих команд. Настроение масс, при отсутствии работы и влияния партийных организаций и руководства со стороны политических органов, подогреваемых усилившейся контрреволюционной агитацией эсеровских и других элементов, с каждым днем ухудшалось. По флоту гуляли антисоветские, антикоммунистические лозунги, гуляли резолюции о заградительных отрядах и т. д. Ненормальные взаимоотношения Пубалта и Петроградского губ. комитета РКПб играли свою отрицательную роль. Между этими организациями давно существовали споры по вопросу, кто должен руководить партийной работой во флоте. Петроградский губернский комитет РКПб старался не только идейно влиять на партийную жизнь флота, но через районные комитеты непосредственно ею руководить. Пубалт в свою очередь стремился к большей самостоятельности. Директивы Политического управления Республики говорили, что партийная работа в воинских частях должна руководство получать от политических органов. По инициативе Пубалта разрабатывались основы взаимоотношений, которые заключались в том, чтобы руководство партийных комитетов партийной работой среди моряков протекало через политотделы, начальники которых входили бы членами в партийные комитеты, а всякого рода кампании и партийные школы проводились бы совместно с партийными комитетами, в полном с ними контакте. Эти «основы» пленумом Петроградского комитета РКП(б) были отвергнуты.

---

[1] НИС ОСО ВПАТ, «Стенограмма вечера воспоминаний о Кронштадтском мятеже», стр. 8—9.

В ноябре 1920 г. Петроградский комитет РКПб представил Пубалту свои «основы взаимоотношений», в которых проводилась мысль о необходимости передачи всех партийных функций от политических органов флота на территорию Петроградской губернии соответствующим партийным комитетам.

Петроградский комитет партии на своем заседании 2 декабря 1920 г. принял проект положения о взаимоотношениях с Пубалтом. Своей основной точки зрения Петроградский комитет не изменил и выступил на 2-й партийной конференции Балтийского флота с тезисами, целиком отражающими прежние взгляды на «взаимоотношения».

14-я конференция Петроградской организации РКПб одной из задач перед новым составом Петроградского комитета поставила:

«Немедленно добиться включения коммунистов Балтийского флота в общую организацию и вообще бороться против всякого обособления»...

Ненормальные взаимотношения Политического управления Балтийского флота и Петроградского губернского комитета, попытки совершенного обособления партийной работы от одной из передовых крупнейших партийных организаций со стороны троцкистского руководства флота приводили в конечном результате к потере авторитета Пубалта и тем самым способствовали росту нездоровых настроений в массе коммунистов Балтики против своего политического руководящего центра.

Таким образом в условиях прогрессирующего развала боевого флотского организма, нездорового состояния партийной организации во флоте и нарастания крайне вредных анархо-бунтарских и кулацких настроений в личном составе флота собралась 2-я партийная конференция Балтийского флота.

Она открылась 15 февраля 1921 г. На конференции присутствовало около 300 делегатов от всех кораблей и частей Балтийского флота. В начале работ конференции оппозиционно настроенная против Пубалта часть делегатов выступила единым фронтом при выборах президиума. Фигурировало четыре списка состава президиума, один из которых был предложен Пубалтом. Список Пубалта при голосовании собрал только 18 голосов, а список оппозиции — 145 голосов. Порядок дня конференции, предложенный Пубалтом, также был отвергнут

Конференция выдвинула для обсуждения свои вопросы, а именно: 1) «Социалистическая Россия в буржуазном окружении»; 2) отчет Пубалта; 3) о Главполитпросвете; 4) реорганизация армии и флота; 5) очередные задачи партийного строительства во флоте; 6) строительство Красного флота; 7) доклад опродкома флота; 8) доклад начальника тыла; 9) доклад рабоче-крестьянской инспекции; 10) о работе в деревне; 11) выборы делегатов на 10-й партийный съезд и 12) текущие дела[1].

Такое огромное количество большой важности вопросов при кризисном состоянии флотской партийной организации конференция разрешить с пользой для дела укрепления боеспособности и оздоровления морских сил была просто не в состоянии. Эти вопросы, выдвинутые в большинстве на обсуждение без предварительной подготовки, само собой разумеется могли решаться только наспех, с налету, недостаточно продуманно. 1-й, 3-й, 4-й, 8-й и 9-й пункты порядка дня конференции проходили почти совсем без прений и принимались к сведению. Совершенно другая картина наблюдалась, когда дело подходило к обсуждению других вопросов. Особо резкой критике подвергся отчет Пубалта. Здесь активность делегатов вышла через край. По отчету записалось в прениях около 40 чел. и большинство сумело высказаться. Пубалт ругали на все лады. В результате бурных прений по отчету Пубалта принята была следующая резолюция:

«2-я конференция моряков коммунистов находит, что работа Пубалта велась настолько слабо, что привела к следующим отрицательным фактам 1) Пубалт оторвался не только от масс, но и от активных политических работников, и превратился в бюрократический, не пользующийся широким авторитетом, орган; 2) в работе политического отдела Балтийского флота отмечается полное отсутствие плана и системы, согласованности с центром и постановлениями 9-го съезда РКП6; 3) совершенно оторвавшийся от партийных масс Пубалт уничтожил всякую инициативу мест, низвел всю политическую работу до степени канцелярской переписки, что крайне тяжело отразилось на деле организации масс во флоте; за период с июль по ноябрь из партии вышло около 20%. Помимо объективных условий это в значительной степени объясняется в корне неправильными методами и приемами работы Пубалта; 4) конференция полагает, что причины, вызвавшие эти явления, лежат в тех основаниях

[1] ЦВПА при ВПАТ, дело № 42-а, л. 74.

на которых покоится организация Пубалта, что основания эти должны быть изменены в сторону демократизма».

Характерно при этом подчеркнуть, что выступавший в прениях по отчету Пубалта начальник организационной части, оценивая политическое состояние флота и постановку политической работы, сказал:

«Если работа пойдет так далее, то через 2—3 месяца можно ожидать восстания».

По вопросу «об очередных задачах партийного строительства во флоте» конференция приняла тезисы Петроградского комитета РКПб, по существу отстаивающие, как об этом уже указывалось выше, слияние всей партийной работы в Балтийском флоте с местными партийными комитетами. Ряд делегатов выступал за упразднение во флоте политических отделов. Этим неправильным и вредным точкам зрения решительный отпор дал 10-й партийный съезд в своей резолюции по военному вопросу, но пока что 2-я партийная конференция встала на эту неправильную точку зрения.

Доклады опродкомфлота вызвали не менее бурные и страстные прения, чем отчет Пубалта. Целая вереница выступавших ораторов, с цифровыми данными и материалами в руках, раскрывала длинную цепь упущений и злоупотреблений в опродкоме. Принятая конференцией резолюция требовала создания следственной комиссии, реорганизации органов снабжения Балтийского флота и предания суду революционно-военного трибунала виновных в злоупотреблениях. В резолюциях 2-й партийной конференции Балтики отразилось много верного, правильно отмечен ряд недостатков, но общее их направление надо признать нездоровым. Флотская оппозиция к Пубалту добилась своего, одержала полную победу, но в пылу своей борьбы с руководством не учла создавшейся обстановки во флоте. Выдвигая недочеты, она не наметила мероприятий к их быстрейшему искоренению и скорейшему оздоровлению партийной организации, а по сути дела организационно оформила окончательное разложение последней.

Разъехавшиеся по своим частям и кораблям делегаты информировали партийную массу «о победе» над руководством и тем

самым внесли еще больший сумбур в работу коллективов. Притупили и без того атрофированную способность партийной организации противостоять напору мелкобуржуазной стихии. Руководящие работники Пубалта находились после конференции в состоянии растерянности и не пытались решительными мерами прекратить творящиеся безобразия во флоте, предотвратить прогрессирующее его разложение. Фактически после конференции партийной организации, как некоего целого, сплоченного и крепкого организма уже не существовало. Было только несколько тысяч членов и кандидатов партии, формально числящихся в списках авангарда рабочего класса, идущих в значительной своей массе в хвосте за беспартийными моряками, которых в Кронштадте уже опутывала цепкими тенетами эсеровщина и белогвардейщина. Конец 2-й партийной конференции совпал с началом «волынок» в Петрограде.

4. ПОЛОЖЕНИЕ В ГРАЖДАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ г. КРОНШТАДТА. — БОЛЕЗНЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПАРТИЙНОЙ И КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЯХ ГОРОДА. — ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ВО ФЛОТЕ, КРЕПОСТИ И ГОРОДЕ. — «ВОЛЫНКИ» В ПЕТРОГРАДЕ И ВЛИЯНИЕ ИХ НА МОРЯКОВ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА. — ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ. — МЕРОПРИЯТИЯ КОМАНДОВАНИЯ, ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА И КРОНШТАДТСКОГО СОВЕТА. — ВЫВОДЫ.

Кронштадт и Балтийский флот — две частицы одного военного организма, два понятия — друг от друга неотделимые. Кронштадт, будучи главной базой Балтийского флота, сосредоточивает в себе заводы, доки и многочисленные мастерские, приспособленные к обслуживанию кораблей во время стоянки. Это ближайший тыл флота. Удобное географическое положение, сочетание естественных условий и искусственных укреплений выдвинуло Кронштадтскую военную крепость в ряд первоклассных крепостей мира. Особое значение Кронштадта заключается в том, что он прикрывает собой подступы с моря к важнейшему промышленному центру и революционной пролетарской цитадели — Петрограду. Расположенный на небольшом острове Котлине, в расстоянии 30 километров от Петрограда — Кронштадт представляет специфический военно-морской город. Весь уклад его жизни носит отпечаток этой специфичности. Здесь

все почти приноровлено, прилажено к обслуживанию нужд флота и крепости. Моряки вполне законно называют Кронштадт своей «морской» столицей. Поэтому неудивительно, что постепенное изменение социального состава моряков Балтийского флота и крепости, усиление вредных политических настроений, материально-хозяйственные трудности, переживаемые флотом,— все это в той или другой степени нашло свое отражение в жизни Кронштадта. На 28 августа 1920 г. в нем насчитывалось 23.815 человек гражданского населения [1]. По данным того же источника кроме указанного количества за Кронштадтом числилось на то же 28 августа 6.232 человека, находившихся на водных путях и поездах железных дорог советской России. Население Кронштадта в основном состояло из трудового элемента: рабочих завода, мастерских, электростанций и других довольно многочисленных мелких предприятий, служащих советских и кооперативных учреждений, семейств моряков рядового и командного состава флота и крепости. Параллельно с изменением классового лица моряков безусловно шел также и процесс социального изменения в составе населения Кронштадта. Экономический кризис в стране болезненно отразился на кронштадтской промышленности. Завод и мастерские к концу 1920 г. работали с большими перебоями, а в январе-феврале 1921 г. промышленность Кронштадта окончательно замерла из-за отсутствия топлива, материалов и проч. Количество рабочих кронштадтских предприятий за годы революции уменьшилось в несколько раз. Часть рабочих в условиях значительных продовольственных трудностей бросала свои предприятия и уходила в деревню в надежде найти там лучшее продовольственное обеспечение для своей семьи. Другая часть оставалась у станка.

К началу 1921 года в городе значительно возросла прослойка лиц, занимающихся спекуляцией, среди которых жены моряков новой формации, т. е. «иванморов», «клешников» и т. д., составляли изрядный процент, и лиц «свободной профессии», никакого отношения к флоту не имевших и занимавшихся не менее темными делишками. Отсутствие во время всероссийской

---

[1] ЦСУ Петроградской губернии, отдел статистики, «Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии», 1922 г., П., стр. 25.

переписи 1920 года 25% всего кронштадтского населения весьма красноречиво говорит о «занятиях» части населения города. Конечно среди отсутствовавших не мало было лиц, разъезжавших по России со спекулятивными целями.

Организация службы на кораблях и в крепости страдала многими недостатками и в первую очередь расхлябанностью в караульных частях. В Кронштадт свободно проникал всякого рода контрреволюционный элемент. Не напрасно ведь комендант крепости забил тревогу в своем приказе № 13 от 17 января 1921 г.:

«Замечено, что в настоящее время в пределах г. Кронштадта и крепостного района... появляется много лиц, не могущих в достаточной мере обоснованно доказать целесообразность своего пребывания в Кронштадте», — говорит он в этом приказе.

Дальше в приказе он предлагает при въезде в Кронштадт требовать удостоверения личности или удостоверения с места службы. Таким образом население Кронштадта к началу 1921 г. имело значительно большую насыщенность мелкобуржуазными элементами, чем в 1917 году. На самом крупном кронштадтском заводе — пароходном [1] довольно прочно обосновались меньшевики, которые еще в течение 1920 года организовали ряд выступлений рабочих. Так например летом 1920 года на заводе при активной работе меньшевистских агитаторов и организаторов была проведена итальянская забастовка.

Настроение рабочих Кронштадта так же, как и Петрограда, в начале 1921 года на почве материальных лишений, плохой работы советского аппарата, развившегося в учреждениях бюрократизма, бесхозяйственности на заводах и мастерских можно было охарактеризовать — как недостаточно устойчивое. Несмотря на то, что в материальном, особенно в продовольственном, отношении кронштадтцы были обеспечены лучше петроградцев, настроение первых не было благоприятно для советской власти.

Вся система советской и профсоюзной работы в Кронштадте к тому времени не могла указанные настроения ослабить. Крон-

[1] Ныне имени М. М. Мартынова (председателя в 1919 году Кронштадтского совета, расстрелянного белыми 13 июня 1919 г.). *Ред.*

штадтский совет, работая в специфических условиях военно-морской крепости, не в состоянии был удовлетворить все запросы массы населения по ясным для нас причинам. Слабая работа в период перевыборной кампании совета, недостаточная активность масс при выборах в совет, отсутствие систематической связи совета со своими избирателями, хотя бы через регулярные отчеты о своей деятельности, привели к тому, что авторитет совета среди населения, в том числе и в его рабочей части, был крайне низок. В руководящем составе профсоюзных организаций была довольно солидная прослойка коммунистов, но опытных профессиональных работников почти не было. В Кронштадте имелось на лицо около 15 профессиональных объединений, в которые входило до 13.000 человек рабочих и служащих.

«В последние месяцы кронштадтские союзы уже вполне оформлены налаживается аппарат, углубляется работа. Союзы уделяют большое внимание хозяйственной работе совета. Все заведующие хозяйственными отделами совета, совнархоза—выбираются конференцией профсоюзов и регулярно перед ней отчитываются (разрядка наша. *А. П.*). Но влияние профессиональных союзов на хозяйственную жизнь морского и военного ведомства (а почти все заводы в Кронштадте принадлежат им) было чрезвычайно ничтожно. Во главе заводов стояли спецы, при них комиссары большей частью из военных моряков. Бесконечные трения и конфликты между профсоюзами и заводоуправлением и управлением порта были постоянным непрекращающимся явлением» [1].

Так писал Л. А. Брегман, тогдашний секретарь Кронштадтского районного комитета РКПб в статье — «Кронштадтская организация РКПб (сентябрь 1920 г. — январь 1921 г.)» по поводу состояния работы в Кронштадте по профессиональной линии.

Гражданская партийная организация гор. Кронштадта после сентябрьской перерегистрации 1920 года потеряла от 25 до 27% своего состава за счет главным образом добровольно вышедших из партии. Видимо гражданская партийная организация переживала те же болезни, что и флотская и крепостная партийная

---

[1] Сборник материалов Петроградского губкома РКПб, вып. 3-й, 1921 г., стр. 42.

организации. Шкурники, малоустойчивые элементы, не желавшие подчиняться партийной дисциплине, покидали в трудный момент ряды партии. После перерегистрации в Кронштадтской организации РКПб осталось 635 человек и более 100 кандидатов. По партийному стажу эти 635 членов РКПб распределялись так: 3 чел. вступило в партию до февраля 1917 г.; 61 чел. с февраля по октябрь 1917 г. и 449 чел. (или 70%) в партийную неделю 1919 года и позже, остальные между 1917 и 1919 гг. С октября 1920 г. по январь 1921 г. организация выросла очень незначительно.

Следующая таблица[1] показывает состав партийной организации гор. Кронштадта на 1 января 1921 г.:

	Общее количество	Из них женщин	Социальный состав организации: Рабочих	В %	Крестьян	В %	Служащих, интеллигентов и проч.	В %
Членов РКПб	653	55	370	56,6	207	31,7	75	11,7
Кандидатов РКПб	149	18	65	43	41	27,5	44	29,5
Всего	802	73	435	54,2	248	30,9	119	14,9

Более тщательное изучение социального состава Кронштадтской партийной организации показывает, что в действительности процент рабочих был значительно ниже 54,2%, доходя в лучшем случае до 40%. В организации преобладали крестьяне и прочие — это несомненно. В руководящем центре Кронштадтской партийной организации — Кронштадтском партийном комитете из 12 членов было 3 рабочих, 5 моряков (социальный состав неизвестен) и 4 интеллигента. По партийному стажу члены партийного комитета имели следующие данные — 3 чел. вступили в партию до революции, в это число входит

[1] Сборник материалов Петрогр. губкома ВКПб, вып. 3-й, статистические сводки.

Ф. Ф. Раскольников, мало участвовавший, по свидетельству Л. А. Брегмана, в работе комитета, 4 чел. вступило до октября 1917 года, 2 чел. — в 1918 году и 3 чел. — в 1919 году. На чисто партийной работе предполагалось оставить двух работников. На одного из них взвалили обязанности товарища председателя городского совета, а на другого — редактора «Кронштадтских известий» [1]. Уровень политической сознательности партийцев гражданской партийной организации стоял даже несколько ниже такового уровня партийцев флота и крепости. Мероприятий, направленных для повышения теоретического уровня членов и кандидатов партии, принималось до крайности мало. Вот что было сделано по свидетельству того же Л. А. Брегмана: агитпропотдел открыл два типа школ—1-й ступени для молодых членов (проводилось 10—12 занятий в форме собеседований по истории, уставу и программе партии) и 2-й ступени, куда по выбору от каждого коллектива входил чтец «Азбуки коммунизма» [2]. Школы 1-й ступени охватывали не более 25% молодых членов партии и посещались ими неаккуратно. Партийно-политическая подготовка большей части партийцев была слабой. Чрезвычайно болезненно на Кронштадтской партийной организации отразилась дискуссия о «верхах» и «низах». Противоречия военного периода в жизни партийной организации Кронштадта сказались наиболее резко, так как милитаризация здесь, в силу специфических крепостных условий, проводилась гораздо в большей степени, чем в др. парторганизациях

Общие причины кризисного состояния многих партийных организаций того времени четко формулированы в резолюции [3], принятой на 10-м Всероссийском партийном съезде:

«§ 10. Основным противоречием этого периода было то обстоятельство' что при быстром количественном росте партии, характер работы мешал коммунистическому воспитанию всей массы партийных членов, в особенности же вновь поступивших. В то же время втягивание путем мобилизации в активную работу почти всех членов партии быстро создало даже среди самых отсталых их потребность в самодеятельности и активном решении вопросов партийной жизни, что встало в противоречие с крайним цен-

---

[1] Сборник материалов Петрогр. губкома ВКПб, вып. 3-й, стр. 42.

[2] Там же.

[3] В. И. Ленин, собрание сочинений, 2-е издание, том XXVI, стр. 579, 580.

трализмом и системой боевых приказов, вошедших в практику партийных организаций.

§ 11. Громадные материальные затраты на войну и, как их следствие, обеднение страны шли параллельно развитию необходимости поддержания особенно ударных ведомств и групп работников, в том числе и партийных. Неизбежным следствием, в значительной степени общественно-необходимым, был таким образом рост материального неравенства членов партии при росте общей нищеты.

§ 13. При той же нищете потребности крайне централизованного аппарата, формировавшегося на базисе очень отсталого культурного уровня масс, привели к разбуханию бюрократического аппарата и создали тенденцию к его обособлению.

§ 14. Таким образом военный период создал с одной стороны целесообразную в общем и целом организацию, с другой породил сам ряд противоречий. А так как все эти противоречия вырастали на основе разрухи и недостатка организаторских сил, то централизация развивала тенденцию к превращению ее в бюрократизацию и отрыву от масс...»

Указанные причины целиком приложимы к объяснению особой остроты вопроса о «верхах» и «низах», как в гражданской партийной организации Кронштадта, так и в военных партийных организациях флота и крепости. Вопрос о «верхах» и «низах» в Кронштадтской организации РКПб вылился в противопоставление одной части партийцев по отношению к другой.

«Верхи» Кронштадта — ответственные партийные, советские и профессиональные работники пользовались некоторыми привиллегиями — получали особые пайки, жили в несколько лучших условиях, чем некоторые рядовые партийцы и т. д. Но сказать, чтобы они как-то особо выделялись из общей массы, — нельзя. Материальное неравенство чувствовалось, но не сильно.

В общем в Кронштадтской организации РКПб единство и сплоченность отсутствовали.

Вслед за дискуссией о «верхах» и «низах» подоспела дискуссия «о профессиональных союзах». Обсуждение двух платформ показало, что значительное большинство партийцев голосовало за платформу «десяти», хотя докладчиками выступали столпы троцкистов — Ф. Ф. Раскольников и С. М. Гессен.

10 января 1921 г. на собрании актива Кронштадтской партийной организации по докладу Н. Н. Кузьмина и содокладу Раскольникова была принята резолюция, в которой собрание

большинством 107 при 30 против присоединилось к обращению Петроградской организации РКП6.

Кронштадтская организация комсомола насчитывала в своих рядах около 800 человек. На работу среди молодежи Кронштадтский партийный комитет обращал слабое внимание и поэтому комсомолу приходилось вариться в собственном соку. В жизни партии комсомол почти никакого участия не принимал. В комсомольскую организацию города входили также и моряки, ибо комсомольских коллективов на кораблях и в частях не было. Комсомол переживал так называемый организационный период.

Дискуссия о «профсоюзах», принявшая в Кронштадте уродливые формы борьбы различных группировок на почве личных взаимоотношений, ведомственных трений и пр., окончательно обезоружила партийный комитет, который уже не в состоянии был осуществлять действительное руководство партийными массами, среди которых продолжал усиливаться разброд и хвостистские настроения.

Внутри кронштадтского партийного комитета, состоявшего почти на половину из моряков, сплоченности, единства в решениях не было и вполне понятно, что качество партийного руководства от этого сильно страдало. На заседаниях партийного комитета обычным явлением считались междуведомственные споры и трения, переходившие в личную вражду между отдельными руководителями учреждений. Склоки и подсиживания друг друга имели место среди ответственных партийных работников. Аналогично взаимоотношениям Пубалта и Петроградского губернского комитета РКП6 взаимоотношения политического отдела Кронштадтской морской базы и крепости и Кронштадтского комитета РКП6 строились на нездоровой основе, что приводило к бесконечным конфликтам и спорам.

«В сентябре месяце Пубалтом, несмотря на протесты партийного комитета, начала проводиться строгая мера разграничения работы Кронштадтского политотдела от партийного комитета. Пубалт ставил вопрос так, что работу во флоте ведет целиком Пубалт и его политические отделы на местах, за что они и несут полную ответственность. На последней губернской партийной конференции в январе 1921 года такая политика была осуждена.

Линия, проводившаяся Пубалтом, не укрепила, а ослабила партийную работу в Кронштадте. Сил в политотделе было мало. Организационная неразбериха во взаимоотношениях мешала единому твердому партийному руководству, а работа во флоте все более усложнялась и требовала удесятиренного напряжения», — так характеризовал Л. Брегман взаимоотношения политотдела и партийного комитета в Кронштадте в известной нам статье [1].

Вернее на ослабление партийной работы в Кронштадте влияла не столько «линия, проводимая Пубалтом», сколько обоюдное непонимание с одной стороны гражданскими партийными организациями роли и назначения политических органов и особенностей партийного руководства в военных частях, а политические органы флота не понимали важности влияния на партийно-политическую жизнь кораблей и частей губкомов и райкомов петроградской партийной организации, наиболее крупной и авторитетной в партии, что и приводило к обособлению партийной работы во флоте.

К марту 1921 года Кронштадтская партийная организация без воинских и флотских коллективов насчитывала 684 члена партии и свыше 100 кандидатов. К этому моменту характерной чертой ее состояния было — развинченность, недисциплинированность, идеологическая нестойкость членов ее.

Разложение Балтийского флота при наличии болезненных явлений внутри партийных организаций и роста нездоровых политических настроений в личном составе шло к своему логическому концу. Не было достаточно сильного и авторитетного органа, способного оздоровить политическо-моральное состояние флота, принять энергичные и решительные меры для немедленного прекращения процесса развала боевого организма флота и крепости. При создавшемся положении требовались чрезвычайные меры и со стороны командования флота, и со стороны центральных органов, и со стороны Военного совета Петроградского укрепленного района. Политическое руководство флота в необычайно сложной и напряженной обстановке увлеклось чисто культурными задачами и «задачами

[1] Л. Брегман — «Кронштадтская организация РКПб, октябрь 1920 г.— 1 января 1921 г.» (сборник материалов Петрогубкома), П., 1921 г., выпуск 3-й, стр. 42.

флота для пропаганды мировой революции» и по существу потеряло необходимую чуткость к политическим настроениям матросских масс и тем процессам морального разложения личного состава флота, которые уже отчетливо вырисовывались в январе и особенно в феврале 1921 года. Эсеровские, меньшевистские, анархистские и прочие контрреволюционные организации проводили умело свою работу в частях и на кораблях, используя в своих интересах нездоровые явления в партийной организации, личном составе и в руководящей головке флота и крепости. Еще начиная с середины 1920 года ряд комиссаров кораблей сообщал в Пубалт о конкретных фактах работы всякого рода враждебных нам политических организаций, но Пубалт видимо серьезного значения указанным фактам не придавал. Возьмем несколько фактов, свидетельствующих о том, что контрреволюционная работа велась на кораблях задолго до мятежа. В декабре 1920 г. комиссары линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» сообщали о фактах контрреволюционной деятельности на линейном корабле «Севастополь»: «4 человека будируют команду», на линейном корабле «Петропавловск» у одного из военных моряков были обнаружены листовки анархистов». В своих комментариях к этим фактам комиссары стараются взять под защиту указанных лиц, находя ряд смягчающих для них обстоятельств — их недальновидность, малую развитость и пр. Между тем в результате «будирования» масс, как выражаются в сводках комиссары, на линейном корабле «Петропавловск» команда несколько раз отказывалась посещать лекции — «грамота гражданина», а на линейном корабле «Севастополь» к командованию предъявлялись требования созыва беспартийной конференции, чтобы можно было обсудить все наболевшие вопросы — положение в деревне, во флоте и пр.[1]

Требование созыва беспартийной конференции и бригадных собраний исходили от эсерствующих элементов, работавших по указке своих центров, и пользовалось среди массы моряков, и даже у ее партийной части, популярностью. На некоторых кораблях велась открыто противокоммунистическая агитация.

---

[1] ЛОЦИА, МИА, опись Пубалта, дело № 162.

[2] Там же, дело № 157, лл. 13 и 18.

«Замечались выпады со стороны В., в форме недовольства комиссарами, об их злоупотреблениях, а также и вообще о коммунистах..., кроме того, во всех случаях играя на почве неудовлетворения команды, агитирует и поднимает среди них недовольство существующей властью, в виду чего коллективу не представляется возможным правильно вести свою работу»,—писал[1] коллектив РКПб транспортной мастерской «Кама» в Пубалт 23 сентября 1920 г.

Упоминаемый тип В. был в плену у Деникина, в 1919 году рекомендовался в партийном коллективе партийным работником, но подтверждения в принадлежности к РКПб не имел, в партию не вступил и таким образом под маской «партийца» старался вести контрреволюционную работу. Даже в политотделе 187-й бригады и южного побережья Финского залива антисоветские элементы пытались агитировать, будто-бы

«большевики заморили массу народа голодом. Во всех государствах, дают солдатам мясо (указывалось на Эстонию), но у нас и этого нет... В России рабочий и крестьянин требовали 8-часовой рабочий день, а теперь им приходится работать целые сутки, да еще привлекают ходить на субботники»[2].

Относительно контрреволюционной агитации сообщалось в декабре 1920 г. из отряда морских переходящих команд, 4-го дивизиона артиллерии, форта «Риф» и других частей и кораблей. Во время выборов на 8-й Всероссийский съезд советов, в караульном полку два красноармейца выступили вообще против кандидатур коммунистов[3]. При желании перечисление фактов антисоветской работы во флоте и в крепости можно было бы увеличить в несколько раз. Политическое руководство и командование флота как то проходило мимо этих фактов. Близорукость руководства, казенный оптимизм, взгляд на политическое состояние флота через розовые очки, — все это сквозило в оценке Пубалтом происходящих процессов в частях и на кораблях. Чем больше, как не этим, объяснить то обстоятельство, что накануне 8-го Всероссийского съезда советов начальник Пубалта в своем отчете[4] «о политической работе с декабря 1919 г. по декабрь 1920 г.», предназначенном для информации прави-

---

[1] ЛОЦИА, МИА, опись Пубалта, дело № 157, лл. 13 и 18.
[2] Там же, дело № 195, стр. 220.
[3] ЦВПА при ВПАТ, дело № 714, лл. 847, 848.
[4] Там же, л. 946.

тельства о положении дел на Балтике, дал такую оценку политическому состоянию флота:

«Настроение масс находилось в зависимости от обстановки. Весьма хорошее влияние на моряков Действующего отряда оказало пребывание в море за вторую половину кампании. Политическое настроение можно характеризовать лишь с положительной стороны (разрядка наша. *А. П.*),—в связи с положением на красных фронтах и актами мировой революции, с подъемом как при тяжелых, так и при отрадных моментах. Материальные условия продолжали быть ненормальными за все время, с небольшим недовольством по поводу невсегда удовлетворительного качества пищи и при перечислении части береговых команд на красноармейскую обмундировку. Более острое наслоение настроений наблюдалось в последние месяцы среди национальных меньшинств флота—собственно среди эстов и латышей, охваченных болезненным стремлением оставить военную службу и отправиться на родину. Главная причина здесь—малосознательность, подвергшаяся провокации агентов белых стран. Энергичная организация и просветительная деятельность интернационального отдела, основанного в августе 1920 г., вместе с влиянием рассказов очевидцев с мест Латвии и Эстонии сейчас радикально переменили положение, и активное проявление желания вернуться на родину прекратилось. В связи с численным сокращением армии в Балтийском флоте с успехом проводится агитация о невозможности демобилизации для флота, так что о каком-либо определившемся обострении не может быть и речи. Вопросы об отпусках на зимний сезон являются сейчас центром внимания, доколе они не будут разрешены определенно. Хорошим мерилом для настроения по материальным причинам служит поступление жалоб на те или другие ненормальности на местах. Таковых ежедневно поступает до 20, при чем тут же принимаются меры для ликвидации указанных ненормальностей».

Так рисовалось положение в Балтийском флоте к началу 1921 года в важнейшем политическом документе начальника Пубалта. И как эта оценка далеко расходится с живой действительностью! Ведь буквально перед самым отъездом начальника Пубалта в Москву во время выборов на съезд значительная часть моряков Петроградской базы устроила политическую демонстрацию, покинув собрание во время голосования кандидатур командующего флотом и начальника Пубалта. Затем в период пребывания на съезде руководящей головки флота недовольство моряков настолько усилилось, что грозило вылиться в открытое выступление против командования. Замаскированные меньшевики и эсеры на собраниях команд протаскивали вопросы

политического характера, связывая обычно с материальными недочетами и вопросами, волнующими моряков (отпуска), положение в деревне и т. п., при обсуждении которых неизбежно происходили недоразумения и провокационные выступления против командования флотом, политорганов и советской власти. Распоряжени Пубалта о запрещении самочинно устраиваемых собраний частенько не выполнялись — в одних случаях комиссарским составом, оппозиционно настроенном к Пубалту, а в других случаах самими моряками, нежелавшими подчиняться комиссарам и командирам.

Оптимистическая оценка со стороны руководящих политических и строевых органов флота его политического состояния открывала широкое поле для работы враждебных сил, благо почва для этой работы была весьма благоприятная. Пубалт в своих сводках с 1 по 21 февраля 1921 г. все же указывал на следующие факты:

«Среди коммунистов апатия. Прибывшие из отпусков военные моряки жалуются на неправильные действия местных властей... Отношение к комиссару и коммунистам — неудовлетворительное. Наблюдается агитация против советской власти... Командир (судна «Зенит») недоброжелательно отзывается о коммунистах и советской власти... Кронштадтская база — настроение ухудшается... 550-й полк — заметно антисемитское настроение, особенно у возвратившихся из отпуска. Состоялось собрание комиссаров и командного состава. В виду неустойчивого положения среди красноармейцев караульной службы постановлено для улучшения варки пищи выдать имеющуюся крупу», и т. д.[1]

С началом «волынок» в Петрограде политические настроения моряков резко изменились в худшую сторону. Мелкобуржуазная стихия захлестнула флот. На кораблях и в частях стихийно устраивались митинги и собрания, конечно без каких-либо разрешений со стороны командования и комиссаров. На этих собраниях выбирали «делегатов» для обследования положения рабочих фабрик и заводов Петрограда. Лозунги «перевыборов совета», «свободы собраний», «созыва беспартийной конференции», «упразднения политотделов», «упразднения заградительных отрядов» и т. д. свободно гуляли по кораблям и горячо

[1] ЦВПА при ВПАТ, дело № 862, Информационный бюллетень ПУРа с № 28 по № 39.

обсуждались моряками. Неофициальную кампанию выборов «делегатов» в Петроград взяли на себя эсерствующие и меньшевиствующие элементы. Партийная организация коммунистов и политический состав растерялись и заняли выжидательную позицию. Наиболее крепкая группа эсеров и меньшевиков организовалась на линейном корабле «Петропавловск» во главе с С. Петриченко и Перепелкиным, которая исподтишка и раньше вела работу. Видя полное бездействие руководящих органов, они мобилизовали недовольные массы под своими туманными лозунгами и направляли недовольство их против коммунистов. «Делегаты» подбирались уже из обработанных ими моряков, на которых они могли положиться. «Делегатам» официально выдавались мандаты даже за подписью комиссаров и они с этими мандатами свободно расхаживали по фабрикам и заводам Петрограда (Балтийский, Трубочный, Путиловский, Обуховский, «Треугольник» и т. д.), вели там антисоветскую агитацию и обещали поддержку рабочим со стороны кронштадтских матросов. По возвращении на корабль «делегаты» отчитывались о выполнении данных им поручений и это еще больше усиливало недовольство моряков.

«Мне помнится, — рассказывает М. В. Кузьмин [1], — на одном из собраний, когда такой делегат делал отчет о своей поездке в Петроград, он говорил, что в Петрограде льется кровь, что в Петрограде рабочих расстреливают, что в Петрограде советская власть... идет против рабочих, что мы, матросы, не должны допустить этого. И несмотря на то, что велась фактически открытая контрреволюционная работа, контрреволюционные выступления, готовился открыто мятеж, несмотря на это надлежащих мер принято не было».

«Мне вспоминается случай, — говорит он дальше, — когда была арестована на Васильевском острове одна такая группа делегатов в три человека. Я пришел на линейный корабль [2], где была сосредоточена большая часть моряков, и там застал собрание, на котором встретил арестованных мною три часа назад делегатов. Они делали доклад о положении в Кронштадте, что там моряки организовались, что там матросы ловят коммунистов, что готовят совет свободный и вольный от коммунистов. Тогда я выступил там на собрании и пытался говорить и объяснить, но меня хотели выбросить за борт, говорить было бесполезно. Мы приняли

[1] НИС ОСО ВПАТ, стенограмма вечера воспоминаний о Кронштадтском мятеже, стр. 11.

[2] Линейный корабль «Гангут» стоял в Петрограде.

надлежащие меры: мы пошли с группой, организовали уборку оружия, выставили пулемет и тогда приказали собранию разойтись. Я снова арестовал делегатов. Они предъявили мне мандаты, на которых я прочел, что им разрешается устраивать в Петрограде собрания. Мандаты эти были выданы политической организацией».

В Кронштадте эсеры и меньшевики, задрапированные в тогу беспартийных, развивали в это время бешеную контрреволюционную агитацию, скрыто оформляя руководящий центр противосоветского движения и ожидая удобного повода для открытых действий. В эти тяжелые дни политическое руководство флота оказалось пассивным зрителем развертывающихся на его глазах событий. В Пубалте и у командования Балтийского флота царила растерянность — полное незнание обстановки. Командование крепости не знало, что делать, и спокойно ожидало указаний «начальства». Нам уже известно, как отнесся комиссар крепости к организации (во исполнение решений Петроградского губернского комитета РКПб комитета обороны в Кронштадте, считая такой орган «разведением комитетчины». Политотдел Кронштадтской морской базы и крепости 26 февраля созвал совещание комиссаров по поводу создавшегося положения на кораблях и в частях. 27 февраля устраивается собрание организаторов коллективов РКПб, где ставится информация о петроградской «волынке». Партийных руководителей призывали к бдительности, но и сами руководители не отдавали себе точного отчета, что может случиться.

Эти совещания и собрания могли бы сыграть более существенную роль, если бы они были созваны раньше, если бы руководство сумело оценить правильно характер и размах движения. Кронштадтский совет и Кронштадтский районный комитет РКПб не взяли на себя инициативы проведения решительных, энергичных мероприятий по предупреждению антисоветского движения и пассивно выжидали, что предпримет командование и политическое руководство флота и крепости. Эсеры и меньшевики особенно усилили свою работу в течении 26, 27 и 28 февраля, когда они увидели полный провал организованных ими «волынок» в Петрограде, когда они убедились, что рабочий класс остается верным интересам пролетарской революции. Поэтому центр своей работы они сосредоточили на Кронштадте

и на кораблях, стоящих в Петрограде. Например 26 февраля на эскадренном миноносце «Азард» команда под влиянием эсеровской агитации выразила протест против посылки вооруженных коммунистов в город. Во время собрания там же распространялись провокационные слухи, что внесло смятение в команду. На эскадренном миноносце «Гарибальди» было вывешено воззвание против советской власти и проч.

Таким образом флот и крепость оказались во власти мелкобуржуазной стихии, во власти противокоммунистических настроений, усиленно подогреваемых врагами диктатуры пролетриата — эсерами, меньшевиками, анархистами и прямыми белогвардейцами. Путь к вооруженному восстанию был расчищен, нужен был только для этого повод. Таким поводом послужил митинг моряков, красноармейцев и граждан Кронштадта 1 марта 1921 г., которым была принята эсеровская резолюция, означавшая начало контрреволюционного мятежа моряков против советского правительства.

Каковы же непосредственные причины, толкнувшие моряков-балтийцев на вооруженную авантюру против диктатуры рабочего класса? Из всего сказанного выше вытекают три непосредственных причины: 1) социальное изменение облика личного состава Балтийского флота и наполнение кораблей и частей мелкобуржуазным, деклассированным, анархиствующим элементом; 2) усилившийся процесс разложения флота в силу: затруднений в снабжении его всеми видами довольствия, почти полной боевой бездеятельности и ухудшения политико-морального состояния личного состава (усиление влияния деревни на моряков — отпуска, письма и пр. и наконец 3) разложившаяся партийная организация, до крайности скверное состояние политической работы во флоте и слабое политическое руководство массами моряков и населения гор. Кронштадта со стороны политических органов и Кронштадтского комитета РКПб, отсутствие необходимой чуткости к происходившим процессам, пассивность и растерянность руководства в моменты напряженной обстановки.

Кронштадт и Балтийский флот находились в преддверии грозных событий, сыгравших крупную роль в жизни нашей страны.

А. С. Пухов.

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКПб

БОЛЬШЕВИКИ В КРАСНОАРМЕЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В 1918 ГОДУ.

(Март — июнь 1918 г.).

На страницах «Красной летописи» уже находила свое отражение история организации красноармейцев в Петрограде в 1918 г. в частности, о 1-й и 2-й конференциях красноармейцев в марте и мае того же года [1]. В настоящей статье мы ставим своей задачей дать некоторый дополнительный материал, представляющий интерес для рассматриваемой темы, а также сделать из всего имеющегося материала некоторые выводы.

* *
*

Каким образом встал вопрос об объединении и организации всех красноармейцев Петрограда и ближайших к нему окрестностей? Каким образом создалось положение, при котором органам советской власти противостояли другие органы, вроде красноармейских конференций и представлявшего их интересы в промежуток времени от одной конференции до другой — Исполнительного бюро.

С начала Февральской революции солдаты, как и рабочие имели свои выборные органы — советы рабочих и солдатских депутатов. Под лозунгом «вся власть советам» — шла борьба до Октябрьской революции. «За власть советов» — под этим ло-

---

[1] См. статью В. Ф. Малаховского — «Переход от Красной гвардии к Красной армии» в № 3/27 за 1928 г. (стр. 30-33 и 48-51) и статью Г. С. Пухова — «Первые шаги к регулярной Красной армии» в № 4/31 за 1929 г. (стр. 26-28) ж. «Красная летопись», а также книгу А. Ф. Ильина-Женевского — «Большевики у власти» (воспоминания о 1918 годе), изд. «Прибой», Л., 1929 г., стр. 61 — 72.

зунгой сражались рабочие и крестьяне (сначала бедняки, а затем и средняки) — в годы гражданской войны. Учитывая необходимость пролетарского руководства крестьянством — большевики вели борьбу за объединение совета рабочих депутатов с советом солдатских (и крестьянских) депутатов. Наоборот буржуазия и социал-соглашатели, особенно социалисты-революционеры, всячески этому противились, стремясь изолировать солдат (крестьян) от рабочих. В Петрограде почти с первых дней революции был создан объединенный совет, в котором, и в частности в солдатской секции которого, солдатские массы видели защитника от буржуазного правительства и старого командования.

После октября 1917 г. и начавшегося роспуска старой армии — начал постепенно изживать себя и институт солдатских депутатов. С ростом новой, Красной, армии на смену последним должны были прийти красноармейские депутаты в совет. А вот этого как раз и не было в первые месяцы организации Красной армии. На этой-то почве и возникла мысль о созыве представителей всех красноармейских частей для объединения, организации и выбора своего представительного органа. В результате 29 марта 1918 г. была созвана 1-я петроградская конференция красноармейцев. Партийная организация в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимала внутрипартийная борьба с левыми коммунистами, не смогла руководство этой конференцией взять в свои руки. В этом отношении чрезвычайно показателен и поучителен следующий факт. В то время как сейчас партийные конференции и совещания предшествуют советским и беспартийным — в 1918 году случилось как раз обратное. В конце марта состоялась 1-я беспартийная красноармейская конференция, а только лишь через три недели—1-я общегородская конференция красноармейцев-большевиков. При таком положении вещей не приходится удивляться тому, что большевистское ядро было на красноармейской конференции совершенно недостаточно и к тому же действовало в высшей степени неорганизовано. Немудрено, что анархистские элементы и именовавшее себя «беспартийным», но по существу анти-большевистски настроенное, ядро конференции, захватили руководство в свои руки, как на самой конференции

так и в выбранном на этой конференции Исполнительном бюро.

И конференция, и бюро — по аналогии с 1917 годом — считали себя высшим политическим органом красноармейцев, своего рода красноармейской секцией, противопоставляя себе (опять-таки по аналогии с 1917 годом, и не желая вдумываться в те коренные изменения, которые в результате пролетарской революции произошли в отношении классовой сущности власти) как центральную, так и местную власть. Присвоение себе законодательных функций вытекало из этих чисто анархистских, мелко-буржуазных взглядов, как само-собой очевидное явление.

Ход рассуждений был таков: у красноармейцев нет своих представителей в Петроградском совете — Исполнительное бюро красноармейской конференции и заменяет их.

И нужно признать, что борьба с этими взглядами, противопоставление им правильных ленинских взглядов о принципах демократического централизма, пролетарской демократии и т. п. — велась далеко недостаточная. Петроградская печать и в частности красноармейская этим вопросам уделяла очень мало внимания. Партийные организации с этими взглядами вели борьбу также далеко недостаточную. А эти «демократические» настроения были сильны и в партийных рядах. Достаточно привести один пример. Когда в июне того же года в Москве был созван 1-й всероссийский съезд военных коммиссаров, из которых около 75% были большевики, то и на этом съезде были очень сильны тенденции за присвоение съезду законодательных функций, т. е. права издания обязательных для всей страны решений и постановлений, в данном случае — в области военного строительства. Если таковы были настроения на съезде руководителей красноармейских частей, на съезде с обеспеченным партийным большинством, то приходится ли удивляться, что руководимая анархистами красноармейская конференция считала себя вправе издавать обязательные постановления, предписывать органам советской власти и т. д.

Не задерживаясь на работе 1-й конференции, поскольку она освещена в статье В. Ф. Малаховского, остановимся на том, — сделаны ли были все необходимые выводы из уроков этой конференции и в достаточной ли мере они были учтены в последующем.

Между прочим отдельные красноармейские коллективы партии уже тогда подымали голоса протеста в ответ на самовольное расширение своих прав конференцией и исполнительным бюро. Так коллектив РКПб пехотного полка Красной армии Выборгского района в своей резолюции писал:

«Обсудив вопрос о деятельности исполбюро конференции красноармейцев..., коллектив считает недопустимым опубликование к руководству и исполнению районным штабам и советам тех или иных распоряжений, помимо существующих органов советской власти... Собрание считает, что всякое требование той или иной группы населения должно быть подвергнуто обсуждению и утверждению советами, как органами, осуществляющими волю и желание всех трудящихся масс в целом, как рабочих, крестьян и красноармейцев» [1].

Но несмотря на такие вполне правильные взгляды в среде красноармейских партийных коллективов, все же в полной мере все уроки учтены не были и на следующей, 2-й, красноармейской конференции в мае, анархистские элементы снова получили возможность проводить свою антибольшевистскую, антисоветскую линию.

В промежуток между обеими петроградскими красноармейскими конференциями состоялась, как уже указывалось, 1-я петроградская конференция красноармейцев большевиков. На ней были затронуты и продискуссированы все вопросы военного строительства. Выступали как сторонники ленинской линии, так и представители «левых коммунистов». Были приняты вполне определенные решения и все же, несмотря на это, и ко 2-й красноармейской конференции большевики пришли недостаточно сплоченными, недостаточно дисциплинированными.

Поскольку ход работы этой конференции в указанных выше двух статьях освещен достаточно полно, мы остановимся здесь только на некоторых моментах. На конференции было 350 делегатов, огромное большинство их стояло на платформе защиты советской власти. Все разговоры и писания социал-соглашательского лагеря, утверждавшего, что «2-я красноармейская конференция выявила анти-советские настроения, господствующие в красноармейской среде [2]», были голой демагогией и само-

[1] Малаховский, цитир. статья, стр. 32.

[2] Цитир. по статье С. Г[ессена] — «По поводу 2-й красноармейской конференции» («Петроградская правда», № 103 от 9 мая 1918 г.).

утешением. Никакие призывы — назад к Учредилке — или против государственной власти вообще, сочувствия хотя бы в мало-мальски значительных слоях красноармейцев не встречали. Но это не мешало той же конференции в части, касающейся практических мероприятий, проваливать большевистские предложения, голосуя за более созвучные мелко-буржуазной массе предложения анархистов или «беспартийных». И вот противопоставить этой массе сплоченное, дисциплинированное ядро большевиков, противопоставить настолько, чтобы повести за собой колеблющихся, шатающихся, сочувствующих большевикам делегатов, — этого не удалось и на этой конференции.

Надо сказать, что основное ядро большевиков было достаточно активно. Дисциплинированность этой части большевистской фракции особенно возмущала анархистов. Но все же это было характерно только для основного ядра большевиков, а главное не в такой мере, чтобы суметь повести за собой беспартийных. Достаточно сказать, что у большевиков даже не было точного учета количества партийных делегатов на конференции. По некоторым данным из 350 делегатов с решающим голосом — около 225 человек заявили себя большевиками или сочувствующими большевикам. 225 человек — это совершенно достаточное большинство, но к сожалению оно было далеко не точным. И когда дело доходило до голосования, то большевики сплошь и рядом получали 110, 115, 120 голосов и в лучшем случае 140[1]. Последнюю цифру приводит и Г. С. Пухов в своей статье (стр. 27). И этого количества было бы достаточно, чтобы, поведя за собой хотя бы часть беспартийных (на деле — близких к большевикам) делегатов, обеспечить за партией большинство. Но к сожалению дисциплинированность фракции (в целом) была такова, что когда дело дошло до решающего голосования об отношении к Исполнительному бюро 1-й конференции, то большевики потерпели поражение.

Были предложены две резолюции. Одна — большевистская, считавшая необходимым изменение тактики Исполнительного бюро в сторону «неукоснительного подчинения всем распоря-

[1] Цитир. по статье С. Г[ессена] — «По поводу 2-й красноармейской конференции».

жениям центральной власти» [1], и вторая — одобрявшая деятельность бюро и находившая необходимым скрепить свое доверие к бюро выработкой соответствующего наказа. И вот за большевистскую резолюцию было подано 93 голоса, а за вторую — 177. Итак беря даже наименьшую численность фракции — в 140 человек, видим, что в голосовании участвовали всего 93 чел. А при этом нужно учесть, что с левыми эсерами было заключено соглашение о совместных выступлениях против присвоения конференции законодательных функций, так что несколько голосов за первую резолюцию принадлежало им.

Все это показывает, что часть делегатов большевиков голосовала против предложений фракции. Об этом говорит и автор цитированной статьи С. М. Гессен. Но о чем говорят все эти факты? О том, что красноармейские организации принимали в свои ряды недостаточно проверенных товарищей; на конференцию партийные ячейки выставляли не лучших своих членов; на конференции не было достаточного руководства всеми членами фракции. Конечно в значительной степени все это объяснимо объективными причинами, но надо полагать, что и субъективные моменты здесь также играли роль.

Характерен и такой факт. Уже на апрельской петроградской конференции красноармейцев-большевиков ставился вопрос о необходимости представительства красноармейцев в Петроградский совет. Г. Е. Зиновьев тогда же отмечал, что хотя 1-я красноармейская конференция (мартовская) высказалась за норму представительства — один делегат на 200 чел., Петроградский совет решил в этом отношении уравнять в правах красноармейцев и рабочих, т. е. 1 делегата выбирать от 100 человек. Мы знаем, что эти выборы были совершенно необходимыми. После проведения их отпадала какая бы то ни было возможность защищать необходимость созыва красноармейских конференций с последующими выборами исполнительных органов и т. п. Включение представителей от красноармейцев в советы, — в эти органы пролетарской диктатуры, где рабочему классу и партии принадлежала руководящая роль, — позволило

[1] См. «Петроградская правда», № 100 от 18 мая 1918 г., отчет о заседании 15 мая.

бы подчинить, ввести в русло пролетарской организованности и дисциплины мелко-буржуазные анархистские настроения красноармейцев.

Тогда же на апрельской партийной конференции было указано, что для борьбы с нежелательными влияниями руководство предвыборной кампанией передается Политотделу военного окружного комиссариата. И все-таки тогда же нашлись товарищи, выступившие против необходимости срочного проведения этих выборов. Так один из видных военных работников того времени И. В. Куделько указывал,

«что с выборами в совет от красноармейцев надо повременить, так как Красная армия еще не налажена и представительство будет носить случайный характер» [1].

Это мнение было бесспорно ошибочным. Оно и не встретило особого сочувствия у конференции. И все-таки на деле именно «повременили». Дали возможность собраться еще 2-й красноармейской конференции. Чуть ли не еще целых 3 месяца Исполнительное бюро вело свою разлагающую работу в частях петроградского гарнизона. Только в конце мая начались выборы в Петроградский совет. Только в конце июня оформилась военно-морская секция совета и только в начале июля после соответствующего решения последней [2] было наконец ликвидировано Исполнительное бюро 2-й красноармейской конференции [3].

Были ли в Исполнительном бюро большевики? Да, из 15 членов его, выбранных на конференции, 7 были большевиками. В какой же мере обеспечили они проведение правильной линии в работе Исполнительного бюро? И во всяком случае—в какой мере боролись они за эту правильную линию? Ведь 7 человек из 15, 7 большевиков против 8 беспартийных (только И. Блейхман числился анархистом) всегда казалось должны были обеспечивать большинство голосов партийным установкам. А вот этого-то как раз и не было.

---

[1] «Петроградская конференция большевиков красноармейцев» (протоколы), П., 1918 г., стр. 30.

[2] См. об этом в отчете о первом заседании военно-морской секции в «Петроградской правде», № 137 от 2 июля 1918 г.

[3] В «Петроградской правде», № 139 от 4 июля 1918 г., мы находим следующее объявление:

Между тем нужно отдать справедливость, сразу же после окончания 2-й конференции были сделаны совершенно правильные выводы об очередных задачах партийной работы в Красной армии.

С. М. Гессен в своей статье писал:

«Исполнительное бюро 2-й конференции красноармейцев доводит до сведения всех красноармейцев, что 2 июля военно-морской секции Петроградского совета переданы все функции и все делопроизводство Исполнительного бюро, а потому за всякого рода запросами и справками надлежит обращаться в секцию, Смольный, комн. 36».

«... блейхмановское Пошехонье бросило нам перчатку; мы ее подняли и борьба началась. Было бы величайшей наивностью думать, что эта борьба может стихнуть с окончанием конференции. «Старинный спор» между пролетарским революционером и мелкобуржуазным бунтарем может быть решен только в процессе продолжительной и упорной борьбы.

Вторая конференция, обнаживши с совершенной ясностью противоречие двух устремлений в Красной армии, заставляет партийную организацию сделать два вывода.

Во-первых с еще большей интенсивностью, чем раньше, должна вестись партийная работа в Красной армии. Нам приходится работать в условиях, при которых необразовать партийной ячейки в какой-нибудь красноармейской части значит — без всякого преувеличения — совершить прямое преступление перед историей. В порядок дня партийной работы должен быть немедленно поставлен вопрос об усиленной устной и письменной агитации и пропаганде среди красноармейцев.

Во вторых для того, чтобы взять в организационные тиски рядовую красноармейскую массу, нужно в первую голову связать строжайшей дисциплиной всех членов красноармейских партийных ячеек, поставив всех и каждого под контроль всего коллектива в целом.

Социалистическая армия не может выйти, как Минерва, во всеоружии материальной и духовной мощи из головы пролетарского Юпитера. Ее создание — трудный и продолжительный процесс. И первая задача, выпадающая на долю партии в ее строительстве, — борьба по всей линии с мелко-буржуазным развалом.

... Не нужно закрывать глаза на размеры и трудности этой борьбы. Волна мещанского распада — явление всероссийского масштаба, но она обретает особо благоприятную почву в Петрограде, с его истерзанным безработицей, эвакуацией, продовольственным кризисом небывало деклассирующимся пролетариатом.

И тем не менее эта борьба должна быть начата. Без торжества пролетарской организованности над анархически-обывательскими элементами не может быть создана крепкая армия. Военная угроза, нависшая над Петроградом, удесятеряет необходимость этой борьбы.

Пролетарский авангард не может склонить голову перед мелко-буржуазной стихией. Не капитулировать перед ней мы должны, а ее преодолеть».

Против сделанных в статье выводов и поставленных задач ничего нельзя возразить, но в тоже время не следовало упускать из виду и такой важной задачи, как необходимость парализовать вредную деятельность Исполнительного бюро.

А о действиях последнего можно судить по ряду интереснейших фактов. Вот например 5 июня Исполнительное бюро обратилось в Совнарком Петроградской трудовой коммуны с докладной запиской о мерах, необходимых для улучшения экономического положения красноармейцев [1]. Докладная записка была своего рода продолжением наказа, который в свое время был принят 1-й конференцией и представлен на утверждение во Всероссийскую коллегию по формированию Красной армии [2]. Самая редакция докладной записки была такова, как будто какой-то высший орган разговаривал с низшим, ему подчиненным:

«Исполнительное бюро п р е д л а г а е т (!) Совету народных комиссаров в экстренном порядке провести в жизнь следующие мероприятия...».

Редакция этих слов, неоднократно повторяющаяся в записке, показывает общий тон документа. Не менее интересна политическая установка этого документа. Она с исключительной четкостью была поставлена в заключительной части последнего в следующих словах:

«В основу всех проэктов, в фундамент всего строительства Красной армии должен быть положен девиз: «с ы т ы й п о б е ж д а е т» (подчеркнуто в тексте нами. *С. Р.*).

«Сытый побеждает» — таков был символ веры Исполнительного бюро. И в этом духе фактически велась им вся работа. Все практические предложения докладной записки вытекали из этой основной установки. Конечно не может быть двух мнений, что в тяжелых условиях жизни 1918 года красноармейцы имели право на лучшее относительно положение, чем остальное население Петрограда, включая может быть и рабочих. Но постановка вопроса Исполнительного бюро извращала и

[1] См. приложение.

[2] Об этом и самый наказ см. в цитир. статье В. Ф. Малаховского.

фактически сводила на нет все мероприятия партии и советской власти, ибо удовлетворить полностью все потребности красноармейцев было невозможно. Да что говорить — полностью! И на половину все это сделать было почти что совершенно невозможно. Значит по мнению Исполнительного бюро — и армии тогда создавать нельзя было.

И вот этот «документ» вышел из органа, имевшего в своем составе около 50% большевиков. Причем очевидно последние — если не все, то часть из них (вне всякого сомнения), — считали все выставленные в докладной записки требования, самый дух ее вполне в порядке вещей, ибо и выпущенный в свет в июне № 1 органа Исполнительного бюро — «Вестник красноармейца» по своему содержанию вполне соответствовал установкам докладной записки, всей линии поведения Исполнительного бюро.

В передовой статье — «Наши задачи и надежды на Красную армию», написанной по всей видимости ответственным редактором К. Г. Аршавским, на ряду с совершенно правильными и вполне реальными мыслями и требованиями отчетливо звучат отдельные нотки, навеянные господствовавшими в Исполнительном бюро настроениями.

«Мы полагаем, — пишет автор статьи, — что эта тяжелая, но славная задача (создание Красной армии) может быть с честью выполнена, если вместо недоверия к красноармейским организациям им будет оказано содействие в их стремлении создать благоприятные условия для вышеупомянутой работы» [1].

О каких красноармейских организациях говорит автор? Может быть о партийных ячейках и коллективах? — Нет, о них ни слова в статье. Совершенно очевидно, что речь идет о самом Исполнительном бюро, о красноармейских конференциях, о комитетах частей. И это пишется тогда, когда Исполбюро во всю вмешивается в распоряжения советской власти, в частности военных органов, вплоть до того, что принимает постановление об устранении командира Василеостровского полка; когда 2-я конференция дает своему бюро наказ:

[1] «Вестник красноармейца», стр. 3.

«Без рассмотрения конфликтов в Исполбюро никакие разоружения отдельных красноармейских частей недопустимы» [1].

Когда ответ на запрещение создавать комитеты частей, красноармейцы отдельных частей принимают резолюции следующего содержания:

«Мы, красноармейцы 1-й Василеостровской артиллерийской батареи, узнав об упразднении комитетов, спрашиваем: где же наш лозунг: да здравствуют советы и комитеты! Мы, пролетариат, пришедший на защиту революции..., заявляем, что всеми мерами протестуем против насилий над комитетами, откуда бы они ни исходили» [2].

Или когда в ответ на начавшуюся уже здоровую критику деятельности Исполнительного бюро, в другой уже резолюции, помещенной в том же журнале, подчеркивается, что «Исполнительное бюро — единственный выразитель нашей (красноармейцев) воли и нужд».

Так вот при наличии таких болезненных явлений редактор журнала — член партии — не только печатает без всяких примечаний все эти резолюции, но и сам еще в передовице требует доверия, содействия этим организациям. Для партии все эти «законодательные» конференции, комитеты, исполнительные бюро — пройденный этап в строительстве Красной армии, а посланные партией в эти же организации товарищи вместо того, чтобы ускоренным темпом содействовать изнутри их ликвидации, отстаивают необходимость сохранения их.

Поэтому было вполне логичным, что в той же статье-передовице доказывалось, что

«на экономические и политические требования красноармейцев следует смотреть не как на «шкурные», а как нат ребования, имеющие общественно-важное значение для всех, кто действительно предан революции и кто действительно хочет победы пролетариата» [3].

Итак требование сохранения комитетов; скорейшего созыва Всероссийской красноармейской конференции [4]; требование в основу всего строительства положить лозунг — «сытый побеж-

---

[1] «Вестник красноармейца», стр. 7.

[2] Там же, стр. 8.

[3] Там же, стр. 3.

[4] Это требование одной из резолюций принято еще 8 июня и без всяких примечаний помещено в «Вестнике красноармейца» (стр. 8).

дает», и всякие аналогичные требования, — все это выдается за «требования, имеющие общественно важное значение».

После всего сказанного следует ли удивляться, что в том же журнале на 4 страницах дается в подвале «пантехническая утопия» одного из видных анархистов того периода — Гордина.

А теперь еще раз напомним: в Исполнительном бюро из 15 человек — 7 большевиков; ответственный редактор органа этого бюро — большевик, а деятельность же самого бюро и содержание журнала — самые что ни на есть анти-большевистские. О чем все это говорит? Только лишь о том, что члены партии вместо того, чтобы возглавлять по настоящему все эти организации и органы и направить их работу по другому руслу или же в худшем случае — свести до минимума приносимый ими вред, имея в конечном счете задачу самоликвидации, — вместо всего этого они в течение 4 месяцев давали возможность заражать всякими мелко-буржуазными, анархическими идеями неокрепший еще организм молодой Красной армии.

Надо ли доказывать вредные тяжелые последствия всего этого?

Они и так понятны. Они имели место и если все же вред этот парализовался контрнаступлением здоровых элементов красноармейских частей, если последствия этих «болезней» были в общем очень быстро изжиты, то только лишь по одной причине. Эта причина — правильное общепартийное руководство и правильная самоотверженная работа красноармейских партийных коллективов, исправлявших ошибочные действия некоторых «руководителей». Именно они, рядовые партийцы в большинстве своем, давали отпор всяким «левым» настроениям, отстаивая и проводя в жизнь правильную партийную линию в области военного строительства.

В свете изучения деятельности петроградских красноармейских организаций в первой половине 1918 года мы лишний раз убеждаемся, но уже на новом материале, в правильности и обязательности некоторых сейчас уже вполне установившихся принципов партийной работы: безусловной необходимости партийного руководства беспартийными организациями; строгой партийной дисциплины во фракциях выборных органов; обязательности партийного руководства периодическими изданиями; обя-

зательной предварительной подготовки разного рода широких беспартийных конференций, — т. е. как раз всего того, что не было в достаточной степени проведено в отношении красноармейских организаций. — Этот опыт, поучительный вообще, вдвойне поучителен по отношению к Красной армии, где правильное партийное руководство, строгая дисциплина внутри партийных организаций, правильное руководство беспартийными массами и организациями является основным условием, обеспечивающим боевую мощь Красной армии.

С. Е. Рабинович.

Приложение.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА [1]

ОБ УЛУЧШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ И ИХ СЕМЕЙ.

От Исполнительного бюро 2-й конференции красноармейцев в городе Петрограде и окрестностей.

В Совет Народных Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны.

Красноармейцы и их семьи, в связи с декретом Совета Народных Комиссаров об уменьшении жалования до 150 руб. в месяц и переживаемым ныне продовольственным кризисом в Петрограде и окрестностях, находятся в крайне тяжелом положении. Ясно, что семейный красноармеец при современной дороговизне не может прокормить свою семью, если ему не будет предоставлено некоторых преимуществ по сравнению с рядовыми обывателями.

Исполнительное бюро, считаясь с переживаемым критическим моментом шло на всевозможные уступки и призывало тов. красноармейцев к соблюдению спокойствия и дисциплины, чтобы эксцессуальными действиями не сыграть на руку контрреволюци и врагам Советской власти. Исп. бюро исполнило свой революционный долг. Ему удалось разъяснить красноар-

[1] В записке сохраняем ее стиль без изменения. *Ред.*

мейцам тяжелое положение Социалистического отечества революции и Советской власти и красноармейцы, несмотря на свое чрезвычайно тяжелое положение, ожидают работ Исп. Бюро по улучшению их положения. Надо понять, что красноармейцы не требуют для себя каких то особых привиллегий, по сравнению с товарищами рабочими, из среды которых они недавно лишь вышли, но имеют полное право на те элементарно-справедливые условия службы и жизни их, о которых ходатайствует Исп. Бюро. Красноармейцы, жертвующие своею жизнию для защиты власти и жизни рабочих и крестьян, имеют все права содержать свои семьи в условиях жизни средне-квалифицированного рабочего и на обязанности тех, кого они защищают, дать им эти условия.

Исп. Бюро, получив от 2-й Конференции наказ отстаивать во что бы то ни стало жалованье красноармейцам в размере 300 руб. в месяц посылало делегацию в Москву, которая привезла от Народного Комиссара по Военным делам тов. Троцкого мотивированный отказ в удовлетворении этого требования. После всестороннего обсуждения создавшегося положения Исп. Бюро под своей личной ответственностью, нарушив наказ конференций, призвало тов. красноармейцев к подчинению декрета о жаловании, изданному Совнаркомом и, как видим, острота больного вопроса стала сглаживаться. Но призыв к подчинению тов. красноармейцев обязывает Исп. Бюро ходатайствовать перед Советом Народных Комиссаров Петроградской Коммуны о проведении в жизнь тех пунктов наказа, которые Трудовая Коммуна может удовлетворить, не испрашивая разрешения центральных органов, или относительно которых уже имеются декреты Совнаркома, неизвестно почему оставшиеся не приведенными в жизнь.

Ввиду этих обстоятельств, желая найти наиболее безболезненный выход из положения, Исп. Бюро предлагает Совету Народных Комиссаров в экстренном порядке провести в жизнь следующие мероприятия:

§ 1. Оказать денежную помощь семьям красноармейцев из средств Комиссариата Социальной помощи. Если Военный Комиссариат не может увеличить жалование красноармейцам Петрограда, чтобы не вызывать аналогичных требований со

стороны Красной армии всей России, то Комиссариат Социальной помощи может и должен придти на помощь семьям красноармейцев, живущим в пределах Петроградской Трудовой Коммуны, терпящим всевозможные лишения и находящимся почти на краю голодной смерти. Исп. Бюро, не зная какими средствами располагает Комиссариат Социальной Помощи, не указывает определенной нормы денежной помощи, но предлагает выработку размера и порядка выдачи пособия возложить на совместное совещание представителей Комиссариата Социальной Помощи и Исп. Бюро; регистрацию же и обследование семейного положения красноармейцев на местах поручить районным Советам и Комитетам соответствующих частей.

§ 2. Не менее остро стоит вопрос о предоставлении семьям красноармейцев бесплатных квартир. Несмотря на то, что декрет Совнаркома был издан несколько месяцев тому назад, он до сих пор не осуществлен соответствующими органами власти Красноармейцы прекрасно понимают, что вопрос этот требует известной технической разработки и поручили таковую Исп. Бюро. Для более яркого и всестороннего освещения этого вопроса Исп. Бюро предлагает созвать в ближайшее время междурайонное совещание жилищных отделов, взять на учет все свободные буржуазные квартиры и практически, а не на бумаге, произвести вселение семей красноармейцев наравне с семьями всего трудящегося пролетариата в буржуазные квартиры. Временно же принять к руководству и утвердить циркуляр 1-го Исп. Бюро, при сем прилагаемый.

§ 3. Исп. Бюро настаивает, чтобы красноармейцы пользовались бесплатным проездом на трамваях.

Последний приказ Военного Комиссариата, опубликованный в конце мая, был понят всеми красноармейцами, как издевательство. Красноармейцы 3 месяца пользовались бесплатным проездом, получая 300 руб. жалования, и в тот момент, когда жалование им в два раза уменьшается, издается приказ о плате за трамвай наравне с обывателями. Если городское Самоуправление находится в затруднительном финансовом положении, то необходимо было найти какой угодно выход из этого положения, но во всяком случае не налог на красноармейцев, тем более, что этой мерой не будет достигнуто ничего положитель-

ного, кроме нового брожения среди красноармейцев и многочисленных инцидентов на трамваях. Исп. Бюро считает необходимым отмену Приказа Военного Комиссариата и издание постановления о предоставлении бесплатного проезда красноармейцам при условии предъявления ими удостоверения личности.

§ 4. Исп. Бюро указывает, что семьи красноармейцев, благодаря уменьшению жалования, буквально обречены на голодную смерть. В этом отношении ни одна организация не пришла к ним на помощь. В то время, когда заводские рабочие, гораздо лучше обеспеченные, при посредстве заводских кооперативов и денежных средств своих предприятий, закупают ненормированные продукты, красноармейцы не имеют возможности предоставить своим семьям ничего сверх нормированных продуктов по карточкам, что при микроскопичности отпускаемых доз равно нулю. Ни продовольственная управа, ни Военный Комиссариат не выделили органа снабжения семей красноармейцев продуктами по удешевленным ценам, как это сделано в целом ряде аналогичных организаций. Если у тех, на чьей заботе это лежит, нет достаточных сил, то необходимо привлечь к делу самих красноармейцев, снабдив их нужными первоначальными средствами, разработать общий план снабжения и приступить к снабжению сети войсковых лавок кооперативного типа.

§ 5. Если окажется, что в голодном Петрограде все же нельзя поставить дело снабжения семей красноармейцев на надлежащую высоту, то необходимо дать возможность этим семьям выехать в хлебородные области. Хотя ныне семьям красноармейцев предоставлено право внеочередного выезда, право это оставляется большинством красноармейцев неиспользованным, так как им в большинстве своем, состоящим из Петроградских рабочих, порвавших всякие связи с деревней или пришедших в столицу на заработки из голодных деревень, некуда отправить свои семьи. Эвакуировать семьи красноармейцев в хлебородные области, дать им на новом месте возможность работать, устроить из семей Трудовые Коммуны, может только Советская власть и Исп. Бюро просит Петроградскую Трудовую Коммуну приступить к разработке этого весьма больного и серьезного, но неотложного вопроса.

§ 6. Исп. Бюро настаивает, чтобы в первую очередь было улучшено продовольственное положение семей красноармейцев, но вместе с тем считает, что следует улучшить продовольствие и самих красноармейцев, которые в данное время получают гораздо меньше, чем указано в последних нормах суточного довольствия, выработанных Военным Комиссариатом. Вполне сознавая, что при продовольственном кризисе нет возможности и довести продовольствие красноармейцев хотя бы до минимального солдатского пайка, Исп. Бюро видит выход из тяжелого положения в усиленном бдительном контроле за органами, распределяющими продукты среди красноармейцев. Согласно заявления тов. Зиновьева в настоящее время красноармейцам выдается свыше 100.000 пайков, между тем как в Петрограде не имеется и половины этого количества. Необходима самая жестокая борьба с творящимися злоупотреблениями, самая точная регистрация всех действительных красноармейцев, уничтожение «мертвых душ», чтобы имеющиеся скудные запасы распределить более справедливо. Необходимо также улучшить довольствие красноармейцев ненормированными продуктами в связи с уменьшением количества красноармейцев в Петрограде с отправкой красноармейских частей на фронт и в хлебородные области, есть надежда, несмотря на катастрофическое состояние Петрограда, на улучшение довольствия при соответствующей постановке этого дела и при неослабном контроле красноармейских секций.

§ 7. В связи с острой экономической нуждой наблюдается ряд заболеваний эпидемического характера, а потому является насущная необходимость в оказании врачебной помощи семьям красноармейцев. Необходимо устроить в первую очередь районные амбулаторные пункты и развернуть их впоследствии в лечебницы с постоянными кроватями.

Для скорейшего осуществления этого мероприятия Исп. Бюро предлагает войти в сношение с Пролетарским Красным Крестом, обладающим большими техническими средствами.

§ 8. В последнее время имеют место случаи, когда рабочих, ушедших в критическую минуту революции в Красную Армию и остающихся в рядах ее, несмотря на ухудшившееся материальное положение, и желающих служить опорой Народной вла-

сти и защитой завоеваний Октябрьской революции, увольняют с мест прежней службы и лишают права возвращения на прежние места, Исп. Бюро считает такое отношение к красноармейцам явным желанием вырвать из рядов Красной армии наиболее сознательные элементы и злостным умыслом, направленным с целью разрушения Красной Армии и требует от Совета Народных Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны пресечения этой контрреволюционной затеи, путем опубликования постановления о том, что красноармейцы по окончании срока службы в Красной Армии имеют право возвращаться обратно в те предприятия, в коих они раньше работали.

В заключение Исполнительное Бюро считает своим долгом указать, что только при удовлетворении вышесказанных предложений и мероприятий возможно создание боеспособной армии.

Пока красноармейцы не будут знать, что семьи их не обречены на голодную смерть, пока заботиться об этих семьях вынуждены сами красноармейцы, Красная Армия не сможет выполнить возложенных на нее великих задач защиты Советской Республики. В основу всех проектов, в фундамант всего строительства Красной Армии должен быть положен девиз — «сытый побеждает».

Ответ на докладную записку.

Настоящим Управление делами доводит до сведения Бюро, что докладная записка об улучшении экономического положения красноармейцев и их семей от 5 июня с. г. за № 443 была рассмотрена в заседании Президиума Совета Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны 6 июня с. г. и постановлено: одобрить проэкт по всем пунктам, кроме пункта 5-го. Для проведения отдельных требований в жизнь создать соответствующие комиссии.

Подписал: Управляющий делами *Гусев*.

Секретарь *Жуков*.

(«Вестник красноармейца», № 1, 1918 г., стр. 4—7).

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЛЕНИНГРАДСКИХ ЗАВОДАХ

ЗАВОД БЫВШ. СЕМЯННИКОВА.

16. «ПОЛИЦЕЙСКИЙ» СОЦИАЛИЗМ. — ЗУБАТОВЩИНА И УШАКОВЩИНА. — СЕМЯННИКОВЕЦ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГАПОНОВСКОГО «ОБЩЕСТВА». — ПОДОЗРЕНИЕ В ПРОВОКАТОРСТВЕ ГАПОНА. — ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ К ГАПОНОВЩИНЕ. — ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ ПЕРЕД ЯНВАРСКИМИ СОБЫТИЯМИ [1].

«Полицейский» социализм не прошел мимо Семянниковского завода. Еще осенью 1902 года зубатовцы, в лице «общества вспомоществования рабочих механического производства», примостились совсем близко у ворот завода. На Петровской улице, проходившей у самых задних ворот завода, на какой-то маленькой фабриченке, не то канатной, не то бумажной, стало функционировать это полицейское «благотворительное» заведение, одним из инициаторов которого был семянниковец-рабочий, некто Василий Иванович Пикунов, ярый монархист-черносотенец. [2] Этот Пикунов там, где нужно было провести какое-нибудь провокаторское дело, всегда стоял на первом месте. Он являлся также «инициатором» и в другой полицейской затее — «ушаковщине», — которая, в лице «С.-Петербургского общества взаимопомощи механических рабочих», организовалась в 1904 году. В. И. Пикунов участвовал в подаче прошения «господину председателю кабинета министров от имени семянниковцев-монархистов» в 1906 году, когда те вздумали просить правительство избавить всех «верноподданных» рабочих от «шайки революционеров, свивших себе гнездо на Невском судостроительном и механическом заводе» и ввести войска на данный завод.

[1] См. № 5/38 «Красной летописи» за 1930 г.

[2] В. Святловский — «Профессиональное движение в России», изд. М. В. Пирожкова, 1907 г., стр. 69 (примечание).

В этом прошении подпись Пикунова — на первом месте, вместе с подписями Ильи Лаврова, Ивана Широкова и Егора Ларичкина, из которых последний был одним из убийц члена 1-й Гос. думы М. Я. Герценштейна [1].

Но рабочие завода с большим недоверием отнеслись к этим полицейским затеям. Они мало посещали собрания указанных обществ, неохотно записывались в члены «клуба» этих полицейских заведений и вообще сторонились от всех, якобы «пекущихся» о рабочем благополучии. М. А. Ушаков и В. И. Пикунов не смогли внушить рабочим доверия к себе. После того, как они оба были разоблачены, как провокаторы, рабочие высмеивали их на собраниях, в печати и на суде. Долгое время по рукам семянниковцев ходило стихотворение — «Гимн Ушакову», распространенное летом 1906 г. среди петербургских рабочих:

«Ушаков, Ушаков, я тебя ведь хвалил,
в благодарность тебе я ведь гимн сочинил.
И тебя называл я всем честным борцом,
оказался же ты подлец-подлецом.
Думал я, прямо нас ты к победе ведешь
и дорогу вперед в царство правды пробьешь.
Но, увы, как и все, я ошибся в тебе,
ты душою кривил для наживы себе.
Ты в глазах у нас был ратник светлых идей,
за глазами-ж у нас — графа Витте лакей.
Ты о правде нам пел, тая на сердце ложь,
а расчитывал ты, что далеко уйдешь.
Но злодейка судьба разрушает мечты,
масло выплыло вдруг на поверхность воды.
И узнали мы все, что наш «честный борец» —
провокатор и вор, негодяй и подлец.
Спала с глаз пелена, тайна стала ясна,
и что было темно — осветила она.
И теперь, Ушаков, будешь помнить и знать,
что подобных борцов в шею прочь надо гнать» [2].

Но если зубатовские и ушаковские «общества» не имели ровно никакого успеха среди рабочих завода и мало кто из

[1] Дело № 4, ч. 1, л. А, за 1906 г. особого отдела деп-та полиции — «О волнениях и стачках среди рабочих и о Совете безработных в г. С.-Петербурге», лл. 39, 40.

[2] В. Святловский — «Профессиональное движение в России», СПБ 1907 г., стр. 98 (примечание).

старых рабочих помнит их, зато третья полицейская затея, душою которой был священник Г. А. Гапон, оставила по себе «вечную память» у семянниковцев. 7-й Невский отдел «собрания русских фабрично-заводских рабочих» казалось прочно обосновался вблизи Невского завода на Ново-Прогонной улице, в доме № 15[1]. Первым и последним этого вновь испеченного полицейского учреждения был семянниковец, слесарь корабельной мастерской завода, один из разоблачителей провокаторской деятельности Гапона, Николай Петрович Петров.

По своим-же внутренним качествам это был человек безусловно с дарованием. Социал-демократы, соприкасавшиеся с ним, отзывались о нем как

«о парне умном, хорошем ораторе, отлично знавшем психологию толпы и умевшем влиять на нее. Сам-же он был противником социал-демократов, типом чистого экономиста, будущего тред-юниониста»[2].

Н. П. Петров был корреспондентом в газете «Наши дни» Свое известное разоблачение о Гапоне он сделал в газете «Русь» (№ 23, 1906 г.) в открытом письме под заглавием — «Долой маску и неизвестность». Им написаны интересные «Записки о Гапоне», помещенные в журнале «Всемирный вестник» № № 1, 2 и 3 за 1907 г., и наконец он сам издал отдельную брошюрку — «Правда о Гапоне», в которую вошли все его статьи, разоблачавшие закулисную сторону гапониады.

В своих записках о Гапоне Петров рассказывает довольно подробно, как он сделался председателем гапоновского клуба на Ново-Прогонном переулке, как в начале 1904 года к нему на квартиру приехал Д. В. Кузин[3], личный секретарь Гапона,

---

[1] Н. П. Паялин — «Дом, в котором выступал Гапон» («Красная газета», утренний выпуск, Ленинград, 1928 г., 22 января, № 19, со снимком дома).

[2] «Социал-демократия и масса перед 9-м января» («9 января», книга для чтения, составил А. А. Шилов, Гос. изд., 1925 г., стр. 63).

[3] Дмитрий Васильевич Кузин, бывший социал-демократ в 90-х годах, род. в 1876 г., умер в Ленинграде 16 октября 1930 г. (работал на гос. заводе № 4). *Ред.*

и стал уговаривать его взять на себя организацию в Невском районе 7-го отдела «собрания». На этот раз Кузин уехал ни с чем, так как Петров категорически отказался браться за это дело, мотивируя свой отказ тем, что он не знает лично Гапона. Повидимому на Петрова было обращено особое внимание Гапона, так как при вторичном посещении Петрова Кузиным с последним приехал и Гапон. Они вдвоем стали уговаривать Петрова взяться за это дело и организовать Невский отдел «собрания», доказывая, что организуемое дело является «великим и честным», что он, Петров, ничем не рискует и будет полновластным хозяином в своем районе.

После долгих колебаний Петров согласился взять на себя руководство в организации отделения «собрания». Для этого им было снято и оборудовано помещение на Ново-Прогонной улице и оформлено его открытие.

Торжественное открытие отдела состоялось только 6/19 декабря 1904 г. Рабочие собрались в большом количестве во вновь открываемом помещении одетыми по праздничному и с нетерпением ждали начало молебна. Не понравилось рабочим то, что в помещении все время торчал местный пристав в парадной форме и при всех своих регалиях, и когда Гапон приехал, то рабочие обратились к нему с просьбою об удалении полицейского. Гапон стал уговаривать пристава оставить помещение. Но тот уперся и наотрез отказался оставить зало. Тогда Гапон, со свойственной ему находчивостью, указал ему, что у ворот, мол, никто не будет встречать «его превосходительство господина градоначальника», что может иметь неприятные последствия для пристава, ибо градоначальник И. А. Фуллон обещал приехать на открытие отдела. Такой «веский» довод пристав нашел достаточно обоснованным и оставил теплое помещение «клуба».

После долгих ожиданий приехал градоначальник, которого Гапон «почтительно» встретил при входе в зал. Здесь-же был «представлен» градоначальнику и Н. П. Петров, как будущий председатель вновь открываемого отдела «собрания».

Поддержка Н. П. Петрова со стороны самих рабочих в избрании его председателем 7-го отдела «собрания» была обеспечена. Он пользовался большим авторитетом среди рабочих,

особенно после того, как незадолго до открытия клуба отделения «собрания» ходил к министру внутренних дел с жалобой на заводскую администрацию, что вызвало оживленные толки среди рабочих. Петров был единогласно избран председателем отделения. Помощником его был избран семянниковец А. Сперченко, слесарь пароходной мастерской.

По воспоминаниям старых рабочих завода этот «гапоновский клуб» пользовался среди рабочих известной популярностью и рабочие охотно шли туда, чтобы «легально» побеседовать о своих нуждах и просто провести время, поиграв в шашки и домино. Но право на вход в этот рабочий «рай» могли иметь только рабочие русской национальности. В воспоминаниях одного из рабочих — К. Н. Гаммера, который в настоящее время работает на Невском заводе в качестве мастера в 1-й механической мастерской, описывается, как его не записали в члены «клуба» только из-за того, что он — еврей.

В один из праздничных дней он отправился на Ново-Прогонную улицу. Там уже находилось много рабочих, преимущественно из Семянниковского завода. Кто играл в шашки, кто в домино, кто читал, а кто просто пил чай и разговаривал с товарищем. Вдруг Гаммер заметил Гапона в черной рясе, с большим крестом на груди, который тихо прохаживался по зале, заложив руки за спину, и разговаривал с вертевшимися около него рабочими. Тут были и Павел Фаддеев из котельной мастерской завода и Алексей Сидоров из паровозной, которых Гаммер хорошо знал по заводу. Ему понравилось, что в этом клубе все идет чин-чином, что рабочие мирно проводят время именно здесь, а не где-нибудь в пивной или трактире, которые во множестве находились около завода. Он решил зайти в клуб еще раз и записаться в члены и обратился за содействием к своему приятелю Павлу Фаддееву при этом вторичном посещении. Тот было повел его к Гапону, который уже стал регистрировать членскую книжку для Гаммера, когда Фаддеев сказал Гапону, что Гаммер — еврей. Гапон тогда наотрез отказался записать Гаммера, объяснив свой отказ тем, что по уставу их общества членами его могут быть только рабочие русской национальности. Желая повидимому «утешить» Гаммера, Гапон заявил ему, что устав будет в скором времени переделан

и в него будет внесен пункт, по которому в члены «собрания» будут приниматься рабочие всех национальностей [1].

Но что же делали социал-демократы, чтобы отвлечь рабочее внимание от гапоновского «собрания»? Да почти ничего. Группа семянниковских социал-демократов была малочисленна, да и во всем тогдашнем Петербурге насчитывалось не более 800 членов РСДРП, как меньшевиков, так и большевиков[2], и им не удалось в достаточной мере оценить нараставшее влияние легальной гапоновской организации.

«Питерская партийная организация проглядела гапоновщину, — пишет А. Бубнов[3], — правда кой-какие сведения говорят, что в отдельных районах существовали директивы о необходимости вести работу в гапоновских организациях, но все же остается фактом, что как меньшевики, так и большевики игнорировали гапоновщину».

Да это и понятно, — по воспоминаниям Ем. Ярославского [4], который работал в то время за Невской заставой партийным организатором и пропагандистом, на Семянниковском заводе, как и на других петербургских заводах, существовали небольшие группы социал-демократов. Эти группы занимались главным образом распространением нелегальной литературы среди рабочих и агитацией — и только.

На Семянниковском заводе еще влачила тогда некоторое время жалкое существование небольшая группа так называемых «рабочедельцев», но и она скоро совершенно распалась, влившись в социал-демократическую организацию.

О какой-либо разъяснительной работе по гапоновщине ничего в воспоминаниях работников того времени не говорится, да и вряд-ли можно что-либо сказать, так как социал-демократы почти не вели борьбы с гапоновщиной в начале ее развития.

---

[1] Архив заводской истпарткомиссии, воспоминания К. Н. Гаммера. См. также И. Павлов — «Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне» («Минувшие годы», 1908 г., март, стр. 45).

[2] В. Невский — «История ВКПб», краткий очерк, изд. «Прибой», Л., 1926 г., стр. 254.

[3] А. Бубнов — «ВКПб» («Большая советская энциклопедия», т. XI, стр. 296).

[4] Ем. Ярославский — «25 лет назад» (газета «Ленинградская правда» № 189 от 16 августа 1928 г., стр. 3 — 4).

Так по воспоминаниям старого семянниковского рабочего К. А. Калинина, входившего в то время в состав одного социал-демократического кружка, собиравшегося на квартире Насти Усановой в доме на углу Общественного и Безымянного переулков, в этом кружке ничего не говорилось про гапоновщину. Если и посещался кем-либо из социал-демократов Невский гапоновский клуб, то им там не давали говорить тем более, что всякие политические разговоры в самом помещении клуба строго запрещались. Можно было говорить только об экономических нуждах рабочих.

* * *

Между тем с Дальнего Востока приходили неутешительные вести.

Японцы наносили поражение за поражением «христолюбивому» воинству. Из тех бульварных газет, которые в большинстве распространялись среди рабочих и находились в гапоновском «клубе» за Невской заставой, нельзя было узнать истинной причины этих поражений. Только более сознательные рабочие, посещавшие Корниловскую школу, узнавали всю горькую действительность, которая царила на Дальнем Востоке[1].

Администрация Невского завода старалась в это время разжечь патриотические чувства рабочих. Была открыта подписка по всем цехам завода «на нужды, вызванные войной с японцами». Эта подписка, которую поддерживали также и гапоновцы, дала 6.536 руб. 65 коп., из каковой суммы ни одна копейка не попала на театр военных действий. Деньги просто на просто «утонули» в различных военных учреждениях в самом Петербурге. Так 2.969 р. 14 к. было внесено главному управлению Красного креста 1.234 р. 76 к. было внесено «высочайше» учрежденному комитету на увеличение военного флота, а остальная сумма — 2.096 р. 75 к. была внесена как «запасный капитал» на сберегательную книжку завода № 274704.

До «нижних воинских чинов» на Дальний Восток доходили только кое-какие подарочки, в виде табака, чая, сахара и пр. К «рождеству» для 600 «нижних чинов» было особо собрано

[1] С. Николаев — «Из революционного прошлого Невского завода» («Красная летопись», № 1/12 за 1925 г., стр. 68).

среди рабочих завода 3.500 руб. Отдельным приказом по заводу было доведено до сведения рабочих, что на собранные деньги будут посланы для каждого солдата $^1/_8$ фунта чая, 1 фунт сахара, $^1/_4$ фунта табаку, 1 комплект папиросной бумаги, 2 коробки спичек и 1 пара бумазейных портянок. Подарки эти были конечно доставлены не самими рабочими. «Матушка-царица высочайше соизволила благодарить» щедрых семянниковских рабочих за «обуреваемые» ими патриотические чувства и довела до их сведения, что для доставления означенных подарков на Дальний Восток будет предоставлен особый вагон[1].

Между тем материальное положение рабочих завода в это время было далеко не блестящим. Если мы возьмем движение заработной платы рабочих завода за 1904 год, считая год за 302 рабочих дня, то получим:

Число рабочих	Число рабочих часов	% сдельщиков	Дневной заработок в копейках						Годовой заработок в рублях			
			Мастеров и высококвалиф. рабочих			Чернорабочих	Учеников	Средний по заводу	Мастера	Чернорабочих	Учеников	Средний по заводу
			Средний цеховой	% приработка	Абсолютный							
7901	10	92	80	250	185	65	45	150	520	196	136	452

Рабочие еле-еле сводили концы с концами. Цены на предметы первой необходимости неимоверно расли. Весь излишек заработной платы уходил на покрытие все возраставших расходов. Если мы посмотрим на табличку роста цен, составленную на основании «Сводов товарных цен» за разные годы[2], то мы убедимся в том, как неимоверно расли цены на предметы первой необходимости:

[1] Архив Невского завода, приказы за 1904 год, — «Отношение канцелярии по управлению делами августейших детей» от 2/15 декабря за № 9530 и 10/23 декабря за № 9601.

[2] «Материалы об экономическом положении и профессиональной рганизации петербургских рабочих по металлу», СПБ, 1909 г., стр. 114.

Средние цены:	Годы: 1895-99	1900-04
Хлебные продукты (рожь, пшеница, мука, горох и прочее)	91,4	104,0
Животные продукты (мясо, сало, масло коровье, сыр)	100,2	121,4
Прядильные материалы (лен, хлопчатобумажная пряжа, шелк, шерсть)	98,4	119,3
Керосин	108,9	113,1
Бакалея (кофе, чай, сахар, рис, пряности, сушеные фрукты)	99,2	104,1

Мясо стало недоступной роскошью для рабочих. Расли и цены на квартиры, комнаты и углы. Одежду рабочие не могли покупать новой. Они должны были довольствоваться той рухлядью, которую продавали им на рынках. Отсюда делается понятным, как трудно было рабочему урывать от своего скудного бюджета копейки на сборы «за веру, царя и отечество».

Все более и более нарастало недовольство рабочих масс. Даже Н. П. Петров в своих записках говорит, что никакие выдумки Гапона не могли уже остановить того течения, которое вырывало русло для освободительной волны, столь освежающе действовавшей на затуманенные Гапоном головы рабочих. Политическое сознание рабочих быстро расло не только среди тех, которые уже захватывались этой волной, но и среди религиозных фанатиков-гапоновцев, говоривших раньше больше о молебнах, покупке икон и пр. Эти люди также начали «шевелить языком» и выливать наружу свое рабочее горе[1].

И это все более нараставшее настроение рабочего класса понял большевистский Петербургский комитет РСДРП, который выбросил лозунг: «не петиция к царю, а восстание».

17. НАЧАЛО ЯНВАРСКОЙ ЗАБАСТОВКИ. — В. И. ЛЕНИН О НАЧАВШЕЙСЯ СТАЧКЕ НА ЗАВОДЕ. — ПОДГОТОВКА ШЕСТВИЯ К ЦАРЮ.

По воспоминаниям бывших семянниковских гапоновцев, увольнение на Путиловском заводе четырех членов гапоновской организации — рабочих Сергунина, Субботина, Уколова и Федо-

[1] Н. П. Петров — «Записки о Гапоне» («Всемирный вестник», 1907 г., кн. 1-я, стр. 42),

рова нашло немедленный отклик в их среде. Их негодованию не было предела, когда они узнали ответ, какой дала на протесты незаконно уволенных рабочих администрация Путиловского завода: идите в свой гапоновский союз и там найдете поддержку[1].

Как известно, несмотря на старания Гапона и гапоновцев, конфликт на Путиловском заводе не удалось изжить. Особенно упорствовал директор завода С. И. Смирнов, перешедший туда с Семянниковского завода, где он был в 1903 году управляющим заводом. Старые рабочие-семянниковцы помнят его, как администратора, который любил чинопочитание. Рабочие иначе не могли говорить с ним, как только снявши шапку.

Осталась у рабочих-путиловцев одна мера воздействия на зарвавшуюся администрацию — забастовка. Рабочие Шлиссельбургского тракта говорили, что

«мысль о забастовке явилась у рабочих благодаря речам, которые говорились в собрании, где стали открыто высказывать про все злодеяния существующего порядка»[2].

За Нарвской заставой 2/15 января состоялось объединенное собрание всех гапоновских отделов, на котором в числе других присутствовали и семянниковцы Н. П. Петров и его помощник по гапоновскому клубу А. Сперченко. На этом собрании было окончательно решено начать забастовку на Путиловском заводе до 3/16 января, а затем к ней присоединятся и другие заводы.

В день этого объединенного собрания гапоновцев за Нарвской заставой на Невском заводе шло большое брожение, граничившее с забастовкой. По воспоминаниям работавшего в то время мальчиком в модельной мастерской завода И. Зарубкина, партия подростков, собравшись у медницкой, побежала в котельную и стала кричать: «Кончай работу».

После заводского гудка к работе уже никто не приступал, устроили митинг у котельной мастерской, который разогнали сов-

---

[1] Г. Гапон — «История моей жизни», 2-е издание, изд. «Прибой», Л., 1926 г., 74 стр.

[2] Л. Я. Гуревич — «Народное движение в Петербурге 9 января 1905 года» («Былое», 1906 г., январь, стр. 204).

местно с заводскими черносотенцами казаки, прибывшие в завод. Тогда рабочие пошли по Прогонному переулку и Смоленскому проспекту к дому, где шло собрание гапоновцев, на котором некоторые товарищи выступали и призывали к забастовкам[1].

В назначенный день Путиловский завод прекратил работу. На другой день, 4/17 января, на Семянниковском заводе началось сильное брожение. В гапоновском клубе на Прогонной улице было назначено экстренное собрание, на которое рабочие устремились густой толпой. В письме одного из товарищей, члена Петербургского комитета большевиков, к В. И. Ленину имеется описание этого собрания:

«Пишу под свежим впечатлением происшедшего только что собрания за Невской заставой рабочих Семянниковского завода... Местный отдел «собрания русских фабрично-заводских рабочих» пытается выступить руководителем начинающейся стачки, но это конечно ему не удастся. Руководителем будет социал-демократия, несмотря на то, что она страшно слаба»[2].

Действительно социал-демократы сделали попытку взять в свои руки нарастающее движение рабочих, что им в самом начале и удалось.

Так как председатель Невского отдела «собрания» Н. П. Петров опоздал притти на собрание, а рабочие нервничали и требовали немедленного открытия собрания, то социал-демократам удалось провести в председатели своего товарища. Когда наконец на собрание явился Петров, то он было накинулся на рабочих, почему они не подождали его и выбрали «чуждого» им человека, от которого только и можно услышать «вредные для их движения речи». Но его немедленно осадили. К сожалению эта попытка социал-демократов не имела в дальнейшем своего развития. Ряса Гапона еще служила притягательной силой для самой отсталой части рабочих. Вера в «царя-батюшку» еще не была в конец поколеблена. Нараставшие исторические события развивались без социал-демократов. Несмотря

[1] И. Зарубкин — «Воспоминания» («Первая русская революция в Петербурге 1905 г.», ГИЗ, 1925 г., сб. 2-й, стр. 76).

См. также «Книгу русской скорби», изд. русского народного союза им. Михаила архангела, СПБ, 1908 г., вып. 1-й, стр. 104.

[2] Н. Ленин — « 1905 год», изд. «Прибой», Л., 1925 г., стр. 12. Разрядка наша. *Н. П.*

на то, что социал-демократы прямо и решительно отстаивали свои взгляды и свою тактику, где только могли[1].

Весь день 4/17 января прошел в собрании. Было постановлено прекратить работу на Семянниковском заводе на другой день — 5/18 января; организовать стачечный комитет и фонд для оказания помощи забастовавшим рабочим; двери «собрания» было решено оставить открытыми на ночь, чтобы всякий желающий мог переночевать; беднейшему населению постановили выдавать съестные припасы. Словом началась предзабастовочная «горячка»[2].

В воздухе чувствовалось приближение грозы. По всему Шлиссельбургскому тракту наблюдалось большое оживление. Рабочие, перегоняя друг друга, перебрасывались между собою несколькими ободряющими, иногда насмешливыми словами. Их жены с корзинами в руках торопливо шли к заводским лавкам, чтобы забрать в кредит самое необходимое из съестных припасов. Лица их выдавали внутреннее беспокойство: «что-то завтра будет», но не слыхать было ни одной жалобы, ни одного упрека относительно собиравшихся забастовать мужей[3]. Такое настроение жен рабочих, которое так ободряюще действовало на них, можно объяснить тем обстоятельством, что в Невском отделе гапоновского «собрания», как и в других районных отделах, работницы также принимали участие. В воспоминаниях работницы фабрики Паля Анны Калининой, жены семянниковского рабочего К. А. Калинина, отмечается, как она вместе с мужем ходила на гапоновские собрания и принимала участие в спорах наравне с мужчинами[4], вместе с женой председателя этого «собрания» — Петровой.

Между тем пока еще шли приготовления к забастовке за воротами Семянниковского завода, заводская администрация, безусловно осведомленная о нарастающих событиях, была очень

[1] Н. Ленин, сочинения, изд. 3-е, т. VII, стр. 89, — «Царь-батюшка и баррикады».

[2] Л. Я. Гуревич — «Народное движение в Петербурге» («Былое», 1906 г., январь, стр. 206).

[3] «Вперед», 1905 г., 14/27 февраля, № 6, стр. 88.

[4] Заводский истпартовский материал — воспоминания о кровавом воскресении Анны Калининой.

встревожена и все время старалась выяснить у рабочих — будет-ли забастовка, на что получала неопределенные ответы. Особенно администрация заволновалась, когда ей было доложено, что Н. П. Петров, чтобы лучше руководить разраставшимся движением на заводе, пошел к мастеру и стал просить расчет, о чем было «немедленно» доложено в департамент полиции [1]. Мастер стал расспрашивать Петрова, что за причина такая его просьбы. Петров отвечал уклончиво, говоря, что ему надоело переносить различные притеснения и он не хочет ожидать, чтобы его в конце-концов выгнали из завода. Мастер в расчете ему отказал, чувствуя, что Петров что-то от него утаивает.

Забастовку решено было начать с пароходной мастерской, рабочие которой затем пошли бы по другим мастерским с призывом приостановить работу. В последнюю голову было решено снять с работы корабельную мастерскую, как самую отсталую, идущую всегда против забастовок, так что начинать с этой мастерской было рисковано. Как было решено, так и стали действовать.

Когда уже Петров явился 5/18 января на работу в свою корабельную мастерскую, чтобы устроить забастовку, то получил от рабочих отпор. Тогда Петров отправился в пароходную, думая, что там дело будет иметь иной результат. К его удивлению там работа шла полным темпом и никто не думал бросать работу. Уговоры не помогали. Казалось, что все рухнет.

В это время раздался оглушительный свисток. Кто его дал, так и осталось невыясненным. В мастерской погас свет и остановились машины. Вся мастерская вдруг наполнилась каким-то особенным оживлением. Послышались свистки и крики: «Бросай работу». Раздался звонок, извещавший о прекращении работ, и рабочие стали торопливо переодеваться и выходить на заводский двор. Здесь Петров обратился к ним с маленькой речью, затем разделил их на группы и все пошли в другие мастерские для снятия с работ [2].

Было около 8 часов утра. Вначале и в других мастерских

---

[1] Дело № 4 особого отдела деп-та полиции, 4-го делопр-ва, ч. 1-я, т. 2-й, 1905 г., л. 19.

[2] Там-же.

снятие товарищей с работы происходило туговато, но когда работу бросили котельная и литейная мастерския, то дело пошло лучше. Передовые рабочие стали объяснять другим рабочим значение начавшейся забастовки. Когда остановились все мастерския, в том числе и самая отсталая — корабельная, то рабочие, собравшись на дворе, обсудили те требования, которые они думали предъявить к администрации завода. По сведениям департамента полиции эти требования сводились к введению 8-часового рабочего дня и оплате сверхурочных работ в двойном размере[1].

Кроме того были предъявлены требования от отдельных мастерских: котельная мастерская требовала увольнения мастера и его помощника (Шилова и Постоева), которые расчитывали рабочих из завода без всяких причин и на место увольняемых брали своих земляков из Харькова; сталелитейная мастерская требовала увольнения мастера, производящего расценку после окончания обработки изделия, отчего мастера получали тысячные премии; паровозо-механическая мастерская требовала, чтобы расценочные книги находились у рабочих, так как рабочие не знают даже, по какому расчету уплачивается им заработок, а прибавка заработной платы и выбор мастера должны производиться с ведома самих рабочих, а не по усмотрению администрации завода; медно-литейная мастерская требовала удаления мастера за его грубость; инструментальная требовала также удаления мастера за его деспотическое к рабочим отношение; сборочная мастерская требовала удаления мастера и его помощника, так как они штрафовали рабочих на 1/2 дня при неявке на работу в 2 — 3 минуты и налагали штраф в размере 2 — 3 рублей: корабельная мастерская потребовала уменьшения сверхурочных работ (месяц в мастерской доходил до 50 дней, а месячный заработок достигал всего 30 — 40 рублей[2].

Выработав все эти требования, рабочие тихо, без всяких

---

[1] Дело № 4 деп-та полиции особого отдела, 4-го делопр-ва, т. 2, ч. 1; 1905 г., л. 21, — донесение начальника СПБ губ. жандармского управления от 5 января 1905 г. за № 100.

[2] «Наши дни», 1905 г., 6 января, № 18; «Наша жизнь», 1905 г. 7 января, № 60.

выкриков, стали выходить из заводских ворот, хотя все были взволнованы и возбуждены.

Заводская администрация растерялась. Она старалась удержать рабочих. Директор завода, И. И. Гиппиус, шныряя среди рабочих, стал их уговаривать, выкрикивая: «Товарищи, братцы, в чем дело, скажите?». Но «товарищи и братцы» бросали ему в ответ: «Так нужно, а требования будут предъявлены».

Так началась забастовка на Семянниковском заводе.

По выходе из ворот большая часть рабочих во главе с Петровым отправились на Ново-прогонную улицу к своему «клубу». Там было произнесено несколько речей по поводу начавшейся забастовки и ее значения для рабочих. Оставив клуб «собрания», Петров бросился разыскивать Гапона и вместе с ним отправился на Путиловский завод для продолжения переговоров с тамошней администрацией. Эта последняя не шла ни на какие уступки. Петров вернулся в клуб около 8 часов вечера.

В клубе собрание протекало бурно. Вот как описывает это собрание член Петербургского комитета большевиков в своем письме к В. И. Ленину:

«Сегодня было собрание рабочих Невского завода. Собралось около 500 рабочих. Впервые выступили члены местного отдела «собрания». Они отклонялись от политических требований и главным образом выставляли требования экономические. Из толпы раздавались голоса неодобрения. Но тут появился сотрудник «Русской газеты» Н. Строев, пользующийся большим уважением у петербургских рабочих. Строев предложил резолюцию, как он заявил, выработанную им и представителями социал-демократии. Резолюция эта, хотя и подчеркивает противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но недостаточно. После Строева говорили товарищи рабочие социал-демократы, которые защищали эту резолюцию в принципе, подчеркивая однако ее ограниченность и недостаточность. Тут началась суматоха — некоторые были недовольны речами социал-демократов и начали срывать собрание. Собрание большинством голосов высказалось против председателя, который был в числе этих срывающих и выбрало нового председателя, социалиста. Но члены «общества» не умолкли и продолжали расстраивать собрание. Хотя громадное большинство собрания (90%) и было на стороне социалистов, но собрание в конце-концов разошлось ни с чем и отложило решение до завтра. Во всяком случае можно сказать, что социал-демократам удалось склонить настроение рабочих в свою пользу. Завтра предстоит большое собрание. Возможно, что будет две—три тысячи человек» [1].

---

[1] Н. Ленин — «1905 год», изд. «Прибой», Л., 1925 г., стр. 13.

По словам Петрова, пока он ездил с Гапоном на Путиловский завод, в клубе за Невской заставой действительно произошел целый скандал. В клуб приехали главные вожаки гапоновской организации и, нигде не видя Петрова, стали предлагать рабочим выбрать для ведения собрания председателя. Рабочие заволновались и поняли это предложеиие по своему. Они стали кричать, что у них имеется свой председатель — Петров и что другого они не желают. Бросились разыскивать Петрова, но его нигде не могли найти. В это время в собрании стали выступать ораторы, говорившие о вреде самодержавия и войны, Явившиеся в это время рабочие, враждебно относившиеся к самой забастовке, стали кричать, что им нужно самодержавие, что нужно также колотить японцев. Поднялся невероятный шум в зале. Одни кричали: «Вон ораторов», а другие: «Вон провокаторов». Побежали опять за Петровым, а его все нет и нет.

У рабочих стало закрадываться подозрение насчет Петрова: такой важный момент, а его нигде найти не могут, — бросил их на произвол судьбы. Чтобы сколько-нибудь успокоить рабочих, пришлось на собрание отправиться жене Петрова, которая и заявила, что ее муж поехал на Путиловский завод и что он должен каждую минуту приехать. Толпа не унималась. В зале стали свистеть, появились крайне подозрительные личности, началась перебранка среди рабочих, местами в воздухе замелькали кулаки. Пришлось закрыть собрание.

На другой день, 6/19 января, рабочие опять стали стекаться на Прогонную в клуб. Сюда пришли и рабочие с других фабрик и заводов. Здесь стали приниматься различные требования от рабочих, записывать, кто из какого завода, кому что нужно, какая помощь. Было выбраны до 30 комиссий, по три человека в каждую, для выдачи продовольственной помощи. Начали опять говорить речи на политические темы и о предстоящем шествии ко дворцу, мысль о котором Гапон бросил в рабочую массу еще 4/17 января на одном из многолюдном собрании [1].

Везде раздавались крики: «К царю, искать правды». Мысль,

[1] В. Невский — «Январские дни в Петербурге в 1905 г.» («Красная летопись», 1922 г., № 1, стр. 30); И. Павлов — «Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне» («Минувшие годы», 1908 г., апрель, стр. 88).

что только у дворца рабочие найдут справедливость, все больше крепла и до крайности волновала рабочих. Все ждали приезда Гапона, но тот куда-то запропал и не являлся. Опять рабочие заволновались, на этот раз по поводу исчезновения Гапона. Чтобы успокоить рабочих, Петров поехал его разыскивать и захватил его дома, где он вместе с другими своими главными сотрудниками, возился над петицией к царю. Гапон сказал, что приехать не может, и Петров поехал в клуб, чтобы успокоить рабочих. Митинг продолжался до поздней ночи. Все горячо обсуждали предстоящее шествие к «царю-батюшке».

В пятницу 7/20 января Петров решил не итти на завод, будучи уверен, что там дела идут как следует, а пошел помогать останавливать фабрику Паля. К 8 часам утра весь Невский район встал. Вся 45-тысячная армия рабочих района забастовала. Все от мала до велика стали стекаться к клубу «собрания» на Прогонную. Возбуждение было сильное. Маленькое зало клуба было набито до отказа. Ораторы-гапоновцы и своих речах говорили лишь об экономических требованиях, в то время как социал-демократы призывали рабочих к политической борьбе. Чувствовался большой недостаток в листовках, которые рабочие настойчиво требовали. Между прочим ораторы коснулись и войны с Японией, говоря о необходимости прекратить никому ненужную бойню, так как кроме горя и гибели для рабочих она ничего не дает. Послышались было возгласы, что война нужна, чтобы «япошек хорошенько поколотить». Тогда выступил один из социал-демократов, который стал задавать присутствующим вопросы:

— Много-ли у нас своей земли, товарищи?
— Много, — несется в ответ.
— Так нужна-ли нам Манчжурия?
— Нет, — гулом отвечает толпа.
— Кто платит за эту войну?
— Мы, — раздается единогласный ответ.
— Мрут-ли наши братья, остаются-ли наши жены и дети без хлеба?
— Так.
— Так зачем-же нам нужна эта война?...
— Нет, не нужна, долой войну!, — раздается рев рабочих.

Затем оратор обрисовал в ярких красках весь ужас самодержавия и бесправия рабочего класса. После чего раздались

дружные крики: «Долой самодержавие!» Против этого восстал Петров, старавшийся еще поддержать в рабочих веру в «царя-батюшку».

Вообще Петров в этот день особенно «юлил» и «нашим и вашим». То он «свертывал» налево и всеми мерами содействовал социал-демократам, только «просил их быть не особенно резкими, а говорить помягче», то он опять становился настоящим «гапоновцем» и старался не давать говорить социал-демократу. Когда один из ораторов крикнул: «Да здравствует РСДРП!», Петров оборвал его и обратился к собранию: «Нет, не надо,— да здравствует весь рабочий союз, все партии» [1].

В 3 часа дня ему надо было ехать за Гапоном, чтобы привезти его с петицией. Он передал председательствование двум товарищам, «знавшим, как с этой толпой себя вести», и поехал за Гапоном. Нашел он его на Петербургской стороне, читавшим перед рабочими петицию. Оттуда он поехал вместе с Гапоном в другие районы и уже в 7 часов вечера они оба приехали за Невскую заставу. Рабочая масса заволновалась, увидев Гапона.

Гапон и Петров влезли тут-же на дворе на бочку с водою. Один из рабочих с фонарем в руке стал освещать и Гапон стал читать петицию к царю. Все насторожились. После каждого отдельного требования Гапон спрашивал у рабочих: «Нужно-ли это вам всем, товарищи?» В ответ раздавалось: «Нужно, необходимо». Многие из рабочих сняли шапки, чтобы лучше слышать, а многие сделали это из «почтения» к протекавшему «торжественному моменту». После прочтения петиции рабочие еще раз поклялись дружно итти к царю и начали ее подписывать. Гапон-же пошел ночевать к Петрову.

8/21 рано утром опять стали проводить митинг. А в 3 часа на квартире Петрова собрался весь центральный гапоновский комитет на совещание.

На этом собрании было решено, в каком порядке вести демонстрацию. Впереди должен был пойти Нарвский отдел, с путиловскими рабочими во главе, который двинется по Екатерингофскому и захватит на своем пути Коломенский отдел. Невский

---

[1] «Искра», № 86 от 3 февраля 1905 г.; Вл. Кранихфельд — «Кровавое воскресение» («Мир божий», 1906 г., январь, стр. 147).

отдел должен был итти всей массою по Шлиссельбургскому тракту, а Рождественский должен был двинуться за Невским. Шествие должно было начаться в 9 часов утра. Перед тем, как разойтись, Гапона напрямик спросили, есть ли вообще надежда, что царь примет рабочих, и высказали опасения, что не будут ли стрелять. На это Гапон ответил, что царь их должен принять во что бы то ни стало и что стрелять ни в коем случае не будут. Однако при этом прибавил: «Если будут стрелять, тогда бейте все и громите, а после окончательного поражения, кто сумеет, удирай, кто куда сможет» [1].

После этого собрание закрылось.

Наступал кровавый день — 9/22 января.

Н. П. Паялин.

(Продолжение следует).

[1] Н. П. Петров — «Записки о Гапоне», стр. 54.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ОБЗОРЫ.

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

(По поводу работ К. А. Пажитнова и М. С. Балабанова).

1.

Долгое время к истории рабочего класса и рабочего движения, в особенности профессионального движения, подходили люди, ничего общего не имеющие с марксизмом.

На всесоюзном совещании истпартработников — 5 января 1929 г. дана такая оценка литературы по профессиональному движению:

«Просматривая истпрофовскую литературу, я получил впечатление, что пишется не история профсоюзов, а тред-юнионов, без всякой связи с нашей партийной и даже революционной борьбой» [1].

К сожалению эта пессимистическая оценка отвечает действительности.

Сказанное не следует понимать в том смысле, что мы не имеем марксистских работ по интересующему нас вопросу.

Мы далеко шагнули от пресловутого А. Ельницкого, которого совсем недавно рекомендовали как единственную популярную и чуть ли не марксистски выдержанную книгу ио истории рабочего движения [2].

За последнее время мы имеем ряд работ по отдельным этапам истории рабочего класса, не вызывающих возражений.

Но этого недостаточно. Главнейшей и основной нашей задачей должно явиться разоблачение господствующих анти-марксистских концепций в интересующем нас вопросе.

Остается бесспорным положение: «В борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укреплений позиций марксизма-ленинизма» (Сталин).

---

[1] В. Д. Вегман (Стенографический отчет Истпартсовещания, стр. 57).

[2] А. Ельницкий — «Рабочее движение в России», изд. «Пролетарий», Харьков, 1925 г.

* * *

Вряд ли требует особых доказательств утверждение, что меньшевистские и либеральные историки, никогда не могли понять механизм рабочего движения.

В одном месте ленинского — «Что такое друзья народа» мы имеем следующее примечание:

«К выводу о необходимости поднять рабочего на борьбу с абсолютизмом можно притти двумя путями: либо смотреть на рабочего, как на единственного борца за социалистический строй и тогда видеть в политической свободе одно из условий, облегчающих ему борьбу. Так смотрят социал-демократы. Либо обращаться к нему просто как к человеку, наиболее страдающему от современных порядков, которому уже нечего терять и который всего решительнее может выступить против абсолютизма. Но это и будет значить заставлять его тащиться в хвосте буржуазных радикалов, не желающих видеть антагонизма буржуазии и пролетариата за солидарностью всего «народа» против абсолютизма» [1].

Это было написано, как известно, в 1894 году. Но разве это устарело по отношению к 1903 году, к 1905 году, ко всей последующей эпохе?

В течение десятилетий все партии и группы от «экономистов», «бернштейнианцев» и меньшевиков до эсеров и ка-детов практически в течение десятилетий толкали пролетариат на этот второй путь. Ленин, точно и ясно определивший уже в 1894 году оба пути, звал его на первый путь [2].

---

[1] Ленин, соч., т. 1-й, «Что такое друзья народа», 2-е изд., стр. 189.

[2] Кстати заметим. Находятся товарищи, которые по поводу приведенной нами цитаты замечают с иронией: «Ленин не мог говорить о меньшевиках в работе, которую написал в 1894 году».

Эти товарищи обнаруживают формальное мышление.

Для них меньшевизм это течение, возникшее в 1903 году. И только А между тем Ленин в предисловии к сборнику «За 12 лет» говорит:

«Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895 — 1907 гг.), нельзя не притти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют собою различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. «Легальный марксизм» П. Б. Струве (1894 г.) и ему подобных был отражением марксизма в буржуазной литературе. «Экономизм», как особое направление соц.-дем. работы в 1897 году и следующих годах, фактически осуществил программу буржуазно-либерального «credo»: рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба»...

«Легальный марксизм, — подчеркивает В. И. Ленин, — экономизм — меньшевизм связаны не только идейно, они связаны также прямой исторической преемственностью» (сб. «За 12 лет», 1925 г., изд. 4-е, стр. 18, предисловие).

Вот этой исторической преемственности оппортунизма и не понимают товарищи.

Когда мы говорим о меньшевистских литераторах или недалеко шествующих от меньшевиков, мы не можем упускать одну характерную черту работ этих последних: будучи начетчиками марксовых сочинений, они дают нередко кое-что от настоящего К. Маркса, убеждая наивных людей в том, что они дают всего настоящего Маркса. В этом отношении их работы в особенности опасны для нашей молодежи.

Имеем ли мы в современной литературе по истории рабочего класса такие попытки протащить буржуазную идеологию, исказить правильное представление о пролетариате как носителе социалистической революции? Конечно имеем.

2.

Наиболее полное и систематическое изложение истории рабочего класса дано двумя авторами: К. А. Пажитновым и М. С. Балабановым.

Работающие в высшей и средней школе знают, что книги упомянутых авторов занимают большое место в учебной литературе, известно также что эти книги кладутся в основу при проработке курсов по истории России эпохи промышленного капитализма и даже более близкого нам времени.

Известно также, что в этих книгах читатель найдет много фактов, но без анализа и без выводов.

«Домарксовская «социология» и историография в лучшем случае, — говорит Ленин, — давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъединяющему, всестороннему изучению процесса возникновения развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» [1].

Ленин говорит относительно домарксовской социологии. Но это именно типично и для обозреваемых нами авторов.

Чтобы представить себе концепцию автора «Положения рабочего класса» (Пажитнова), рассмотрим его периодизацию исторического процесса.

Эта последняя очень любопытна.

Весь исторический процесс Пажитнов разбивает на 3 периода: 1-й период — период крепостного труда, от начала возникновения крупной промышленности до падения крепостного права. 2-й период — от 1861 года до 1905 года. Это период свободного договора в условиях полицейско-бюрократического строя. 3-й период, начавшись с 1905 года, продолжается до настоящего времени. Это период ликвидации абсолютизма и длитель-

[1] Ленин — «Маркс, Энгельс, марксизм», 1925 г., стр. 15.

ной революционной борьбы за достижение более высокого уровня жизни путем изменения общих условий существования рабочего класса [1].

Характерным для этой периодизации является механическое сведение этапов, подмена социальной основы юридической. Для Пажитнова весь этап от 1861 года до 1905 года есть период свободного договора в условиях самодержавного строя.

Автор поет дифирамбы этому свободному договору, так как по его мнению «падение крепостного строя сделало свободный договор найма единственной формой отношений между трудом и капиталом»; он — свободный договор — «явился необходимым условием для европеизации страны, модернизации ее устаревших институтов».

«Свободный договор, — утверждает автор [2], — расширил запросы рабочего, поднял дух личной инициативы, увеличил интенсивность труда».

Автор сообщает также, что за этот период вмешательство государственной власти во внутренние дела были патриархальными. «Отношение ее, — говорит он, — к борющимся сторонам продолжало сохранять характер патриархальности».

Следующий исторический период, как мы уже видели, тянется от 1905 года по современную нам эпоху. Автор уверен, что за этот период — манифест «17 октября 1905 г.» возвестил эру свобод, что Временное правительство, поставленное у власти в 1917 году на основе коалиции (терминология автора) между либеральной буржуазией и умеренными социалистическими партиями, не оказалось в состоянии овладеть стихией и передало (подчеркнуто нами. *А. М.*) власть в руки партии большевиков.

Мы узнаем также, что большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., поставили задачу изменить общие условия существования рабочего класса.

Мы можем не останавливаться подробно на критике этих противоречащих действительности утверждений.

Совершенно очевидно, что никакого свободного договора между эксплоататорским классом и эксплоатируемыми не могло быть; ясно также, что «коалиция» в октябре 1917 года не «передала» власть. Очевидно, что перед нами автор, не имеющий представления о том, о чем он пишет.

Чтобы наглядно представить себе антинаучность обозреваемой нами работы, проиллюстрируем некоторыми примерами. Не имея методологически ясной схемы, разбив весь исторический процесс по хронологическим этапам, мало общего имеющим с социально-экономическим содержанием, автор стремился нагромоздить как можно больше фактов.

Он нагромождает описания стачек XVI века и стачек 80-х — 90-х годов, рабочих волнений первона-

---

[1] См. К. А. Пажитнов — «Положение рабочего класса в России», 3 тома (т. 1-й, изд. «Былое», Петроград, 1923 г.; т. 2-й и т. 3-й, изд. «Путь к знанию», Ленинград, 1924 г.).

[2] Пажитнов, указанное сочинение, том 2-й, предисловие.

чального капиталистического накопления и эпохи империализма.

Он летописно повествует об организации артелей первых десятилетий XIX века и профсоюзов XX века, не проводя демаркационной линии.

Автор констатирует факты вне учета времени и пространства. Там, где автор нанизывает факты из жизни рабочих организаций периода от 1905 года по 1923 год, он ни одним словом не говорит об октябрьской стачке 1905 года; для него не существует вооруженного восстания; у него выпали советы.

Таким образом рабочее движение из его истории рабочего класса выпало.

Он не проводит демаркационной линии между этапом до октября 1917 года и после. Для него не существует никаких различий в особенностях рабочего движения, периода непосредственного революционного натиска, эпохи реакции и эпохи войны и пролетарской революции.

Нам незачем приводить другие факты, иллюстрирующие огромные недочеты труда — «Положение рабочего класса в России».

Помимо всего прочего эта работа проделана с изумительной сухостью, монотонностью.

Стиль Пажитнова полностью отвечает его недиалектическому мышлению.

Движения масс, борьбы классов здесь нет. Можно изумляться, как сухо и монотонно изложил автор эпоху первоначального капиталистического накопления, эпоху величайшего кровавого законодательства.

«В истории первоначального накопления, — писал К. Маркс [1], — особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде свободных, как птица пролетариев. Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянства составляет основу всего процесса».

А у нашего автора весь этот этап превратился в период свободного договора.

3.

Разоблачение явно либеральной, явно немарксистской схемы не представляет особенного труда. Автор выступает во всем своем «антинаучном величии» и ясности.

Другое дело, когда мы сталкиваемся с работами, где анализ и схема завуалированы, где часто преподносится цитата из классиков марксизма, где очень тонко протаскивается буржуазная идеология, где тонко и искусно искажена постановка вопроса.

Несомненно, что в этом случае разоблачение важнее, вскрытие методологической путаницы ответственнее.

---

[1] К. Маркс — «Капитал», т. 1-й, изд. 1920 г., стр. 738.

* * *

Автор «Истории рабочего класса» М. С. Балабанов отличается от К. А. Пажитнова не только как литератор, но и тем, что он когда то был активным политическим деятелем: активным меньшевиком до Октябрьской революции 1917 года, антисоветским деятелем после октября 1917 года.

Таким образом политическая физиономия данного автора заставляла и заставляет чрезвычайно осторожно относиться к его работам.

В свое время автор был одним из сотрудников пятитомника, в предисловии которого, как известно, очень гордо объявлялось:

«Труд никого не обличает, не задается целью ничьей апологии. Предоставить говорить самим фактам — таким желанием воодушевлены участники этой работы» (из предисловия редакции «Общественного движения в России», т. 1-й).

Составители и не догадались, что этим замечанием они произнесли приговор над собой.

Несомненно, что в последних работах Балабанов делает значительные попытки подойти к революционному марксизму в ряде вопросов [1].

Эти попытки еще не означают, что автор разделался со своим прошлым, а между тем находятся товарищи, которые зачисляют его работы чуть ли не на все 100% как ленинские [2].

Мы выше показали, что уязвимым местом методологии Пажитнова является то, что он исследует условия развития борьбы рабочего класса, главным образом с экономической стороны, отрывая рабочий класс от всей той обстановки, в которой он живет, развивается, растет и борется.

---

[1] В этом отношении особенно любопытны две книги: «Массовое рабочее движение», изд. 1927 г., и «Очерк по истории революционного движения», изд. 1929 г.

[2] Один товарищ, например пишет:

«В этой книге (речь идет о книге — «От 1905 года к 1917 году». *А. М.*) Балабанов целиком и полностью покончил с меньшевистской схемой в оценке рабочего движения в послереволюционный период и присоединился в основном к большевистско-ленинской концепции» (отзыв М. Югова в журнале «Историк-марксист», т. 7-й, 1928 г.).

Ясно, что этот товарищ переоценил работу и этим самым принес вред читателю, менее искушенному.

В связи с этим нам хотелось бы привести еще два отзыва о книге Балабанова — «Очерки по истории революционного движения», издания 1925 года.

Отзыв первый: «Книга безусловно слаба; как историк революционного движения Балабанов оказался далеко не на высоте. Неправильный подход к теме, как борьбе всех классов страны, кроме крупного дворянства с самодержавием, изолированность русского революционного движения от европейского, игнорирование движения на окраинах в XVII и XVIII веках, как движений колоний против метрополии и непонимание

От работ Балабанова также сильно отдает экономизмом, но ведь экономизм еще не есть марксизм. В работах Балабанова классовая борьба выступает ярко. Но эта классовая борьба не доводится до определенного логического завершения — до признания диктатуры пролетариата, как следствия пролетарской революции.

Его работы как правило — прагматического порядка.

Система взглядов Балабанова по интересующему нас вопросу изложена в 3-томнике — «Очерки по истории рабочего класса». Эти «очерки» доведены до 1903 года. Непосредственным дополнением 3-томника является очерк — «Массовое рабочее движение» (от 1905 г. по 1917 г.).

Органически включается в этот же цикл брошюра — «Как возник и развивался рабочий класс». Наконец сюда же имеет отношение работа Балабанова — «Очерки по истории революционного движения», изд. 1929 г., в которой автор доводит изложение событий до 1917 года.

Построены работы Балабанова по определенному плану — сначала дается социально-экономический обзор периода, о котором идет речь в книге, затем показывается самый процесс образования рабочего класса, его положение и борьба за улучшение своего положения.

Надо признать, что в своей 3-томной работе автор удовлетворительно показал процесс образования рабочего класса в пореформенной России. Обстоятельно показав процесс «раскрестьянивания», он правильно замечает, что «крестьянская реформа в самой основе своей заключала в себе все предпосылки для земельной экспроприации крестьянина вообще и фабрично-заводского в особенности».

его; устранение вопроса о национальных движениях в XIX веке и в начале XX века, неверные подход и оценка крестьянского движения и т. д., и т. д. — все это вместе взятое дает основание признать книжку непригодной для тех целей, которые предназначает ей автор — помочь читателю ознакомиться с революционным прошлым в России. От этого знакомства у него пожалуй получится больше вреда, чем пользы» (А. Шестаков, в журнале — «Каторга и ссылка» кн. 5-я, 1925 г).

Отзыв второй: «Своей задачи книга отвечает вполне — она дает, вообще говоря, довольно верное изложение и освещение событий и сравнительно недорога, так что ее можно с успехом рекомендовать вместо устарелой и далеко не полной книги А. Туна» (В. Невский, в журнале «Печать и революция», кн. 4-я, 1925 г.).

Конечно прав первый товарищ. Но каково же читателю от этой разноголосицы?

Генезис промышленного капитализма он правильно ищет в экономике конца XVIII века [1].

Там, где Балабанов находится в сфере фактов конституирования рабочего класса эпохи до 1905 года, там он удовлетворителен и приемлем.

Методологически слаб он там, где изучает этапы рабочего движения в пореволюционной обстановке; где ему приходится касаться взаимоотношений рабочего класса с другими классами; где ему приходится говорить о политическом облике рабочего класса.

Здесь автор в лучшем случае беспомощен, в худшем над ним довлеет его дооктябрьская концепция.

Перефразируя Карла Маркса можно сказать: «традиции всех умерших меньшевистских поколений как кошмар тяготеют над его мозгом».

Разберемся в этом несколько подробнее для доказательства нашего утверждения. Что мы должны требовать от автора работ по истории массового рабочего и революционного движения в стране, которая пережила революцию 1905 года и Октябрьскую 1917 года? — Четкого представления о звеньях в исторической борьбе эксплоатируемых масс с эксплоататорскими классами, правильного представления о расстановке классов в этой борьбе, признания руководящей роли рабочего класса, руководимого революционной партией.

Ленин нас учил:

«Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних усложняющих влияний и обстоятельств случай и уже затем от его решений восходить далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства» [2].

Ленин об этом неоднократно напоминает [3].

---

[1] В связи с этим интересно напомнить о книге профессора П. Г. Любомирова — «Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX веков», т. 1-й — «Организационная структура промышленных предприятий» (изд. «Прибой», Л., 1930 г.).

Автор на основе большого архивного материала пришел к тому, «что нельзя пройти мимо XVIII века в поисках генезиса русского промышленного капитализма».

М. Н. Покровский также однажды заметил, что зарождение промышленного капитализма необходимо отнести приблизительно на полстолетие, предшествовавшее реформе 1861 года (см. по этому поводу «Декабристы», сборник статей М. Н. Покровского).

[2] Ленин, соч., т. IX, стр. 302.

[3] См. Ленинский сб., т. XII, — «К вопросу о диалектике».

«Надо уметь найти, — говорит он [1], — в каждый момент, то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так тупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи».

Непонимание Балабановым ленинского звена в 1905 году выступает совершенно ясно. Так он пишет: «Революционная волна спала не сразу. Поднимаясь все выше в течение 1905 года и достигнув максимального подъема в октябре— ноябре этого года, она дает первый надлом в декабре».

Кто оценивал октябрь в 1905 г. — как кульминационный пункт революции, а декабрь — как спад? Меньшевики.

Ленин беспощадно издевался над меньшевистским пессимизмом.

На утверждения либералов, поддерживаемые ликвидаторами, что рабочие переоценили свои силы, что они не должны были браться за оружие, Ленин отвечает: «Наоборот факты доказывают, что они недооценили свои силы, ибо недоиспользовали их» [2].

Исходя из начетчического понимания К. Маркса, меньшевики призывали пролетариат в 1905 году к союзу с буржуазией, чтобы бороться за европеизацию России.

Понимая так роль рабочего класса, меньшевики отводили крестьянству роль врага этой пресловутой европеизации. Что являлось основным звеном для нашей партии, за которое (звено) Ленин предлагал ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь? Мы говорим конечно об определенном историческом этапе — о 1905 годе. Основным звеном являлось вооруженное восстание.

В своей статье — «Уроки московского восстания» Ленин подчеркивает ту мысль, что наступил такой этап, когда уже недостаточна политическая стачка, когда мы «должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит обманывать и себя и народ» [3].

Вот этого именно и нет у Балабанова. В вопросе об этапах 1905 года он стоит на старых позициях, на меньшевистских позициях.

Возьмем другое. Советы 1905 года были ничем иным как проявлением массового подъема революции. Они возникли в 1905 году, как органы

---

[1] Ленин, соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 412, — «О значении золота теперь и после полной победы социализма».

[2] Ленин — «Рабочее движение в России в эпоху первой революции», изд. 1925 г.

[3] Ленин, соч., т. X, 2-е изд., стр. 50.

подготовки вооруженного восстания, как органы революционной власти.

Меньшевики этого не понимали.

В книге Балабанова, написанной в 1927 году, о советах ни слова не сказано; в книге, изданной в 1929 году, есть две страницы без достаточной оценки, а главное без заострения на взгляды меньшевиков.

В обоих упомянутых книгах автор не показывает ликвидаторства, разлагающей роли последнего в рабочем движении.

В. И. Ленин в одном из писем к Максиму Горькому следующим образом характеризует ликвидаторство:

«Ликвидаторство такой разврат, такой предательский дух, такое ренегатство вносит, что и представить себе трудно» [1].

Об этом развращающем влиянии ликвидаторства на рабочий класс мы из работ Балабанова не узнаем. Мы не узнаем о роли меньшевиков в профессиональных союзах; мы не узнаем корней того патриотического угара, который охватил рабочий класс в первый год войны.

Ни одного слова нет о военно-промышленных комитетах и о роли в них меньшевиков.

Таким образом ликвидаторство как течение не показано.

Но вне этого не будут понятны сдвиги в рабочем классе, вне этого трудно будет понять механику классовой борьбы.

Балабанов проделывает, как мы выше говорили, эволюцию от меньшевизма к революционному марксизму. Это несомненно.

На этом пути он кое-что сделал. Но также совершенно очевидно, что он еще очень далек от марксизма-ленинизма.

4.

Работы названных выше авторов — единственные, дающие систематическое изложение истории рабочего класса.

Но эти работы, как мы видим, не удовлетворяют элементарным требованиям марксистской методологии.

В первом случае — у Пажитинова — мы имеем явно ненаучную схему, мы имеем рассуждение либерального буржуа о страданиях бедного и забитого рабочего.

Во втором случае — у Балабанова, — мы имеем добросовестно проделанную прагматическую работу без анализа, без вывода. Там же, где автор дает анализ, он находится в плену своего меньшевистского прошлого.

В его работах по истории рабочего класса читатель не найдет объяснения идеологического фактора, влияния этого последнего на борьбу рабочего класса; читатель не получит ничего по вопросу о корнях оппортунизма в рабочем классе; читатель в работах Балабанова не найдет того главного, что составляет историю рабочего класса.

[1] Ленин, соч., т. XVI, 2-е изд., стр. 221, — письмо за январь 1913 г.

И первый и второй авторы изучают рабочий класс и его движение летописно.

У Пажитнова это — в наиболее грубой, примитивной форме, у Балабанова, как было сказано, вся борьба пролетариата сводится только к экономической борьбе.

Все сказанное убеждает нас в правильности основного положения: мы не имеем до сих пор научной истории рабочего класса, которая бы отвечала требованиям марксистско-ленинской концепции.

Такая работа, — в этом не может быть никаких сомнений, — должна быть делом коллективным, при этом делом людей, стоящих безо всяких оговорок на марксистско-ленинских позициях.

Значительным этапом на этом созидательном пути явился доклад А. М. Панкратовой на 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов.

В этом докладе был выдвинут ряд узловых проблем для разработки истории рабочего класса.

Наиболее четко мысль докладчицы высказана в следующем абзаце:

«История пролетариата по Марксу — это есть история класса наемных рабочих, постепенно в процессе обострения классовой борьбы идущих к новой роли в производстве, к созданию нового общественного строя, без классовой диференциации, без классового антагонизма, без классовой борьбы. Другими словами история рабочего класса по К. Марксу — это есть история его развития и роста от «класса в себе» в «класс для себя». Причем этот процесс конституирования пролетариата в класс для себя происходит в форме массовых движений, порождаемых обыкновенно классовыми противоречиями» [1].

А. Панкратова намечает следующие проблемы или периоды в изучении истории пролетариата:

1) процесс отделения рабочего класса от других классов (формирование «класса в себе»);

2) анализ этапов от «класса в себе» в «класс для себя»;

3) изменение экономического положения пролетариата в соответствии с экономической конъюнктурой и другими изменениями в стране;

4) формы и характер рабочего движения и развитие массовых рабочих организаций;

5) формирование идеологии и влияния на пролетариат чуждых ему враждебных классовых идеологий.

Эти периоды, выдвинутые А. М. Панкратовой, не вызывают возражений.

Построение курса истории пролетариата должно быть строго материалистичным и пронизано диалектикой.

---

[1] Стенографический отчет 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. 1, доклад А. М. Панкратовой, стр. 393.

Это означает ничто иное, как рассмотрение всего исторического процесса в его самодвижении, в его саморазвитии, в установлении единства противоположностей и раздвоения прежде единого.

Упомянутое нами выше единство не есть простое не есть механическое, а единство многообразия.

Ленин в конспекте логики Гегеля отмечает: «Диалектика есть учение о том, как могут и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые застывания, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» [1].

Противоположности не мертвы, а подвижны. На определенном историческом этапе сосуществование противоположностей становится невозможным и оно сменяется новым единством. Это развитие и приводит к скачку, к переходу одного состояния — количественного — в другое состояние — качественное.

Этих ясных и бесспорных вещей мы не найдем у разбираемых выше авторов.

В письме к 5-му съезду профессиональных союзов Ленин призывал сознательных крестьян и рабочих, «которым случится впасть в уныние под влиянием тяжелых условий жизни или чрезвычайной медленности нашего государственного строительства, припомнить недавнее прошлое с господством капитала и помещика» [2].

Но вспоминать без книг очень трудно, тем более, что около половины современного состава пролетариата не знало капиталистической фабрики, не знало эксплоатации капиталистической фабрики, не участвовало в той гигантской борьбе, которую вел пролетариат за свержение самодержавия и изгнание буржуазии из пределов нашей страны.

В. И. Ленин в том же письме говорит:

«Такое воспоминание вернет ему бодрость в работе... всеми силами со всех сторон усилить и улучшить работу, в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти».

Такую **активизацию нашего пролетарского читателя должна дать написанная история пролетариата.**

М. Н. Покровский неоднократно утверждал:

«История есть политика, опрокинутая в прошлое... История больше говорит о мертвых людях, чем о живых, но это не мешает ей быть самой живой, наиболее политической наукой из всех, какие существуют» [3].

Что история — политическая наука, это бесспорно, что история пролетариата должна разрабатываться сугубо политически, отвечая требованиям диалектического материализма, — также бесспорно.

---

[1] Ленинский сборн., т. IX, стр. 69.

[2] Стенографический отчет 5-го съезда профсоюзов, стр. 9.

[3] Труды 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. XV, стр. 1.

А это означает, что нам важно знать прошлое рабочего класса, проследить и проанализировать пути его развития для того, чтобы понять трудности сегодняшней борьбы, перспективы завтрашней борьбы.

Но этого недостаточно. Давая анализ вчерашней борьбы рабочего класса, мы тем самым даем величайшие уроки классовой борьбы международному пролетариату.

Ленин, давая свои классические работы интернациональному пролетариату, постоянно обращал внимание на важность изучения всех этапов борьбы нашей партии против оппортунистов всех оттенков.

В схватках с мировой буржуазией пролетариату необходим опыт борьбы нашего рабочего движения.

В. И. Ленин заострил внимание в «Детской болезни левизны в коммунизме» в эту сторону:

«Понимая под международным значением международную значимость и историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции...»

Дальше В. И. Ленин предупреждает против утрировки и шаблонизирования выдвинутого им положения, подчеркивая, что в данный исторический момент, дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что и весьма существенное из их неизбежного и недалекого будущего.

К этим особенностям и принадлежит та экспроприация экспроприаторов, которую проделал в своей исторической борьбе российский рабочий класс.

Отсюда становится правильным замечание, сделанное на конференции историков-марксистов: «Историческая миссия борьбы рабочего класса заключается именно в том диалектическом противоречии, которое представляет из себя сущность пролетарской борьбы. Ведь пролетариат борется не только за свое освобождение, но вместе с тем борется за свое уничтожение как класса, вместе с уничтожением других классов».

Конечно это правильно. Но чтобы эти ясные вещи стали достоянием широких кругов, надо поставить изучение истории пролетариата на должную высоту.

А между тем географическая карта истории пролетариата пестрит многими белыми, неисследованными областями.

Возьмем только некоторые белые места для подтверждения нашей мысли.

Выполняя свою историческую миссию, будучи главной движущей силой и организатором социалистической революции, пролетариат на определенном историческом этапе боролся против самодержавия и помещика в союзе со всем крестьянством.

«Привлечь к себе силой своей, самостоятельности, своей выдержанности, своей твердости массу угнетенного, забитого крестьянства, массу ко-

леблющейся, шаткой, неустойчивой, мелко-буржуазной демократии, оторвать ее от предательской либеральной буржуазии, контролировать таким образом эту буржуазию и во главе народного массового движения раздавить проклятое самодержавие, — такова задача социалистического пролетариата в буржуазной революции», — говорил Ленин [1].

Вот это смыкание двух классов на определенном историческом этапе, на основе определенной стратегической задачи, разве у нас изучено?

А именно в этом вопросе нам легче всего разоблачить контрреволюционную сущность меньшевизма и троцкизма, как одного из крыльев этого последнего.

Но разоблачая меньшевизм мы не должны упускать одну чрезвычайно интересную особенность данного этапа рабочего движения.

Ведя борьбу в союзе со всем крестьянством, находясь во главе последнего, пролетариат мог воспринимать некоторые черты идеологии крестьянства, а это накладывало в том или другом конкретном случае своеобразие на перепитии классовой борьбы, на идеологию рабочего класса. Несомненно, что дело изучения вот этих «привносимых» черт, дело большого методологического значения.

Это одна проблема.

Второе: до сих пор распространенна легенда о том, что в 1905 году, в октябре и декабре, а также в октябре 1917 г., основную роль руководителя, играл неквалифицированный пролетариат.

Это черным по белому имеется у Н. А. Рожкова и у некоторых других, менее авторитетных, но распространенных среди читающей публики, авторов.

Конечно эта легенда довольно легко разбивается всей той огромной фактической литературой, которая освещает данный вопрос.

Мы очень мало (вернее совсем ничего) имеем работ о рабочем классе и рабочем движении эпохи империализма и в особенности пооктябрьского времени.

А разве можно понять историю пролетариата, не проследив идеологического оформления рабочего класса.

Следовательно встает вопрос о том, чтобы изучить роль коммунистической партии в консолидации рабочего движения, — следовательно возникает необходимость проследить процессы борьбы большевистской партии на два фронта за чистоту своих рядов, за непримиримую борьбу против разврата, который привносили в рабочее движение оппортунисты всех мастей и оттенков.

А между тем мы совершенно не имеем работ по исследованию корней ликвидаторства и его влияния на рабочее движение.

Или возьмем проблему оборончества в рабочем классе. — Вопрос совершенно не изучен, а между тем правильное вы-

---

[1] Ленин, соч., т. VIII, стр. 189, — «Значение выборов в Петербурге»,

яснение его приобретает большое значение и для грядущих боев международного пролетариата.

В то же время мы еще только подходим к изучению рабочего класса пооктябрьского периода.

Эта задача громадной важности и политической ответственности.

Мы сталкиваемся при выполнении этой задачи с некоторыми методологическими трудностями.

Необходимо помнить, что на определенных исторических этапах в рабочем классе происходят сдвиги, перегруппировки. Некоторые его слои могут перейти в мелко-буржуазный лагерь, некоторые в разряд служащих.

Мы имели в определенный исторический отрезок моменты деклассирования рабочего класса — «период зажигалок», этап очень небольшой, но который все же был.

Изучить эти процессы представляет важную задачу для историка пролетариата.

Но это одна задача. Перед нами стоит и другая: изучить, как рабочий класс строит свое первое в мире пролетарское государство, строит социалистическое хозяйство. Мы конечно не перечислили все проблемы, которые стоят перед историком пролетариата.

В частности мы не остановились на изучении профессионального движения, а ведь известно, что этот раздел в историографии рабочего класса займет не последнее место.

Мы помним и знаем слова В. И. Ленина в «Детской болезни левизны в коммунизме»:

«Иначе как через профсоюзы, через взаимодействия их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие рабочего класса не шло и итти не могло».

Поэтому понятно, что в истории пролетариата изучение его классовых организаций займет большое место.

В заключение нельзя не высказать следующие пожелания:

изучать историю рабочего класса надо во всем его многообразии, не отрывая его от той конкретной социально-экономической обстановки, в которой он живет, развивается, борется;

приэтом это изучение должно быть сугубо политическим, пронизано духом ленинизма, т. е. изучение истории пролетариата должно дать «практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела» (И. Сталин).

Анатолий Мильштейн.

СИНОДИК [1]

легальных петербургских большевистских газет 1905 — 07 гг.

1905 г.

«НОВАЯ ЖИЗНЬ».

№ 1, 27/X-1905 г., привлечен к ответственности редактор за напечатанную «Программу РСДРП, принятую на 2-м съезде партии».

№ 4, 30/X, привлечен к ответственности редактор за статью А. Г.— «Впечатления. V».

№ 6, 2/XI, привлечен к ответственности редактор за статью Б. Радина [Б. М. Кнунианца]—«Маска сброшена».

№ 13, 15/XI, привлечен к ответственности редактор за передовую статью Н. Ленина—«Неудавшаяся провокация».

№ 14, 16/XI, привлечен к ответственности редактор за: 1) резолюцию Федеративного совета Московского комитета и Московской группы РСДРП (в отделе—«Москва») и 2) телеграмму севастопольцам от Совета рабочих депутатов.

№ 15, 17/XI, привлечен к ответственности редактор за: 1) резолюцию рабочих Покровской мануфактуры и крестьян Ольховской и Ильинской волостей, 2) программу, служащую дополнением к помещенной в № 14 от 16/XI статье Федоровича — «Роль пропаганды и ее постановка, и 3) заметку «На Путиловском заводе».

№ 17, 19/XI, привлечен к ответственности редактор за статью Алексеева — «Настало время».

№ 19, 23/XI, привлечен к ответственности редактор за статьи: 1) передовую, Н. Ленина — «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти» и 2) Алексеева — «О наших „убийцах"» (из дневника русского пролетария).

№ 21, 25/XI, привлечен к ответственности редактор за воззвание Исполнительного бюро С.-Петербургского отделения Всероссийского почтово-телеграфного союза (в отделе—«Профессиональные союзы».

№ 22, 26/XI, привлечен к ответственности редактор за статью— «Листок военной организации по поводу назначения военно-полевого суда по законам военного времени над арестованными участниками революционного движения» (в отделе— «Киев»).

№ 23, 27/XI, привлечен к ответственности редактор за воззвание к товарищам «Группы сознательных городовых шести участков».

№ 24, 29/XI, привлечен к ответственности редактор за: 1) письмо группы солдат-артиллеристов (в отделе—«В армии»), 2) заметку—«Конференция Северных комитетов» (в отделе— «Из партийной жизни») и

---

[1] В синодике везде в календарных датах—старый стиль.

Синодик составлен по хранящимся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива ЛОЦИА архивным делам — Главного управления и С.-Петербургского комитета по делам печати за 1905 – 13 гг.

3) резолюцию, принятую 27/XI на собрании рабочих заводов металлургической промышленности [1].

№ 25, 30/XI, привлечен к ответственности редактор за: 1) статью—«Армия рвется на родину» (в отделе—«Вопросы дня») и 2) постановление Соединенного заседания от 27/XI Московского союза союзов, членов Центрального бюро и делегатов из С.-Петербурга (в отделе—«Профессиональные союзы»).

№ 26, 1/XII, привлечен к ответственности редактор за перепечатанные из № 1 журнала «Дятел» 2 телеграммы из Копенгагена—«Здоров-ли Коля?» и «Скоро-ли выезжаете?» (в отделе—«Хроника») и 2) резолюции: принятую 28/XI на митинге рабочих Металлического завода и Московского совета рабочих депутатов.

№ 27, 2/XII, арест (утвержден) за передовую статью [2] — «Манифест» за подписями: 1) Совета рабочих депутатов, 2) Главного комитета Всероссийского крестьянского союза, 3) Центрального комитета и Организационной комиссии РСДРП, 4) Центрального комитета партии социалистов-революционеров и 5) Центрального комитета Польской социалистической партии (ППС).

*

2 декабря 1905 г. С.-Петербургская судебная палата постановила издание газеты «Новая жизнь» приостановить.

Газета «Новая жизнь» выходила в свет с 27 октября по 3 декабря, всего вышло 28 №№ газеты.

С.-Петербургская судебная палата постановила. 26 февраля 1913 г. — №№ 1, 6, 13, 14, 15, 17 и 19, и 15 Ноября 1913 г. — №№ 21, 22, 24, 25, 26 и 27 газеты уничтожить.

1906 г.

«ПРИЗЫВ».

№ 3, 17/XI-1906 г., привлечен к ответственности редактор (?) за статью:—«Ко всем учащимся средне-учебных заведений» (в отделе—«В учебных заведениях»).

№ 73, 6/V, привлечен к ответственности редактор (дело прекращено) за статью—«Съезд РСДРП».

№ 74, 7/V, привлечен к ответственности редактор (дело прекращено) за статью—«Съезд РСДРП».

№ 77, 11/V, привлечен к ответственности редактор (дело прекращено) за статью—«7-я конференция Бунда» (в отделе—«В партиях») и «Резолюцию митинга в доме графини Паниной 9 мая» (в отделе—«Митинги и собрания»).

---

[1] Резолюция по поводу ареста председателя Петербургского совета рабочих депутатов Г. С. Хрусталева-Носаря.

[2] Кроме того за эту статью редактор привлечен к ответственности.

№ 84, 19/V, привлечен к ответственности редактор (?) за статью—«Ко всем рабочим России. От депутатов-рабочих Государственной думы».

№ 85, 20/V, привлечен к ответственности редактор (?) за сообщение о митинге рабочих в Екатерингофском парке (в отделе—«Митинги и собрания).

№ 88, 25/V, арест [1] (утвержден) за передовую статью Пимена—«Народ и ка-деты».

№ 89, 26/V, арест [2] (утвержден) за: статью Авг.—«О трудовой группе», «Обращение Всероссийского крестьянского союза» (в отделе—«В партиях») и заметку—«Собрание прогрессивных избирателей» (в отделе—«Митинги и собрания»).

№ 91, 28/V, привлечен к ответственности редактор (?) за «Письмо в редакцию XX. Ответ на письмо рабочих Путиловского завода, бывших черносотенцев».

№ 97, 4/VI, привлечен к ответственности редактор (?) за статью И. Лескова—«Погромы возобновляются».

№ 98, 6/VI, арест [3] (утвержден) за статьи: 1) передовую Павла—«Свободные в свободной стране», 2) Константина Рыбацкого—«На довольствие полка», 3) «Пролетарское движение» и 4) «Движение растет» и сообщения: 1) «Наказы и телеграммы» (в отделе—«В Государственной думе») и 2) «Из Вильны» (в отделе—«Корреспонденция «Призыва»).

№ 99, 7/VI, арест [4] (утвержден) за статьи: 1) «Бессилие Думы и сила народа», 2) С-ча—«Что значит итти «за Думу» и 3) «В партиях».

№ 100, 8/VI, арест [5] (утвержден) за статьи: 1) передовую—«Выступление реакции» и 2) А.—«Из бесед» и заметки: 1) «Резолюция рабочих» (в отделе—«Трудовая группа»), 2) «Митинг рабочих завода «Нового Лесснера» (в отделе—«Митинги и собрания») и 3) «Собрания рабочих Сестрорецкого оружейного завода» (в отделе—«Митинги и собрания»).

№ 101, 9/VI, арест [6] (утвержден) за статьи: 1) передовую пролетария Пимена—«Новый подъем» и 2) рабочего Захара—«Две силы», и за письмо «От политических заключенных Речицкой тюрьмы, Минской губернии» (в отделе—«Трудовая группа»).

№ 102, 10/VI, арест [7] (утвержден) за заметки: 1) «Митинги на Пироксилиновом заводе 8 июня» (в отделе—«Рабочая жизнь») и 2) «Постановление собрания железнодорожных рабочих станции Елизаветполь» и за статью—«Погром и пролетариат».

№ 103, 11/VI, арест [8] (утвержден) за статью рабочего Захара—«Погром и пролетариат» и «Постановление собрания железнодорожных рабочих станции Елизаветполь» (в отделе—«По России»).

---

[1], [2], [3], [4], [5], [6] и [7] Кроме того за №№ 88, 89, 98, 100, 101 и 102 редактор был привлечен к судебной ответственности.

[8] Кроме того за № 103 редактор был привлечен к судебной ответственности.

*

Постановлением С.-Петербургской судебной палаты от 14 июня 1906 г. издание газеты «Призыв» было приостановлено.

№№ 98, 99 и 100 получили почти полное распространение, а №№ 102 и 103 не получили никакого распространения.

Всего газеты «Призыв» вышло 106 номеров, последний номер вышел в свет 15 июня 1906 г., а первый номер ее—15 января 1906 г. Газета примыкала к взглядам большевиков.

«ВОЛНА».

№ 6, 1/V-1906 г., арест [2] (утвержден) за статью—«1 мая» (от Центрального комитета РСДРП).

№ 7, 3/V, привлечен к ответственности редактор за статью—«Всероссийское празднование 1 мая».

№ 10, 6/V, арест [3] (утвержден) за статью Н. Л[ени]на — «Новый подъем».

№ 11, 7/V, привлечен к ответственности редактор (определением С.-Петербургской судебной палаты от 12 июня 1906 г. дело по обвинению редактора было прекращено) за опубликованные «Постановления и резолюции Объединительного съезда РСДРП».

№ 13, 10/V, привлечен к ответственности редактор за письмо в редакцию от политических заключенных Воронежской тюрьмы.

№ 14, 11/V, привлечен к ответственности редактор за: 1) заметку—«Народный митинг в доме Паниной» и 2) стихотворение—«Дай ответ».

№ 18, 16/V, арест [4] (утвержден) за статью: П. Ор[ловского—В. В. Воровского]—«Игра в парламент» и заметки: 1) «Митинги» (первые 32 строки), 2) «В районах. Московский район» (первые 39 строк) и 3) «Колпино».

№ 19, 17/V, арест [5] (утвержден) за статьи: 1) А. Деснянца—«Крестьяне не ждут...», 2) А. Л[уначарского]—«Задачи момента» и 3) А. Лун[ачарско]го—«Дума переходит к очередным делам».

№ 21, 19/V, привлечен к ответственности редактор за обращения: 1) ко всем рабочим России от рабочих депутатов Государственной думы и 2) «От редакции».

№ 22, 20/V, арест [6] (утвержден) за заметки: 1) «Митинг у Вестингауза», 2) «Иваново-Вознесенск» (корреспонденция «Волны») и 3) «В районах. В Нарвском районе».

№ 23, 21/V, арест [7] (утвержден) за передовую статью—«Плохие советы».

№ 24, 23/V, арест [8] (утвержден) за статьи: 1) Петра Ал.—«Голод и безработица» и 2) А. Кр.—«Рижские казни», заметки: 1) «Митинг железнодорожных рабочих» (в отделе—«Хроника») и 2) «Московский район» (в отделе—«В районах) и письмо в редакцию рабочего Н.

---

[2], [3], [4], [5], [6], [7] и [8] За №№ 6, 10, 18, 19, 22, 23 и 24 газеты «Волна» кроме того редактор был привлечен к ответственности.

№ 25, 24/V, арест (утвержден) за статьи: 1) передовую—«Ка-деты трудовики и рабочая партия», 2) Петра Ал.—«Две резолюции» и 3) В.— «Свобода и армия» (в отделе—«Вопросы дня»).

*

Постановлением С.-Петербургской судебной палаты от 24 мая 1906 г. издание газеты «Волна» было приостановлено.

Газета «Волна» выходила в свет с 26 апреля по 24 мая 1906 г. (вышло 25 №№).

С.-Петербургская судебная палата 26 июня 1913 г. постановила №№ 10, 18, 19, 22, 23, 24 и 25 газеты уничтожить вместе со стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для их печатания.

«ВПЕРЕД».

№ 1, 26/V-1906 г., арест [1] (утвержден) за статьи: 1) передовая Г. Ал[ексин]ского—«Ка-деты предают крестьян» и 2) Н. Л[енина]—«Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии» и резолюцию железопрокатного подрайона (в отделе—«В районах»).

№ 2, 27/V, арест (утвержден) за стихотворение Дмитрия Цензора— «Звонарь» (баллада) и резолюцию (вторую) Петербургского комитета РСДРП (в отделе—«Из жизни политических партий»).

№ 4, 30/V, привлечен к ответственности редактор (?) за резолюцию, принятую на митинге солдат и матросов (в отделе—«В казармах»).

№ 9, 4/VI, привлечен к ответственности редактор (?) за статью— «Реакция начинает вооруженную борьбу» и маленький фельетон—«Солдаты-рабочие».

№ 10, 6/VI, арест (утвержден) за статьи: 1) передовую Г. Ал[ексин]ского — «Революция учит» и 2) А. Деснянца — «Дворяне не хотят покидать своих гнезд», обращение от редакции (в отделе—«Хроника»), отдел «В районах» и резолюцию, принятую на митинге рабочих на Гаванском поле 4 июня в отделе—«Митинги и собрания»).

№ 11, 7/VI, арест (?) за статьи: 1) «Думское министерство и народовластие», 2) «Бунд—о современном моменте» (в отделе—«Из жизни политических партий») и 3) «Белостокская резня» (окончание) (в отделе— «По России»).

№ 12, 8/VI, арест (утвержден) за статью—«Активное выступление камарильи», заметки: 1) в отделе—«Среди газет и журналов», начинающуюся словами: «Белостокская бойня...», 2) «Внутренняя война и государственные бумаги» и 3) «Выборгский район, обращение к рабочей группе в Гос. думе» (в отделе—«В Районах») и корреспонденции из Москвы.

---

[1] Кроме того за № 1 газ. «Вперед» редактор М. И. Струнский был приговорен судом к заключению в крепость на 1 год.

№ 13, 9/VI, арест [1] (утвержден) за статью—«Надо смотреть вперед» и заметки: «Пригороды. Сестрорецк», 2) «Митинг 7-го июня на заводе Малкиеля» (в отделе—«Митинги и собрания»), 3) о массовке из рабочих нескольких мастерских (в отделе—«Митинги и собрания») и 4) «По России. Калуга».

№ 14, 10/VI, арест [2] (утвержден) за статью—«Семеновцы».

№ 15, 11/VI, арест [3] (утвержден) за статьи: 1) «Две резолюции» (в отделе—«Вопросы дня»), 2) «Крестьянская беднота организуется» и 3) «Неотложная задача» и заметки: 1) о митинге на Пироксилиновом заводе и 2) «Из жизни военных».

№ 16, 13/VI, арест (утвержден) за статью М. Таганского—«Конвульсия биржи», заметку: «В № 9 «Солдатского листка» напечатано следующее письмо бежавшего солдата...» (в отделе—«Из жизни военных») и воззвание к рабочим текстильной промышленности (в отделе—«В профессиональных союзах»).

№ 17, 14/VI, арест (утвержден) за статью—«Борьба за власть и борьба за подачки» (в связи с резолюцией рабочих железнодорожной организации РСДРП), начинающуюся словами: «В воскресенье 11 июня...» (в отделе—«Из железнодорожного мира»).

*

№№ 1 и 2 газеты «Вперед» получили полное распространение, при наложении ареста на эти номера в типографии не оказалось ни одного экземпляра газеты.

№№ 9—17 постановлением особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты были уничтожены.

Газета «Вперед» выходила в свет с 26 мая по 14 июня 1906 г. (вышло 17 №№) взамен закрытой газеты «Волна» и является продолжением последней.

«ОБРЫВ».

№ 1, 16/VI-1906 г., арест [4] (утвержден) за статью — «Декларация думской фракции РСДРП» (в отделе—«В Государственной думе»).

№ 3, 18/VI, арест [5] (утвержден) за обращение «От крестьян Нижне-Ольховатского общества» (в отделе—«Трудовая группа»).

№ 6, 22/VI, привлечен редактор (?) за статью Запасного—«О разжаловании Преображенского полка» (в отделе—«Письма в редакцию).

№ 7, 23/VI, привлечен редактор (?) за статью Запасного—«Из беседы».

№ 13, 30/VI, привлечен редактор (?) за статьи: 1) «Русская Варфоломеевская ночь» и 2) И. Новороссийского—«Еще о черносотенных планах».

---

[1], [2] и [3] Кроме того за №№ 13, 14 и 15 газеты «Вперед» редактор М. И. Струнский был приговорен по суду к заключению в крепость на 2 года.

[4] и [5] Кроме того за №№ 1 и 3 газеты «Обрыв» редактор был привлечен к ответственности.

№ 14, 1/VII, привлечен редактор (?) за передовую статью—«Новые факты».

№ 15, 2/VII, арест [1] (утвержден) за передовую статью—«Крестьянское движение и ка-деты» и «Резолюцию, принятую на митинге солдат Петровского и Выборгского полков» (в отделе—«Митинги и собрания).

№ 17/16, 5/VII, арест [2] (утвержден) за статьи; 1) М-ка—«Народное движение» и 2) «Земли и воли» (в отделе—«По России»).

№ 21, 11/VII, арест [3] (утвержден) за статью А.—«На распутьи» и заметку из газеты «Г[олос] П[олесья]»—«Гомель» (в отделе—«По России»).

*

Постановлением С.-Петербургской судебной палаты от 10 июля 1906 г. издание газеты «Обрыв» было приостановлено.

Газета «Обрыв» выходила взамен закрытой газеты «Призыв» и примыкала к взглядам большевиков, выходила она в свет с 16 июня по 11 июля 1906 г. (вышло 21 №№).

«ЭХО».

№ 1, 22/VI-1906 г., арест (утвержден) за статьи: 1) Г. Ал[ексин]-ского — «Суд над судом народным» и 2) Угрюмого — «Досадная обмолвка», сообщение о митинге солдат в Петергофе», письмо «одного солдата», перепечатанное из № 88 газеты «Фолксцайтунг» (в отделе—«Брожение в войсках») и резолюцию о думской кампании, принятую 2-м сибирским съездом.

№ 2, 23/VI, арест (утвержден) за статью: Ю. Кам[е]нева—«Почему нельзя рассреливать полицию или опыт конституционной теории погромов».

№ 3, 24/VI, арест (утвержден) за заметку—«Конференция северных комитетов» и «Резолюцию о Государственной думе, выработанную Центральным комитетом Бунда для проведения на рабочих собраниях» (обе в отделе—«Из жизни политических партий»).

№ 4, 25/VI, арест (утвержден) за резолюции, принятые: 1) на митинге созванном Любечской соц.-дем. организацией Гомельского районного комитета и 2) на собрании рабочих станции Сновск Черниговской губернии (обе в отделе—«Резолюции, принятые на 5-м съезде Социал-демократии Польши и Литвы»).

№ 6, 26/VI, арест (утвержден) за статью Г.—«Два воззвания», опубликованное заявление рабочих и крестьян сел Васильева и Городца социал-демократической парламентской фракции о бессилии Государственной думы, заметку—«Движение среди донских казаков» и 2) сообщения: 1) перепечатанное из грузинской газеты «Ахали-Цховреба» о «Волнениях в батумском гарнизоне» (обе последние в отделе—«Брожение в войсках») и о митинге рабочих петербургского вагоностроительного завода Речкина (в отделе—«На фабриках и заводах»).

---

[1], [2] и [3] Кроме того за №№ 15, 17/16 и 21 редактор газеты был привлечен к судебной ответственности.

№ 7, 29/VI, арест (утвержден) за: 1) резолюцию, принятую Нижне-Тагильской, Пермской губернии, организацией РСДРП (в отделе—«Из жизни политических партий»), 2) ответ рабочих и служащих Одесского железно-дорожного района на воззвание рабочей группы Государственной думы (в отделе—«Хроника»), 3) резолюцию, принятую на собрании солдат Петровского и Выборгского полков, и 4) постановление делегатского собрания в Колпине 40 представителей солдат, входящих в состав военной организации (две последние в отделе—«Брожение в войсках»).

№ 9, 1/VII, арест (утвержден) за: 1) передовую статью—«Толки об измене», 2) опубликованное письмо на имя депутата И. И. Рамишвили (в отделе «Социал-демократическая думская фракция»), 3) заметку о лекции на тему: «За два месяца Государственной думы», прочитанной т. Л[уначарским?] в собрании рабочих Песковского подрайона, в социально-политическом клубе, 28 июня (в отделе—«Хроника») и 4) резолюцию, принятую на состоявшейся в Сосновке 29 июня массовке рабочих Петербургской стороны.

№ 10, 2/VII, арест (утвержден) за: 1) передовую статью—«Армия и народ», 2) сообщение о митинге, состоявшемся 30 июня на заводе акционерного о-ва «Артур Коппель» (в отделе—«Митинги и собрания»).

№№ 11, 4/VII, арест (утвержден) за резолюции: 1) принятую в Батуме матросами, саперами и артиллеристами, 2) выработанную на митинге солдат Курского гарнизона 26 июня (обе в отделе—«Брожение в войсках») и 3) принятую на митинге рабочих Гвоздильного завода 2 июля (в отделе—«Митинги и собрания»).

№ 12, 5/VII, арест (утвержден) за статьи: 1) передовую—«Смелый натиск и робкая защита» и 2) Товарища латыша—«Латышская социал-демократия и Государственная дума».

№ 13, 6/VII, арест (утвержден) за статью М. Егорова—«Черная кость и белая кость в армии» и резолюцию, принятую на митинге солдат и матросов (в отделе—«Митинги и собрания»).

№ 14, 7/VII, арест (утвержден) за статью—«Народный суд» (в отделе—«Вопросы дня») и опубликованный протест нижних чинов Петербургского окружного интендантского управления против военного суда над преображенцами» (в отделе—«Брожение в войсках»).

*

Постановлением С.-Петербургской судебной палаты от 10 июля 1906 г. издание газеты «Эхо» было приостановлено.

Газета «Эхо» выходила в свет с 22 июня по 7 июля 1906 г. (вышло ее 14 №№) взамен закрытой газеты «Вперед» и является продолжением последней.

По постановлению от 14 апреля 1909 г. С.-Петербургской судебной палаты №№ 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 газеты были уничтожены.

1907 г.

«ПРОСТЫЕ РЕЧИ».

№ 1, 14/I-1907 г. арест (утвержден и отменен) за статью —«Избирательная кампания рабочей партии в Петербурге».

№ 2, 21/I арест (утвержден) за статьи: 1) «Локаут» и 2) «Об инквизиции в Риге».

№ 3, 30/I, арест[1] (утвержден) за статью: «Горчица г. Столыпина» (в отделе — «Вопросы дня»).

*

Приговором С.-Петербургской судебной палаты от 4 июля 1907 г. издание газеты «Простые речи» было запрещено.

№ 1 газеты был отпечатан в количестве 20.000 экземпляров, — конфисковано было 230 экз.

№ 2 был отпечатан в количестве 10.000 экз. и конфискован (количество конфискованных экземпляров установить не удалось.

№ 3 был отпечатан в количестве 10.000 экз., конфисковано было 150 экз.

№№ 2 и 3 газеты согласно приговора С.-Петербургской судебной палаты были уничтожены.

Всего вышло в свет 3 номера газеты «Простые речи».

«НОВЫЙ ЛУЧ».

№ 1, 20/II-1907 г., арест[2] (утвержден) за статью — «Государственная дума и партии» и заметку — «Кострома. Корреспонденция «Нового луча» (в отделе — «По России»).

№ 5, 24/II, арест[3] (утвержден и отменен) за статью Г. Е. Зиновьева — «Или — или...».

№ 6, 25/II, арест (утвержден) за: 1) телеграммы (случайные) из Александрова, из Канавина, из Нижнего, 2) проекты резолюций к 5-му съезду РСДРП (в отделе — «Из жизни партии») и 3) резолюцию группы стрелочников, составителей и сцепщиков Николаевской железной дороги.

№ 7, 27/II, арест[4] (утвержден) за: 1) передовую статью — «Капитал наступает», 2 заметки: о предстоящем роспуске Государственной думы (в отделе — «Хроника») и о предстоящей мобилизации на случай политических осложнений (в отделе — «Хроника»).

*

Постановлением С.-Петербургской судебной палаты от 27 февраля 1907 г. издание газеты «Новый луч» было приостановлено.

---

[1] Кроме того за № 2 газеты «Простые речи» редактор М. Е. Янцевич был приговорен к заключению в тюрьму на 6 месяцев.

[2], [3] и [4] Кроме того за №№ 1, 5 и 7 газеты «Новый луч» редактор был привлечен к ответственности и осужден на заключение в крепость на 2 года (постановление С.-Петербургской судебной палаты от 28 сентября ст. ст. 1907 г.).

№ 1 газеты был отпечатан в количестве 15.000 экземпляров и при наложении ареста на этот номер не было обнаружено ни одного экземпляра.

№ 5 — 20.000 экз., конфисковано было 103 экз.

№ 6 — 11.000 экз., при наложении ареста на этот номер не было обнаружено ни одного экземпляра.

№ 7 — 25.000 экз., конфисковано 119 экз.

Всего вышло в свет 7 №№ газеты «Новый луч».

«РАБОЧАЯ МОЛВА».

№ 1, 1/III-1907 г. арест (утвержден) и привлечен к ответственности по суду редактор за передовую статью — «Петербург, 1 марта».

*

Постановлением С.-Петербургской судебной палаты от 20 марта 1907 г. издание газеты «Рабочая молва» было приостановлено, вышел в свет только № 1 ее.

№ 1 газеты «Рабочая молва» был отпечатан в количестве 18.000 экземпляров, из которых конфисковано было 7.600 экз.— конфискованные экземпляры были уничтожены.

«НАШЕ ЭХО».

№ 10, 5/IV-1907 г., арест (отменен) за приветствие Социал-демократической фракции Гос. думы от 500 кутаисских рабочих (в отделе — «Думская хроника»).

*

Газета «Наше эхо» выходила в свет с 25 марта по 10 апреля 1907 г. (вышло 14 №№).

Сообщила **А. М. Закова.**

2. РЕЦЕНЗИИ.

М. Балабанов — «Объединенный капитал против рабочих, 1905 — 17 гг.» (История в популярных очерках. Россия и СССР), изд. «Прибой», Л., 1930 г., 77 стр.

Выход в свет книжки по мало разработанному вопросу об организационных формах борьбы крупного торгово-промышленного капитала с рабочим движением нельзя не приветствовать. Своевременность появления такой, к тому же написанной для широкого читателя, книжки — вне сомнения. С тем большей строгостью приходится подойти к ее содержанию.

Прежде всего, как положительный факт, нужно отметить, что М. С. Балабанов в разбираемой работе увязывает факт объединения капиталистов в антирабочую предпринимательскую организацию с монополистическим «созреванием» крупного капитала. Нам уже приходилось отмечать отсутствие такой увязки в других работах того же автора (см. нашу рецензию на книгу того же автора—«От 1905 г. к 1917 г.» в № 1/28 «Красной летописи» за 1929 г.).

К сожалению нужно отметить, что и в разбираемой работе нет еще вполне четкой установки в вопросе о значении монополистической стадии развития капитализма для боевого организационного оформления антирабочей предпринимательской тактики. Для М. С. Балабанова и теперь главным является то, что соглашения капиталистов начались, «как только.. рабочее движение начало принимать массовый характер» (стр. 3). Что такой характер есть следствие определенной ступени концентрации производства—на первых страницах книги не говорится, только потом вспоминается монополистический характер капитала, как «условие возможности» предпринимательского объединения. Все же и это является уже некоторым шагом вперед, чего конечно нельзя не приветствовать.

Говоря о первых попытках антирабочего предпринимательского соглашения, М. С. Балабанов указывает, что «надо думать» — такие соглашения имели место уже в 70-х годах. Почему «надо» так думать — не указывается. Между тем это было бы очень любопытно и подтверждающий фактический материал здесь был бы далеко не лишним.

То, что первое соглашение предпринимателей 90-х и 900-х годов носило эпизодический характер, никак не объяснено автором. Здесь, как нам думается, сказалась старая недооценка автором экономического фона, на котором разворачиваются те или иные формы классовой борьбы.

Нужно также отметить, что М. С. Балабанов главным образом фиксирует свое внимание на организационно-юридической стороне вопроса, приводя ряд весьма интересных данных. К сожалению меньше внимания уделено им фактам массового рабочего движения, сопоставления с которым развития предпринимательской тактики не только оживило бы изложение, но сделало бы более понятной для читателя книги те или иные изменения в антирабочей практике предпринимателей.

Этим очевидно, хотя и в известной только мере, должно быть объяснено то, что время империалистической войны и 1917 год освещены в книжке далеко недостаточно. Так совершенно не освещен автором вопрос о «рабочих группах» военно-промышленных комитетов, как о своеобразной, хотя и неудавшейся, попытке бургфридена для русских условий. В этой связи интересно было бы осветить вопрос о двух тактиках предпринимателей, ярко наметившихся именно в этом вопросе. Как известно, если петербургские фабриканты были против «рабочих групп», то московские текстильные фабриканты в полном смысле слова были их духовными отцами и руководителями.

Несмотря на то, что организационной практике предпринимателей автором уделено в книге много места, к сожалению не все «конвенции» (интереснейшая форма антирабочей тактики капитала) освещены с достаточной полнотой. Так вовсе не упомянута конвенция 1917 года. Нельзя не признать это большим упущением.

В заключение необходимо отметить две крупные ошибки автора:

1) На стр. 24 говорится, что рабочее движение 1905 года «говорило о силе революционной борьбы, о том, что рабочие далеко не намерены

удовольствоваться заявлениями политических требований, но ставят в порядок дня основные социальные вопросы».

Само по себе такое противопоставление политических требований требованиям «социальным» совершенно не верно.

Введение рабочими Петербурга в 1905 году явочным порядком 8 часового рабочего дня автор расценивает как борьбу за «основной социальный вопрос», в то время когда это средство борьбы рабочих в те дни принимало политическое значение. Приведенная формулировка быть может и помимо воли автора может быть понята, как подчеркивание преимущества и большей значительности экономических требований по сравнению с политическими. Едва ли в наше время нужно пространное разъяснение всей несостоятельности такого положения.

2) Другой ошибкой, уже чисто фактического порядка, является утверждение, что Московское общество фабрикантов и заводчиков было, в 1906—07 гг. организацией «текстильных фабрикантов Московского района». Как литературные, так и архивные источники указывают, что общество фабрикантов и заводчиков центрального промышленного района, проектировавшееся московскими текстилями, не было организовано и вместо него московскими металлозаводчиками во главе с Ю. П. Гужоном ыло организовано Московское общество заводчиков и фабрикантов. В книжке, специально посвященной антирабочим объединениям крупного капитала, такая ошибка непростительна. О сообщенных нами в исправление этой ошибки фактах можно во всех подробностях узнать из записки С. И. Четвертикова по этому вопросу, имеющейся в архиве Петербургского общества заводчиков и фабрикантов.

В. Рейхардт.

А. А. Мильштейн — «Оценка движущих сил революций 1905 года и Октябрьской 1917 года Н. А. Рожковым и М. Н. Покровским» (Индустриально-педагогический институт имени К. Либкнехта. «Научные труды» под редакцией профессора И. И. Месяцева, серия социально-экономическая, выпуск № 11), изд. Индустриально-педагогического института имени К. Либкнехта, Москва, 1930 г., 48 стр.

Работа А. А. Мильштейна является интересным историографическим этюдом. Автор путем сопоставления данных в трудах Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского, схем развития русской революции устанавливает резкую противоположность построений обоих историков: меньшевистский характер суждений Н. А. Рожкова по основным вопросам истории революции и чисто марксистский, революционно-диалектический подход к их решению у М. Н. Покровского.

Революцию 1905 года Н. А. Рожков определяет, как буржуазную в меньшевистском понимании этого термина, т. е. как революцию, руководимую буржуазией. Переоценивая революционную роль буржуазии, Рожков выставляет неверное положение об единстве политических стремлений всей буржуазии. В работах М. Н. Покровского по 1905 году доказана

на основании фактического материала политическая диференциация буржуазии, чем разбивается теория Рожкова об ее единстве.

Признавая рабочее и крестьянское движения преобладающими элементами революции 1905 года, Н. А. Рожков своеобразно оценивает роль пролетариата в революции. Основными революционными кадрами он считает мало-квалифицированных рабочих, шедших за большевиками и принимавших участие в вооруженном восстании. Квалифицированный пролетариат, по мнению Рожкова, тяготеет к меньшевизму и легальным формам борьбы, и участие его в восстании было очень незначительно Развивая эти положения, Рожков упустил из вида, что еще до 1905 года ведущей группой в рабочем движении были металлисты — наиболее квалифицированные рабочие, — и, как это доказал М. Н. Покровский, именно их участие придало движению ярко революционный характер.

Нужно отметить, что А. А. Мильштейн, указывая на опровержение теории Рожкова в существующей, кроме трудов М. Н. Покровского, литературе по рабочему движению, напрасно ограничился ссылкой лишь на общие работы С. А. Пионтковского и М. С. Балабанова. Следовало отметить хотя бы основные истпрофовские издания, касающиеся движения среди рабочих отдельных производств и устанавливающие на основании новых фактических данных преобладание большевистского влияния в целом ряде квалифицированных групп рабочих.

Неверная оценка революционной роли пролетариата обусловила у Н. А. Рожкова недооценку значения советов рабочих депутатов и московского декабрьского восстания. Рожков считает высшим подъемом революции 1905 года не декабрьское восстание в Москве, а всеобщую октябрьскую стачку, солидаризируясь и в данном случае с меньшевиками.

Говоря о роли крестьянства в революции, Н. А. Рожков относит деревенскую бедноту к «босячеству», которое «было только участником грабежей», а руководящей группой считает середняка. Положения М. Н. Покровского о двух основных течениях в крестьянском движении, — влиянии пролетарской революции через работающих в городе бедняков и движении зажиточного крестьянства, в ряде случаев являющегося ведущей группой,— Н. А. Рожков отвергает.

Схема развития революции 1917 года строится Н. А. Рожковым на неверном основном положении, что к моменту Февральской революции пролетариат и буржуазия выступали единым фронтом против самодержавия, руководствуясь однородными политическими стремлениями. Концепция Октябрьской революции, данная Рожковым в 1918 году, — чистоменьшевистская, притом с ярко выраженным полемическим характером. Основными силами Октябрьского переворота он считает рабочих, матросов и солдат, причем участие их в революции объясняет успехом большевистской агитации, нашедшей благодарную почву в анархичности и максималистских устремлениях рабочих и матросов. Крестьяне, по мнению Рожкова, пошли за большевиками лишь после роспуска Учредительного собрания.

Сопоставляя эти взгляды Рожкова с объяснением Октябрьского переворота у В. И. Ленина и М. Н. Покровского, автор устанавливает антимарксистский характер воззрений Рожкова, чуждых революционной диалектики. Это свойство его взглядов А. А. Мильштейн объясняет отходом Рожкова от революционной социал-демократии после 1907 года и сближением с меньшевиками. Принятие им Октябрьской революции в последние годы жизни не побудило его пересмотреть свою схему истории революции.

Автор одновременно устанавливает, что М. Н. Покровский, опиравшийся в своих теориях на обширный фактический материал, «в изучении Октября идет по стопам В. И. Ленина» (стр. 39), доказывая полную историческую закономерность Октябрьской революции и подчеркивая ее международное значение.

В общем работа А. А. Мильштейна дает четкое противопоставление исторических построений М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова, раскрывая меньшевистскую природу теории последнего. К сожалению изложение автора не всегда отличается должной ясностью. Так например, анализируя взгляды Покровского и Рожкова на крестьянское движение 1905 года он очень неясно говорит о роли середняка в движении: касаясь взглядов Рожкова, он разграничивает зажиточное крестьянство и середняка, а излагая теорию Покровского, отождествляет их, утверждая, что у Покровского руководителем крестьянства является середняк. Между тем в приводимой им цитате из соответствующей работы Покровского ясно говорится о «зажиточных элементах» крестьянства (стр. 22).

В ссылках на «Русскую историю в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского автору следовало бы придерживаться единообразия и точности: названная работа указывается то под полным заглавием, то как «сжатый очерк», то просто «очерк».

Досадное впечатление производит искажающие смысл опечатки — в заглавии вместо: «Оценка движений сил революции» следует: «...движущих сил революции»; на стр. 10, 8-я строка снизу, вместо: «своеобразием расположения материала» по смыслу следует: «однообразием», на стр. 24 вместо указанного 10-го тома «Русской истории» Рожкова следует 11-й том.

Т. Шатилова.

В. Василенко — «Офицеры в рясах», Гос. изд., М. — Л., 1930 г., 112 стр.

История революционного движения в армии привлекает к себе в последнее время нередко внимание исследователей. Но однако почти все авторы, рассматривая революционный процесс в армии, оставляют в стороне вопросы, связанные с методами борьбы самодержавия за армию. Между тем несомненно, что изучение системы воспитания «нижних чинов» в царской армии, бывшей в течении многих лет орудием классового угнетения, позволит дать четкую картину классовой борьбы, развернувшейся в армии с особенной силой в течение последних десятилетий, предшествовавших падению царизма. В этой «системе воспитания» солдат

доминирующая роль принадлежала церкви и ее агентам — священникам воинских частей, организованным в армии в стройный бюрократический аппарат.

Военно-духовное ведомство занимало своеобразное место в ряду прочих управлений отдельными частями, входившими в состав военного министерства.

Попечение «о солдатском настроении», поднятие воинского духа в частях, внедрение «благонадежных», соответствующих видам самодержавного режима, политических идей — все это составляло задачу, казалось бы на первый взгляд скромного, «нестроевого» ведомства. Книга Василенко и ставит задачу осветить роль церкви и работу духовенства в буржуазно-классовом воспитании царской армии.

Книга Василенко, основанная на новом документальном материале, впервые извлеченном автором из архива духовного правления протопресвитера военного и морского духовенства, восполняет в значительной мере существующий в исторической литературе пробел по изучению борьбы самодержавия за армию.

Ознакомив читателя в основных чертах с системой организации военной церкви, автор дает характеристику работы военного духовенства в «мирной» обстановке, в годы войн (1904 — 05 гг. и 1914 — 16 гг.) и в революцию 1905 года.

В последней главе автор довольно подробно останавливается на контрреволюционной пропаганде и на участии духовенства в карательных экспедициях 1905 — 06 гг.

Отрицательной стороной работы Василенко является отсутствие характеристики взглядов представителей высшего генералитета, расматривавшего религию как средство, при помощи которого можно «парализовать» развитие революционного движения в армии (генерал М. И. Ботьянов) и «поддержать воинский дух в частях» (генерал А. Н. Куропаткин) [1].

Особенно жаль, что автор не остановил своего внимания на характеристике антирелигиозной работы, которую вели военно-революционные организации в царской армии [2].

В общем книга Василенко, богатая фактическим материалом и написанная простым языком, явится полезным пособием при изучении революционного движения в царской армии и составит интересное чтение для широкого круга читателей.

М. Ахун.

---

[1] См. «Россия для русских» (задачи русской армии), СПБ, 1910 г. том 2-й, стр. 3 — 64.

[2] См. В[оенное] Б[юро] — «Катехизис солдатский», с предисловием Ем. Ярославского (ж. «Пролетарская революция», № 5/100, 1930 г., ГИЗ, стр. 228).

«Первый Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов» подготовил к печати В. Н. Рахметов, с предисловием Я. А. Яковлева, том I (Центрархив, «1917 год в документах и материалах», под общей редакцией М. Ф. Владимирского, А. С. Енукидзе, М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), ГИЗ, М.—Л., 1930 г., XXVIII + 484 стр.

1-й Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов происходил в начальный период существования коалиционного правительства и в самый разгар подготовки, а затем к осуществлению знаменитого июньского наступления на фронте. Эти два основные вопроса — об отношении к правительству и об отношении к войне и миру,— и были основными вопросами занятий Съезда. При обсуждении их как нельзя лучше определилось все различие политики, с одной стороны главенствовавших в то время партий меньшевиков и социалистов-революционеров и с другой стороны — партии большевиков. Материалы Съезда вскрывают политическую позицию этих партий в серьезнейший и ответственнейший период революции 1917 года.

Лидеры меньшевиков и социалистов-революционеров, И. Г. Церетели и А. Ф. Керенский, играли первую роль в коалиционном министерстве в советах большинство имели меньшевики и эсеры; армейские и крестьянские комитеты были тоже меньшевистско-эсеровские. На Съезде советов эсеров было 285, меньшевиков — 248 и большевиков всего 105.

И несмотря на такое соотношение сил, на этом первом съезде советов Ленин открыто, перед лицом всей страны, заявил, что партия большевиков готова взять власть в свои руки. На заседании 4/17 июня, когда министр Церетели говорил, что в настоящий момент в России происходит упорная, ожесточенная борьба за власть и нет политической, партии, которая говорила бы: «дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место», в ответ раздался с места голос Ленина: «Есть!». А вслед за этим в своей речи Ленин прямо и твердо заявил: «Он (т. е. Церетели) говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: есть, — ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

Это было первое открытое заявление большевиков о готовности взять власть в свои руки. Оно вызвало с одной стороны аплодисменты, а с другой — смех. В продолжении всего съезда большевики занимали ту же определенную твердую позицию в противоположность другим партиям. Ту же определенную твердую позицию заняли на съезде большевики и в вопросе о войне и мире. Выступления их делегатов были очень характерны в сравнении с выступлениями делегатов других партий.

1-й съезд советов длился не более и не менее, как три недели. Заседания происходили и днем и вечером. Только по первому вопросу — об отношении к правительству — говорили семь дней. (Интересно сравнить в этом отношении Первый съезд со Вторым: последний продолжался всего два дня, вернее две ночи — 25 и 26 октября ст. ст.). Можно себе

представить, сколько успели наговорить на съезде за такой долгий срок и какой богатый материал, для характеристики позиций партий и политики коалиционного правительства и соглашательского Исполнительного комитета Петроградского совета должны представлять протоколы этого съезда.

В противоположность 2-му съезду, от которого как известно не сохранилось не только стенографического отчета, но даже протокольных записей или каких-нибудь секретарских отчетов, от 1-го съезда сохранился довольно богатый отчетный материал. Это дало возможность издание материалов 1-го съезда сделать значительно более полным и точным, в сравнении с изданием материалов 2-го съезда. Работа по подготовке к печати материалов рецензируемого тома и редакция их проведена несравненно лучше и тщательней.

Основным материалом для публикации послужили стенографические отчеты о заседаниях съезда. В распоряжении издателей для некоторых заседаний оказался еще и второй экземпляр стенограммы, с купюрами и незначительной правкой, по которому печатались отчеты Съезда в «Известиях». Часть стенограмм имеют редакционные правки, а часть и авторскую правку.

Все это позволило при подготовке материалов к печати проделать над ним большую археографическую работу. В основном археографические приемы в данном издании свелись к следующему: основной текст дается по стенограммам; отсутствующие в стенограммах резолюции, заявления, поправки к резолюциям и т. п., зачитывавшиеся на Съезде восстановлены по газетам и введены в основной текст, с соответствующими в каждом случае оговорками в сносках; речи делегатов, имеющие авторскую правку, даются в авторской редакции, но в сносках воспроизводится первоначальный текст стенограммы; редакционная правка отличается в сносках лишь в тех случаях, когда она изменяет смысл первоначальной редакции; все ошибки и описки подлинника исправлены с соответствующими оговорками этого в сносках.

Против таких приемов издание материалов возражать нельзя: дан исправный, полный текст отчетов и вся редакционная работа над ним отражена в сносках. Между прочим авторская правка в некоторых случаях представляет громадный интерес. Обращает на себя внимание та тщательность, с которой редактировались стенограммы речей Лениным.

В сносках относительно каждой речи имеются указания, по какому тексту она печатается, в каком деле хранится этот текст и имеет ли он авторскую правку. Приходится пожалеть, что в некоторых случаях, когда речь печатается в авторской редакции, хотя бы в приложениях к тексту отчетов, не дан текст речи с редакционными поправками и купюрами; это представляло бы несомненный интерес (например речь В. И. Ленина от 4/17 июня).

Во всем данном издании обращает на себя внимание тщательная редакционная работа над текстом (к сожалению это можно отмечать

относительно далеко не всех изданий Центрархива). Можно сделать только несколько сравнительно незначительных замечаний: в протоколах нескольких заседаний не указаны фамилии председателей (стр. 223, 293, 384); приходится догадываться, что председательствовал Н. С. Чхеидзе; на стр. 53 в 3-й сноске примечания: «речь председателя в подлиннике зачеркнута» нет указания, по какому же тексту она воспроизводится и т. п. Но повторяем, это все только мелкие упущения.

В приложении даны некоторые материалы, перепечатанные из газет и журналов, о фракционных совещаниях, о частном совещании членов съезда 10/23 июня (по поводу демонстрации) и речь Ленина на заседании Петербургского комитета РСДРП 11/24 июня. Эти материалы служат хорошим дополнением к материалам Съезда.

Протоколам съезда предшествует предисловие и «от редакции». В предисловии Я. А. Яковлев на примере наступления 18 июня ст. ст. показывает, как нужно учиться тому, «чтобы отличать вес и значение явления, внешне заслоняющего собою все остальное, но уже отражающего вчерашний день истории и иногда почти незаметный для глаза зародыш нового за которым обеспечен завтрашний день истории». Он приводит версию наступления 18 июня ст. ст., данную на съезде вождями мелкой буржуазии, и противопоставляет ей действительную историю этого наступления, как материал для оценки всего наговоренного на этом съезде. Прием, безусловно удачный и лучшего примера, чем знаменитое наступление 18 июня, найти нельзя. Только уж слишком пожалуй подробное описание дано подлинной истории наступления, вплоть до стратегического разбора операций.

В сообщении «от редакции» дана краткая история созыва и подготовки съезда, его состав и несколько кратких замечаний по поводу приемов издания текста. Следовало здесь же сообщить порядок дня съезда.

В первом томе даны протоколы заседаний 3/16—11/24 июня. Остальные протоколы должны быть напечатаны во втором томе. В предисловии к первому тому имеются ссылки на второй том с указанием даже страниц, но до сего времени он еще не вышел. Таким образом предисловие, опирающееся главным образом на материал второго тома, еще не изданного, теряет здесь некоторую долю своего значения.

К тексту даны небольшие по размеру, но содержательные, хорошо составленные примечания. Кроме того имеются два указателя: предметный и именной. Предметный составлен недостаточно полно, имеются существенные пропуски. В заключение хочется еще раз отметить, что все издание в целом производит прекрасное впечатление.

Вл. Селиванов.

Д. Ханин — «Университет моего поколения», изд. «Прибой», Ленинград, 1930 г., 137 стр.

Всякая историческая книга, будь то мемуары или исследование, должна исторически верно излагать взятые факты, а главное освещать их с большевистской точки зрения.

Отвечает ли этим требованиям мемуары Ханина?

В самом начале книги (стр. 1—21) автор описывает свою учебу в гимназии в г. Смоленске: как гимназисты встретили Февральскую и Октябрьскую революции, отношение гимназистов к комсомолу и т. п. Из этой главы видно, что если учащиеся Февральскую революцию встретили с восторгом, то в дальнейшем, когда революция стала углубляться, отношение к революции у них совершенно изменилось. С первых же дней революции они не сумели создать какую-либо политическую организацию, а организовали «профессиональный союз хулиганов» (професхул), который до октября занимался терроризацией педагогического персонала, не предъявляя никаких требований, улучшающих преподавание и положение учащихся средних школ.

После октября «професхул» переменил свои позиции, заключил мир с педагогами и совместно с ними повел борьбу против отдела народного образования и комсомола.

«День за днем ходили мы из школы в школу, с одного ученического собрания на другое и скрещивали словесные мечи с комсомольцами. Ореол протестантов отражал наши головы... Учителя, боявшиеся и ненавидевшие нас, спрятав гадливые улыбки, приходили к нам за помощью в их борьбе против отдела народного образования. Криком, шумом, истерическим воем старались мы победить или приостановить коммунистическое юношеское движение» (стр. 13).

Итак мы видим, что буржуазные птенцы, как и их папаши, с озлобленностью обнаруживающие свое классовое происхождение, встретили все завоевания Октября. Забыв свою неприязнь к педагогам, они единым фронтом выступали против органа, строющего новую школу и ломающего устои старой гимназии, против которой они вначале выступали.

Да и сам по себе факт организации «професхула», существовавшего в продолжении двух лет, доказывает, что буржуазная молодежь была настолько ошарашена Октябрьской революцией, что ничего не смогла противопоставить ей, кроме организации союза хулиганов. Во главе этой организации стоял автор книги, который даже теперь, в своих мемуарах как бы оправдывает действия «професхула», вплоть до выступления этой организации против комсомола. Автор и сейчас еще не понял сущности этой организации. Не вскрывая истинного лица организации, он воспевает ее, оправдывая все ее действия. Чтобы не быть голословными, приведем несколько цитат из книги Ханина, характеризующих его настоящее отношение к этой организации:

«О! это была чудесная организация......

Мы были объединены, организованы, собраны в один кулак, дышали одним дыханием, жили одной мыслью — и мы стали силой среди учащихся......» (стр. 14).

«Кто они — великие изобретатели, чья беспокойная натура не могла удовлетвориться днем сегодняшним? Хулиганы!

Революционеры, погибшие на каторге и ссылке, десятилетиями лелеевшие одну мечту, тоже хулиганы, почетные хулиганы» (стр. 13).

Словом гимн хулиганству!

Хорош будет тот комсомолец, пионер или школьник (на них ведь расчитана эта книга), который хоть на минуту оставит у себя в голове «блестящие» рассуждения Ханина!

После главы, посвященной боевым дням автора в армии, он описывает оппозицию Владимира Дунаевского в комсомоле. В этой главе автор старается дать анализ «дунаевщины» с характеристикой лидеров оппозиции и их противников.

Дунаевщина известна — по документам, фактам. Несмотря на это Ханин ее искажает, заметно симпатизируя ей, и оправдывает сторонников этой оппозиции, говоря так:

«Противники Дунаевского сидели в ЦК, курили папиросы, движения их были медленны и степенны, речь логична, они собирались в светлой натопленной комнате, спокойно заседали и решали дела государственной важности»...... «У сторонников Дунаевского голодным огнем горели глаза, движения их были внезапны и угловаты, говор — шумным, речь — нередко бессвязна. Они собирались в маленькой комнате, махорочный дым жестоко ел глаза; не видя друг друга, они шутили, спорили, произносили гневные речи» (стр. 39).

Эти цитаты ясно говорят, что Ханин задним числом старается вывести противников «синдикализма» в юношеском движении в невыгодном свете, в виде каких то автоматов, решающих дела государственной важности без всякой инициативы и революционного энтузиазма.

Сторонники «дунаевщины», стремившейся оторвать комсомол от партийного руководства, не видели революционного темперамента ЦК комсомола того времени, как не поняли они его (ЦК) в достаточоой мере и сейчас.

Ханин не только вывел в неверном свете руководителей ЦК комсомола того времеии, но и приписал всему комсомолу, в лице его 3-го съезда, сочувствие «дунаевщине», рассказывая, что ЦК партии, видя, что оппозиционеры в ЦК комсомола начинают брать верх, создав угрозу оторвать юношеское движение от руководства партии, вмешался в эту борьбу, снял Дунаевского с работы в ЦК комсомола и после его фракционных выступлений исключил его из партии. После всего этого автор заявляет, что на 3-м съезде комсомола «сторонники Дунаевского взяли реванш при выступлении своего вождя: съезд холодно выслушал доклад ЦК, бешеную овацию устроил Дунаевскому, съезд аплодировал долго, неумолкая. Аплодисменты то утихали, то еще и еще раз с бурной силой возобновлялись. Эти аплодисменты не оставляли никаких сомнений насчет симпатии съезда к Дунаевскому» (стр. 52).

Из вышеприведенной цитаты видно, что комсомольский съезд целиком сочувствовал сторонникам «синдикализма» и только под давлением партии активно не выступал.

Но эта клевета на комсомол и его съезд! В массе комсомольцы никогда не сочувствовали теоретикам отрыва комсомола от партии, что подтверждает все решения 3-го съезда комсомола и полный разгром оппозиции Дунаевского. Одним вмешательством партии это объяснить нельзя. Что касается хлопков делегатов съезда оппозиции, то очевидцы говорят обратное: «Да, хлопки были, но только от группы сторонников Дунаевского». Это же не весь съезд, не весь комсомол!

Неправ также автор книги, когда он заявляет, что «дунаевщина» получилась в результате «...интеллигентского состава актива ряда организаций союза того времени».

Данное утверждение не соответствует действительности, в основных руководящих организациях союза комсомола того времени: петроградской, московской, донбасской, иваново-вознесенской и т. п., руководящий состав союза далеко не был из интеллигентов. Ханин, руководствуясь опытом некоторых провинциальных организаций (смоленской и т. п.), где состав руководства союзом был в большей мере из интеллигентов, приписывает это всему союзу в целом. В действительннсти же корни «дунаевщины» заключались не в этом.

Гражданская война и интервенция, сократившие производство, ударили по рабочей молодежи, не находившей применения своему труду. У части рабочей молодежи, не понимавшей причин этих явлений, создавалось убеждение, что молодежь оттесняют от производства. Результатом этого было стремление у отсталой части молодежи создать самостоятельные профсоюзы, советы, и т. д. Идеологами этой части молодежи явился В. Дунаевский и его сторонники.

Описывая период НЭП'а, автор приводит ряд фактов об отношении отдельных комсомольцев к новой экономической политике, из которых видно, что некоторая часть членов союза, не поняв сущности НЭП'а, ударилась в пессимизм, пьянство, хулиганство. Но автор так сгруппировал факты, не приводя ничего противоположного, что у читателя складывается мнение, что весь комсомол тогда не понял политики партии и проникся упадническим настроением.

Кстати необходимо отметить, что автор свои личные настроения и переживания приписывает всему комсомолу, всей молодежи. Сочувствуя «дунаевщине», он ее заметно выдвигает. Впав сам в упадничество в первые годы НЭПа, он это приписывает всей организации.

Описывая ленинградскую комсомольскую оппозицию и ее историю (стр. 96, 97), автор рассказывает о воспитании в ленинградском комсомоле чувства «самовлюбленности».

Для иллюстрации автор приводит пример, рассказывая, как одному австрийскому делегату комсомола один из активистов (впоследствии оппозиционер) заявил: «Ну, так наши ленинградские комсомольцы всех лучше! Зер гут, понимаешь?».

Этот рассказ автора можно характеризовать по меньшей мере, как легкомысленное отношение к фактам. Ханин наверное знает всю историю

ленинградской организации комсомола, знает, в каких условиях росла жила и боролась эта организация. Поэтому ему непростительно группу, и при том незначительную, зарвавшегося актива организации смешивать со всем активом, со всем ленинградским комсомолом. Если ленинградский комсомол и раньше и теперь гордится, или, говоря языком автора, «влюблен» в свою организацию, то эти чувства понятны, естественны и отнюдь не противозаконны, и эти чувства никак не могли привить ленинградскому комсомолу именно отдельные активисты из оппозиции.

Дальше автор дает напыщенные, временами совершенно не отвечающие действительности, характеристики целому ряду старых комсомольцев — Николаю Чаплину, Лазарю Шацкину, Александру Мильчакову и другим. Но цитировать всю книжку не стоит.

В заключение достаточно привести самую последнюю фразу из книжки, которой автор дал неудачное название «университета» и которую начал столь категоричным утверждением об отсутствии в ней «вымысла». Автор заканчивает обращение к комсомольцам: «...Мы встретимся и приятельски протянем друг другу руки. Ибо все мы рыцари одной прекрасной дамы — революции».

Комментарии были бы излишни, если бы не вертелся назойливо в голове вопрос: кто писал эту фразу? Мещанин, интеллигент, делавший революцию в белых перчатках, или старый комсомолец, совсем забывший «аромат прошедших лет», жизнь «поколений интереснейших лет», замазавший «кадры» действительно прекрасной «комсомольской ленты»?

Несмотря на то, что автор в своем предисловии заявил, что в его книге «ни слова вымысла», приходится отметить, что вымысла у автора много: оценка 3-го съезда комсомола, НЭП'а, характеристики руководителей комсомола и т. д.

Пусть же комсомолец, берущий в свои руки эту книжку, критически настроится к ее содержанию. Мы уверяем комсомольца сегодняшнего дня, что «университет комсомольский» был не таким, каким его рисует автор. Он был боевой школой ленинского комсомола, в которой рабочая молодежь получила закалку и воспитание с совсем другими результатами, чем те, какие хочет навязать ей автор воспоминаний.

С. А. З.

3. СПИСКИ КНИГ.

СПИСОК ОТДЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ
Ленинградского истпарта
за 1925—30 гг.,
посвященных революции 1905 года.

Ахун, М. И., и Петров, В. А.,—«Большевики и армия в 1905—17 гг,» (Военная организация при Петербургском комитете РСДРПб и революционное движение в войсках Петербурга), изд. «Красной газеты», Л., 1929 г., 348 стр.

Ахун, М. И., и Петров, В. А.,—«Петербург в 1905—07 гг.» (хроника событий), изд. «Красной газеты», Л., 1930 г., 199 стр.

Быстрянский, В. А.—«Ленин и 1905 год» (пособие для докладчиков и пропагандистов), Гос. изд., Л., 1925 г., 151 стр.

«Воспоминания членов СПБ Совета рабочих депутатов 1905 г.», составили П. Ф. Куделли и Г. Л. Шидловский, изд. «Прибой», Л., 1926 г. 244 стр.

«Восстания в Балтийском флоте в 1905—06 гг.» (в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова»), сборник воспоминаний, материалов и документов, составил И. В. Егоров, изд. «Прибой», Л., 1926 г., 162 стр

«Известия Совета рабочих депутатов» (С.-Петербург, 17 октября—14 декабря 1905 года), с предисловием и примечаниями Д. Ф. Сверчкова и с приложением фотографических снимков «Известий», Гос. изд., Л., 1925 г., 99 стр.

Клаас, Г. К.,— «Мои первые шаги на революционном пути» (из воспоминаний о рабочем движении в Петербурге и Прибалтийском крае в 1904—05 гг.), изд. «Прибой», Л., 1926 г., 62 стр.

Ленин, В. И., — «Пятый год» (сборник статей, речей и документов составили и редактировали Ц. С. Зеликсон-Бобровская, А. Ф. Ильин-Женевский и В. Г. Кикоин), Гос. изд., 1926 г., 784 стр.

Матвеев, А. И., и Тарасов, В. И., — «Большевистская организация и сестрорецкие рабочие в 1905 году», Гос. изд., М.-Л., 1926 г., 56 стр.

Митрофанов, В. М., — «В память жизни» (воспоминания минера, участника Кронштадтского восстания в июле 1906 г.), под редакцией и с предисловием Л. М. Быстровой, изд. «Красной газеты», Л., 1930 г., 133 стр.

Михайлов, Я. А., — «Из жизни рабочего» (воспоминания члена Петербургского совета рабочих депутатов 1905 года), изд. «Прибой», Л., 1925 г., 88 стр.

«Первая русская революция в Петербурге 1905 года», сборник 1-й— статей, воспоминаний, материалов и документов, под редакцией Ц. С. Зеликсон-Бобровской, Гос. изд., Л.-М., 1925 г., 171 стр.

«Первая русская революция в Петербурге 1905 года», сборник 2-й — «По фабрикам и заводам» (воспоминания участников и материалы архива департамента полиции), под редакцией Ц. С. Зеликсон-Бобровской, Гос. изд. Л., 1925 г., 147 стр.

Платонов, А. П., — «Восстания в Черноморском флоте в 1905 году — в июне в Одессе и в ноябре в Севастополе», под редакцией и с предисловием Ленинградского истпарта, с приложением прокламаций, архивных документов, биографий и фотографий, изд. «Прибой», Л., 1925 г., 294 стр.

«Работница в 1905 году в С.-Петербурге», сборник статей и воспоминаний, составила П. Ф. Куделли, изд. «Прибой», Л., 1926 г., 90 стр.

Розенблюм, К. И., — «О первой российской революции» (1905 г.), изд. «Красной газеты», Л., 1930 г., 143 стр.

«1905 год в Петербурге», выпуск 1-й — «Социал-демократические листовки», собрали: С. Н. Валк, Ф. Г. Матасова, К. К. Соколова и В. Н. Федорова, вступительная статья К. И. Шелавина, Гос. изд., Л.-М., 1925 г., 446 стр.

«1905 год в Петербурге», выпуск 2-й — «Совет рабочих депутатов» (сборник материалов, составил Н. И. Сидоров), Гос. изд., Л., 1925 г., 437 стр.

Янсон, П. М., — «Карательные экспедиции в Прибалтийском крае в 1903—07 гг.» (по материалам 2-й Государственной думы), изд. «Прибой», Л., 1926 г., 87 стр.

СПИСОК КНИГ,
изданных Ленинградским областным истпартом в 1930 году в Ленинграде.

Ахун, М. И., и *Петров, В. А.* — «Петербург в 1905—07 гг.» (хроника событий), изд. «Красной газеты», 199 стр., цена 80 коп.

Дрязгов, Г. М. — «Записки комсомольца», с предисловием Ленинградского истмола, изд. «Молодая гвардия», 199 стр., цена 1 р. 30 к.

Кедров, М. С. — «Без большевистского руководства» (Из истории интервенции на Мурмане) — (очерки), изд. «Красной газеты», 191 стр., цена 1 руб.

«*Красная летопись*» за 1930 год, изд. «Красной газеты»:

№ 1/34, 260 стр., цена 1 р. 25 к.
№ 2/35, 261 стр., цена 1 р. 25 к.
№ 3/36, 293 стр., цена 1 р. 25 к.
№ 4/37, 277 стр., цена 1 р. 25 к.
№ 5/38, 288 стр., цена 1 р. 25 к.
№ 6/39, 288 стр., цена 1 р. 25 к.

Митрофанов, В. М. — «В память жизни» (воспоминания минера, участника Кронштадтского восстания в июле 1906 года), под редакцией и с предисловием Л. М. Быстровой, изд. «Красной газеты», 133 стр., цена 60 коп.

Розенблюм, К. И. — «О первой российской революции» (1905 год), изд. «Красной газеты», 140 стр., цена 80 коп.

Ответственный редактор: *П. Ф. Куделли.*

Цена 1 р. 25 к.

В № 1/40

за 1931 год

„КРАСНОЙ ЛЕТОПИСИ"

будут напечатаны статьи:

А. С. Пухов — „Кронштадт во власти врагов революции" (Кронштадтский мятеж 1921 года, программа и тактика мятежников),

П. К. — „Из протоколов Петербургского комитета большевиков за 1906 год",

Н. П. Паялин — „Завод бывш. Семянникова" (продолжение),

В. Г. Наумкин — „На Ижорском заводе накануне Февральской революции",

А. Е. Тихонов — „Забастовочное движение в Новгородской губернии в 1905 году",

В. А. Абрамкин и А. Л. Дымшиц — „Журнал легального марксизма" („Начало", 1891 г.), и другие статьи.

В отделе „Библиография" будет напечатан Синодик большевистских петербургских журналов за 1906—07 гг.

